Протоиерей
Александр Торик

Флавиан

Жизнь продолжается

Протоиерей
Александр Торик

ФЛАВИАН
Жизнь продолжается

«АГИОН ОРОС»
Москва
2011

УДК 82-97+82-312.2
ББК 86.372
Т 60

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Стиль и орфография автора сохранены

Торик Александр, протоиерей

Т60 Флавиан. Жизнь продолжается: Повесть. — М.: Агион Орос, 2011. — 300 с.
ISBN 978-5-905462-02-3

УДК 82-97+82-312.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-905462-02-3

Пастырям добрым,
души свои полагающим за «овцы»,
с любовью посвящается.

ГЛАВА 1. «РАСФУФЕНДЕР»

— Лёша! Вытри Кирюше попу и подлей нам горячей водички в ванночку! Маша, не бери в рот шампунь! Лёша, возьми шампунь у Маши! Стёпа, не пугай Леночку лягушкой! Лёша, выпусти лягушку обратно в лужу! Стёпа, вымой руки после лягушки, а то будут бородавки! Лёша, зачерпни ему мыльной пены из Юлечкиной ванны и полей из ковшика во дворе! Леночка! Не плачь, лягушки добрые, они даже царевнами бывают, я вам вечером почитаю! Юля, не нужно кидать в Кирюшу мочалкой, я его уже вымыла! Кирюша, подай мне, пожалуйста, эту мочалку! Не плачь, сейчас папа промоет тебе глазик от пены! Лёша!!!

Всё! Поставлю матери Евлампии памятник высотой с Останкинскую телебашню, когда она вернётся со своего Старого Оскола с похорон двоюродной сестры! Как она — одна! — «ты, Ирочка, отдохни, иди в гамачке

полежи, тебе здоровье беречь надо, я сама сейчас быстренько управлюсь...» — умудрялась перемыть в деревенских условиях нашу «зондер-команду», не повысив голоса ни на полтона?!

— Ира! Иду на помощь! Кирилл! Подставь глаз. Не реви, будь мужчиной! Сейчас мама домоет Юлю, и мы с тобой на рыбалку пойдём! И Степана с собой возьмём, если он не будет сестру лягушками пугать! Не будешь, Степан? Проси прощения у сестры!

— Папа, я побежал червяков копать! Ленка, прости меня Христа ради, окаянного! Папа! А что такое «окаянный»?

— «Отверженный», «Богом оставленный». Ты не окаянный, ты — просто разбойник!

— Ленка, прости меня Христа ради, разбойника! Папа! Червяков на компосте копать или за навозом тёти Гали?

— Копай на компосте!

— Стёпка! Я тебя за Христа, разбойника, простила! Папа, а меня с собой возьмёте?

— Возьмём, только, чур, лягушек не бояться! И котёнка больше в бочке не топить!

— Папа! Я его плавать учила, а он царапался, и я его уронила ненарочно! Я больше не буду!

За воротами проурчал и заглох мотоцикл, скрипнула калитка.

— Дядя Семён! Дядя Семён! Папа! Дядя Семён пришёл! Дядя Семён, а мы с папой сейчас на рыбалку пойдём! Ты пойдёшь с нами?

— Пойду, пострелята, пойду, мы сейчас папу ненадолго в командировочку отправим, а я вместо него с вами как раз на рыбалку-то и пойду! Помните наше местечко заветное-секретное, где Царь-Карась с карасятами живёт? Вот туда мы и пойдём, а я вам там ещё и про Царевну-Карасевну расскажу, а может, мы её там и увидим, а?

— Ура! Пойдём, пойдём, дядя Семён, а что такое «командировочка»? Это дочка командира, да?

Ну вот! Взяли вот так и променяли папу на Царя-Карася с Карасевной...

— Всё понял, Семён! Принимай бойцов под командование, я батюшке нужен, да?

— Угадал, Лексей, заводи свой вездеход, надо батюшку на требу срочно свозить: вроде кто-то помирать собрался, а мы только вчера с батюшкиной машины коробку сняли с раздаткой вместе, сынок на переборку увёз. Ты за мальцов не беспокойся — чай не впервой с ними рыбачить. А вон уже и Нина на подходе, Иришке по хозяйству подсобит. Езжай с Богом!

— Поехал! Ну, Господь вам в помощь! Всем слушаться дядю Семёна! Лена! В носочках в воду не заходи больше! Ириша, держись!

— Ангела Хранителя, Лёша!

Через пять минут мой «БТР», как называет его отец Флавиан, с утробным рыком затормозил у церковной сторожки.

Про «БТР» (или «Пепелац», «Крокодил», «Динозавр», «Расфуфендер» и пр., и пр.) надо рассказать особо. Появился он у меня недавно, месяца два назад.

После приснопамятного попадания моей многострадальной «Нивы» в канализационный колодец Семёнов сын Миша на своём автосервисе в Отрадном героически попытался вернуть ей прежнюю работоспособность. Однако — «пошла геометрия» — и он, с моего согласия, продал «боевого коня» бригадиру «таджикстроя» в дачном кооперативе для перевозки стройматериалов и самих нелегалов-строителей.

Какое-то время я пользовался «баржой» — двадцатьчетвёркой-универсалом, выданной мне тем же Мишей в бессрочное пользование, что оказалось весьма кстати с учётом резко выросшего состава моей семьи (поимённый список см. выше). Но и она в достаточно жёстких условиях эксплуатации при постоянных поездках из первопрестольной в любимое Покровское стала проявлять свойственные возрасту болезни — «старушка устала».

Я начал подумывать, чем заменить столь необходимый в семье аппарат. Нужно было что-то за приемлемую цену, то есть — недорого, желательно полнопри-

водное, приличное по объёму и количеству посадочных мест, ну и — не сильно ломачее.

Словом, задачка, даже при нынешнем широком выборе на первичном и вторичном автомобильных рынках, непростая. Я, грешник, хоть и не люблю Господа беспокоить бытовыми просьбами, совестно как-то после всех Его ко мне милостей, но даже разок воздохнул молитвенно:

— Господи! Помоги мне найти машинку подходящую, Иришку с детками в Покровское возить!

Воздохнул и — забыл о своём воздыхании.

А Господь не забыл!

Дня через три после того воздыхания звонок:

— Лёха! Ты дома?

— Витька! Ты, что ли?

— Я. Жди. Через полчаса подъеду!

Вот так. Типичная Витькина манера. С детства командует. Мы с ним в одном дворе росли, в одной школе учились, в одном институте. Только на факультетах разных. Он на экономический пошёл, его всякие там финансы, бюджеты, кредиты-депозиты и разная прочая экономическая скукота просто зажигали. Как о поэзии, мог о банковском деле взахлёб часами говорить.

Мы ещё с ребятами над ним посмеивались, Бухгалтером прозвали, правда Витёк на прозвище не обижался. А тут перестройку принесло, мы на какое-то

время пропали друг у друга из вида. Потом слухи поползли, что наш Бухгалтер закрутел, заделался банкиром, дом на Рублёвке отгрохал, по швейцариям на лыжах катается, в общем, — весь «в шоколаде».

Как-то встретились мы с ним на одной деловой вечеринке то ли у «лукойловцев», то ли у «осталковцев», я тогда ещё в своей предыдущей конторе растаможкой заведовал. Смотрю — Витюха: костюмчик от какого-нибудь парижского кутюрье, часики по цене Мерседеса, а сам с тростью и нога в гипсе, похоже, тоже в каком-то «ненашенском».

— Здравствуйте, Виктор Анатольевич!

— Лёха! А в глаз не хочешь за «Анатольевича»? Я тебе что, друган, дорогу перешёл? Ну чего ты выпендриваешься?

— Прости, Витюха, это я так, от зависти, наверное. Ты же теперь «типа крутой»!

— Не, Лёха, я не крутой, так, — «подкрученный».

— Ты, говорят, банкир?

— Вроде того. Председатель правления и сорокапроцентный собственник «Интертрансбанка». И главная рабочая лошадь, кстати. Без моей двенадцатичасовой в день работы этот банк уже раз пятьдесят, наверное, лопнул бы, а точнее, — взорвался бы, завалив очень многих своими обломками. Правда мне пока не в напряг: я люблю эту работу, Лёха, да и сил, и мозгов пока тоже хватает.

— Как Ленка-то всё это терпит? Ты же, наверное, дома не бываешь?

— Терпит пока. Правда я и честь знаю, делу время — потехе час. С семейным отдыхом у меня всё железно организовано. Регулярно своих домашних вожу на курорты, в путешествия и на соревнования. Ленка меня на них одного, правда, и не пускает, как Матросов на амбразуру ложится.

— Какие такие соревнования?

— Да разные! Я, Лёха, всякий экстрим люблю, чтобы «проадреналинило» по самые уши. По скалам полазить, с парашютом попрыгать, понырять с аквалангом и без него, на машинках или мотиках погоняться. Между прочим, неплохие призовые места брал. Без такой разрядки в банковском кресле от инфаркта с инсультом помрёшь.

— А с ногой у тебя что? Тоже на соревнованиях?

— Угадал. С мотоцикла слегка сверзился, в отбойник на повороте улетел.

— Ленка видела?

— Видела, конечно, она же первая меня из этой кучи покрышек и вытаскивать начала. Прежде всех подбежала.

— Ругалась?

— Конечно. Она всегда ругается, когда я что-нибудь ломаю. Грозит детей забрать и к маме в Калугу уехать. Но, однако же, сама со мной и на яхте гоняет,

и по пещерам лазает, и на трофи-рейдах штурманит. GPS-навигацию лучше меня освоила. Боевая подруга! Только за травмы мои сильно переживает, плачет каждый раз, сперва ругается, а потом плачет. А я эти слёзы её видеть не могу, проще спорт бросить!

Вот такой он этот Витька-Бухгалтер!

Положил я трубку, не успел главу Аввы Дорофея дочитать, опять звонок:

— Лёха! Спускайся, жду тебя у подъезда!

— Витёк! Давай ты ко мне поднимайся! У меня кофе, только вчера из Италии!

— Кофе потом. Ты мне здесь нужен. Спускайся, сам всё поймёшь.

Спустился. Выхожу из подъезда и — прямо против дверей на газоне вижу НЕЧТО! И из этого НЕЧТА вылезает мой детский друг Витюха с загипсованной левой рукой и в каком-то ортопедическом ошейнике.

— Лёха, здравствуй! Принимай подарок!

— Здорово, Витёк! А что, подарок — вот ЭТО?

— Это, Лёха, это.

— Витя, а что это за монстр?

Это не монстр, Лёха, «монстрами» или «котлетами» прототипы называют, специально под «трофи» или «триал» построенные. А это просто внедорожник «Лендровер Дефендер», правда, как сам видишь, слегка тюнингованный.

— Это называется «слегка тюнингованный»? А я подумал, что это луноход. С чего вдруг ты мне его подарить решил?

— Видишь? — он показал на гипс и ошейник. — Это, Лёха, была последняя капля терпения моей многострадальной жены! Я тут на своей «котлетке» слегка в карьер сверзился. Готовился к этапу первенства России по джип-триалу, хотел Юрику Самодурову с его «Кадаброй» нос натянуть, и... не повезло чуть-чуть. Надо было ещё на пару единиц колёса подспустить! Сперва на «свечку» встал, а потом «уши сделал», метров с шести...

В общем, сейчас сдаю тебе последний боевой аппарат. «Котлету» уже на разборку ребятам из «Автовентури» подарил, в ней железа ценного ещё много, купешку форсированную Виталику отдал, мотик БМВ-шный Гарику, помнишь, из третьего подъезда? «Квадрика» Серёге презентовал, а эту машинку — для тебя приберёг.

Ребята сказали, что ты сейчас большей частью в деревне обретаешься, так это для деревни — самый лучший аппарат, к нему хоть плуг с бороной цепляй, куда хочешь пролезет! Я на нём половину Карелии изъездил и четверть Алтая. На «Золотой бочке» и на «Гондурасе» в первой десятке держался.

— Витя! Прости темноту безграмотную. Что такое «Гондурас» и «Бочка» эта «золотая»?

— Это, Лёха, соревнования такие внедорожные, трофи-рейды, подробнее некогда объяснять. Будет время — потом расскажу.

Вот смотри — объём кузова для твоей оравы подходящий, сзади откиднушки дополнительные есть. А уж груза вози на нём — хоть тонну, подвеска неубиваемая!

Сам машинку упаковывал, от души. Многие ребята, как узнали, что я из гонок ухожу, приличные деньги за неё давали. Но такую машину, как друга, продавать нельзя. Только подарить.

Вот держи ключи, документы, доверенность-генералку. Владей и радуйся! А я в Калугу за Ленкой покатил, дети уже, наверное, по папе соскучились.

Витька махнул рукой, и стоявший у соседнего подъезда серебристый мерседесище с мягким урчанием подкатился к нам.

— Видишь, Лёха, на чём мне теперь ездить разрешено, и то — с водителем! Кошмар! Счастливо, друган!

Когда я с мощным тракторным рыком осадил нового «коня» у ворот своего покровского дома, разглядывать диковинное чудище собралось пол-улицы. Мать Евлампия аж охнула:

— Лёшенька! Это что ж за комбайн такой?

— «Лендровер-Дефендер», мать Евлампия! Тюнингованный!

— Ишь ты! А ведь и точно — «Расфуфендер»!

Так первое прозвище и прилепилось.

Зато Стёпку с Леночкой вытащить из «Расфуфендера» смогли только под вечер.

Спаси, Господи, раба Твоего Виктора со сродники!

ГЛАВА 2. **СТАРЫЙ АРТИСТ**

Подъехав к церковной сторожке, я увидел отца Флавиана стоящего у ворот в полном «снаряжении», то есть в дорожной потрёпанной рясе, с большим кейсом-дипломатом, называемым самим Флавианом «чемоданий», на могучей шее батюшки вместе с наперсным крестом висела расшитая бисером бархатная сумочка с дароносицей.

— Отче, здравствуй и благослови!

— Благодать Господа… на водителе бронетехники Алексии… Христос посреди нас!

— И есть, и будет, отче! Осторожней, батюшка, голову не ударь, давай твой «чемоданий», узковата машинка-то для тебя!

— Как и положено боевой технике, Лёша! Я, когда по благословению владыки к солдатикам в Чечню ездил, один раз километров тридцать внутри танка прокатился! Так у тебя здесь просто танцзал по сравнению с танком, меня по приезде из люка

всем взводом вытаскивали — ох, и повеселились тогда служивые!

— Представляю себе. Куда едем, отче?

— В Крапивинки, Лёша, к умирающему вызвали, пособоровать и причастить.

— Крапивинки, Крапивинки... это где дачи артистические, что ли? Так туда же только от Т-ка трасса, значит, на Т-ск?

— Нет, Лёша, туда от нас другая дорога есть, короткая, по просеке, по которой лесовозы ходят, мне её ещё давно Семён показал. Не «хай-вей», конечно, но для твоего БТРа — почти асфальт. Давай налево и мимо пасеки, а дальше я проштурманю.

Насчёт асфальта отец Флавиан, конечно, несколько преувеличил, но в целом двенадцатикилометровый отрезок лесной дороги, точнее, колеи, мы проползли на «понижайке» (так у нас — «реальных джиперов» — именуют пониженную скорость), почти без проблем. Разочка четыре с боем прорывались сквозь глинистые «окопы», но грязевая резина не подвела — прорвались. А уж выехав на щебёночный грейдер, остаток пути мы, можно сказать, просто «рассекали».

Крапивинки я знал, был там два раза. Один раз ещё в студенчестве, на старших курсах, ездили туда с приятелем на дачу к его родственнику, известному режиссёру. Второй раз с тем же приятелем на ту же дачу, но уже к сыну режиссёра, в разгар перестройки.

Сам режиссёр к тому времени уже жил на ПМЖ в Израиле, работал полотёром. А сын его, как говорится, «крутился по полной» — продавал всё, всем и отовсюду. Мы и ездили-то к нему тогда обмывать какой-то его крупный «гешефт». Обмыли... Прости, Господи!

Дачный посёлок с тех пор заметно изменился. Многие некогда величавые резные строения, принадлежавшие разным народным и заслуженным артистам, поблекли, посерели, стушевались. Зато то тут, то там повыскакивали из садов нахрапистые новорусские еврокоттеджи, сплошь облепленные символами достатка — спутниковыми антеннами-тарелками и ящиками кондиционеров.

Нужный дом мы нашли достаточно быстро. Им оказался старый изысканный деревянный особняк, вероятно, конца 50-х годов, посеревшие брёвна которого, словно благородная седина, лишь оттеняли изящество постройки в стиле «русский модерн». Калитку нам открыла скромного вида пожилая женщина в брюках и толстом свитере, вероятно, в молодости бывшая красивой, с грустными покрасневшими глазами.

— Здравствуйте, батюшка! Благословите! Простите, что я в брюках и без платка: здесь, на даче у Аристоклия Ивановича, ни юбки, ни платочка не оказалось. Проходите, пожалуйста! Будьте как у себя дома, Аристоклий Иванович задремал, я вам сейчас

чайник поставлю, отдохните с дороги! Сегодня ведь не постный день? Вы сыр к чаю будете?

— Благодарю, не беспокойтесь. Вас как по имени-отчеству?

— Ах! Простите, батюшка! Я впопыхах не представилась, меня Анна Сергеевна зовут, я бывшая жена Аристоклия Ивановича, первая его жена... А вас, батюшка?

— Зовите — отец Флавиан, Анна Сергеевна! А это Алексей, мой старый друг и помощник.

— Очень приятно, Алексей! Присаживайтесь, пожалуйста.

Мы с Флавианом сели за большой круглый стол, стоящий на толстенных точёных «купеческих» ножках, покрытый старой плюшевой скатертью с густой, потускневшей от времени, бахромой, на котором стояла большая хрустальная миска, окантованная по верхнему краю серебряной прочеканенной полоской, со свежими баранками, фигурная оловянная сахарница с щипчиками, полная настоящего колотого сахара, розетка с вишнёвым вареньем и высокая тонкая ваза из тёмного зелёного стекла, из которой гордо возвышалась одинокая засушенная бордовая роза.

Анна Сергеевна ловко поставила перед нами изящные старинные чашки в блюдцах, возможно, даже кузнецовского фарфора, принесла на массивном подносе два, тоже старинных, гжельских чайника,

поменьше — с заваркой и большой пузатый — с кипятком. Затем подала тонко порезанный сыр на фаянсовой доске с орнаментом из готической надписи по периметру, душистый белый хлеб в изящной корзиночке, застеленной кружавчатой салфеткой, и, явно деревенское, густо-жёлтое сливочное масло в смешной маслёнке, изображающей спящего поросёнка.

От всей этой архаично-солидной обстановки, включая то, как быстро и деликатно ухаживала за нами Анна Сергеевна, веяло чем-то дореволюционно-старосоветским, явно вымирающим, но уходящим без ропота, с достоинством истинного благородства. За столом было тепло, уютно и немного грустно.

— Анна Сергеевна! Не будет нескромностью спросить, сколько лет Аристоклию Ивановичу?

— Сейчас скажу, батюшка, дай Бог памяти... Мы поженились в 1952-м, мне тогда было девятнадцать, а ему двадцать шесть лет, стало быть, сейчас ему должно быть...

— Семьдесят девять, — подсказал я.

— Да, да, точно — семьдесят девять, юбилей четыре года назад отмечали в ЦДРИ, даже президент поздравление прислал! Я, правда, официально приглашена не была, оно и понятно, но меня старая подруга, Валечка П-ва, провела, я с галёрки всё наблюдала, торжество богатое было, спонсоры постарались. Аристоклий Иванович много состоятельных друзей имеет.

— А что со здоровьем у него, серьёзные проблемы?

— Не говорит он. Плохо ему, это видно, сильно плохо, а в чём дело — не говорит. Третью неделю на даче живёт, и всё один. Позавчера меня из города вызвал по телефону поухаживать за ним. А сам всё больше лежит.

Я приехала, спрашиваю: где же Элеонора, нынешняя его супруга, где Маша, дочка от второго брака, Зина и Саша от третьего или наш общий с ним сын Мишенька? Мишенька папу очень любит, он бы договорился со своим владыкой, тот отпустил бы его поухаживать за папой, я знаю, что владыка В-ий человек культурный и понимающий.

Ах, простите, батюшка, вы же не знаете, что наш с Аристоклием Ивановичем сын в С-кой епархии протодиаконом у владыки В-ия служит уже много лет. Ему не раз священство предлагали, а он всё отказывается, прикрывается своим недостоинством, да и служение протодиаконское сильно любит. Голос у него, как у Аристоклия Ивановича, сильный, красивый, бархатистый. Владыка В-ий его уважает и материально поддерживает, а то трудно было бы ему на диаконское содержание пятерых деток с неработающей больной матушкой поднимать.

А Аристоклий Иванович ответил, что Элеонора с их пятилетним сыночком в Америке, ей там какой-то особый косметологический курс проводят по

омолаживанию. Мне-то кажется, что в тридцать два года рановато ещё омолаживаться, ну да сейчас всё по-другому, им, молодым, виднее. Да и остальные его дети — кто бизнесом очень занят, кто на сцене или снимается, в общем, все, как сейчас говорят, «при делах». Он их и беспокоить не захотел. Я-то вроде не «при делах», вот он меня и позвал.

Откуда-то издалека слабо звякнул колокольчик.

— Аристоклий Иванович проснулся, зовёт! — встрепенулась Анна Сергеевна. — Батюшка, я сейчас посмотрю его и скажу ему, что вы приехали!

Мы с Флавианом молча переглянулись.

Вскоре Анна Сергеевна вернулась.

— Батюшка Флавиан, Алексей! Аристоклий Иванович вас обоих зовёт, пойдёмте к нему!

Пройдя через широкий, увешанный фотографиями Аристоклия Ивановича разных лет и в разных ролях коридор, мы вошли в большую комнату, служившую, очевидно, гостиной и кабинетом. Тот же массивный, старинный, дворянско-купеческий с элементами элитно-советского, стиль присутствовал во всём убранстве интерьера. Все стены были увешаны портретами хозяина: фотографическими, написанными маслом и темперой, углём, акварелью.

Два бюста хозяина кабинета, один — бронзовый на широкой мраморной полке слегка тлеющего камина, другой — белого камня на круглой деревянной тумбе в

углу, вдохновенно величественные, венчали собой густо наполнявшую кабинет монументальную славу признанного гения сцены.

Сам Аристоклий Иванович полулежал на широком «сталинском» диване, обитом потертой кожей и тускло поблескивающем медными фигурными шляпками гвоздей. Несколько подушек поддерживали его массивное тело в удобном полулежачем положении, ноги прикрывал ворсистый клетчатый «шотландский» плед.

— Присаживайтесь, отец Флавиан, и вы, молодой человек, присаживайтесь, — прозвучал знаменитый своей бархатной глубиной, слегка слабеющий голос. — Аннушка, присаживайся, милая, я хочу, чтобы вы все слышали мою речь.

Мы расселись по креслам: Флавиан — напротив изголовья больного, я — ближе к камину, Анна Сергеевна — на плюшевом креслице в углу у двери.

— Я, отец Флавиан, умирать собрался, у меня рак сердца в последней стадии, быстротекущая форма.

Анна Сергеевна слабо вскрикнула в своём уголке и прикрыла лицо руками.

— Анна! Перестань! — ласково-повелительно произнёс старый артист. — Когда-нибудь это ко всем приходит! Не переживай ты так!

— Я, отец Флавиан, третий месяц о своём состоянии старым другом-хирургом извещён и уже в житейском плане к этому исходу приготовился. Завещание

оформлено, инструкции адвокату даны. Осталось только душу в порядок привести, с Богом примириться, если только Его Милость ко мне, горькому грешнику, снизойдёт!

— Уже снизошла, — Флавиан перекрестился и погладил дароносицу на груди. — Господь вам, Аристоклий Иванович, Своего служителя прислал, и Сам в Святых Дарах явился!

— Вижу, батюшка, и, поверьте, трепетно благоговею. Я тут в последнее время немножко книжки духовные почитал, — он указал кивком красивой седой головы на стоящий у изголовья дивана резной столик с дюжиной лежащих на нём книг, из которых я сразу узнал Евангелие, «Закон Божий» протоиерея Слободского, «Мою жизнь во Христе» о. Иоанна Кронштадского и «Лествицу» преп. Иоанна Лествичника. Кажется, там лежало ещё житие преп. Серафима Вырицкого и несколько других церковных изданий.

— Почитал и многое впервые для себя открыл и осознал. Главное осознал. И ужаснулся. А потом умилился любви Божьей и на Его всепрощение проникся надеждой. Потому и позвал вас, отец Флавиан, и хочу пред вами принести покаяние за всю свою жизнь.

Я привстал, вознамерившись выйти, но Аристоклий Иванович остановил меня.

— Останьтесь, молодой человек, и ты, Аннушка, останься. Я сначала хочу при вас покаяться, ведь была

такая традиция, батюшка, — публичного покаяния, кажется, в «Лествице» упоминалась?

Флавиан кивком подтвердил.

— А уж я всю жизнь грешил на публике и на публику, мне и каяться, наверное, так же положено.

Он умолк, собираясь с силами и переводя дыхание, видно, пытаясь сосредоточиться на чём-то важном внутри себя.

— Главный мой грех, отец Флавиан, это не вино, не женщины, хоть и этим я нагрешил неисчислимо, главный мой грех в самой профессии моей фундаментом заложен — Тщеславие! Я, как Сатана, — славу возлюбил и возжелал её, славы безмерной, непрекращающейся, во всех её формах: в аплодисментах, наградах, афишах, статьях, портретах, в восхищённых женских взглядах... Вон какой «иконостас» на стенах красуется... Три шкафа книг, статей, альбомов да папок с газетными вырезками насобирал. Всё о себе любимом.

— Лёжа на этом, теперь уже — смертном, одре, я понял, что я за всю свою жизнь никого, кроме себя, не любил: ни жён — прости меня, Аннушка, — ни детей, ни покойных родителей. Потому и оставлял их без сожаления и не ценил того, что мне в жизни самого ценного Господь давал — любовь близких. Вся моя способность любить лишь на самого себя расходовалась да на сценическое искусство, и то только потому, что оно мою жажду славы и самолюбования удовлетворяло.

Как наркотик, всего меня порабощало. Творцом себя ощущал! Богом сцены! Ведь некоторые поклонники именно так в глаза и величали — богом, а я, червяк ничтожный, этим кощунством упивался...

Все мы — артисты, люди искусства — этой страстью больны, все «славоманы». Поверьте мне, умирающему старому лицедею. Я это хорошо знаю и перед лицом смерти кривить душой не буду.

Все высокие рассуждения о Храме Искусства и высоком служении ему — враньё! Храм-то — храм, да себе самому! И бог в этом храме — сам артист, и себе, только себе он восхищения и славы жаждет! Бедный и несчастный! Ибо настоящий Храм и Настоящий Бог, и настоящая Вечная Слава вовне остаются, недостижимые для переполненного страстью тщеславия актёрского сердца. Редко кто из нашего брата-артиста искренне к вере приходит — единицы. И те — либо со сценой порывают бесповоротно, либо мучаются служением двум господам. Горе, а не жизнь! А уж какая война за кулисами ради этой славы, какие подлости, какие интриги, какая мерзость!

Господи! Ведь я ни одного своего ребёнка сам не воспитал, только зачинал да хвастался: я и в сорок — силён, и в пятьдесят шесть «родил», и в семьдесят четыре снова отец! Да всё от молодых, и каждая следующая жена моложе предыдущей! Посмешище старое, фигляр блудливый! Кто теперь моего последнего ре-

бёнка вместо отца растить будет? Да и жёны-то! Студенточки-артисточки, будущие звёзды с моей фамилией! Одна Аня, небось, меня и любила-то искренне...

Господи! Я проклинаю эту сатанинскую страсть к славе и отрекаюсь от всей своей самоугодливой лицедейской жизни, от всего своего жестокого бессердечия, от своего безумного тщеславия, исковеркавшего мою собственную и всех моих близких людей жизни! Боже! Прими моё отречение и прости меня, если можешь! Анна! И ты меня прости за всех вас, любивших меня, и за детей моих, прости ради Христа!

Он умолк и в изнеможении опустился на подушки.

Флавиан сосредоточенно, закрыв глаза, молился. Анна Сергеевна неслышно плакала в углу.

— И ещё. Анна! За Мишеньку, сыночка нашего, отца Михаила, служителя Божьего, прости! Стыдно мне, ох как стыдно, но расскажу!

Год назад, через Интернет, меня дальний родственник разыскал, из Израиля. Так, седьмая вода на киселе, моего отца двоюродного брата, по жене-еврейке, внук. Бывший ленинградец, интеллигент, ещё в восьмидесятые эмигрировавший, у него в Израиле своя фирмочка туристическая, путеводители по Израилю пишет. Попереписывались мы некоторое время через Интернет, он меня о семье расспрашивал, приезжать в Святую Землю приглашал, обещал максимально возможный сервис предоставить. Я ему про детей

рассказал: про Сашкин бизнес, про Машины выставки, про Зинаидины съёмки и гастроли — похвастался...

А про Мишу нашего, Аня, про то, что он вообще существует — умолчал, постеснялся перед дальним родственником-иудеем своего родного первенца-сына — христианского священнослужителя... Поговори с Мишей, Аня, пусть он простит меня за всё: и за то, что я бросил вас тогда, предал любовь вашу, и за это последнее моё предательство...

— Он, Тоша, тебя давно простил, любит тебя и о тебе молится. Я, когда у него в С-ке на службе бывала, слышала сама, как он на ектении о здравии твоё имя — раба Божьего Аристоклия — среди первых, прежде моего, возглашал. Чтит тебя как отца, всегда по телефону — «Как здоровье папы?» — спрашивает, фотографию твою, где ты с ним, маленьким, на рыбалке с удочкой стоишь, в изголовье кровати своей повесил. Ты, Тоша, за Мишенькину любовь к тебе не беспокойся...

Аристоклий Иванович закрыл глаза своими красивыми, холёными руками, голова его часто вздрагивала.

— Анна Сергеевна, Алёша! — Флавиан грузно поднялся со своего седалища. — Вы, я думаю, идите пока чаёвничать, нам с Аристоклием Ивановичем есть о чём наедине пошептаться.

И он начал выкладывать из обширного «чемодания» епитрахиль с поручами и завёрнутые в чистое вышитое полотенце Крест с Евангелием.

Часа через три, после исповеди, соборования и причастия, я зашёл ещё раз в кабинет знаменитого артиста проститься. Он лежал на своём диване светлый и умиротворённый, тихий какой-то, похожий на большого довольного ребёнка. Увидев меня, улыбнулся.

— Алёшенька, голубчик! Какой у вас друг замечательный — батюшка Флавиан! Берегите его! Он меня утешил, я теперь умру спокойно, с радостью!

Пообещайте поминать меня, хоть иногда. Возьмите вон ту иконочку, эмалевую, она старинная — «Алексий Божий человек», будете на неё глядеть и за меня помолитесь.

— Батюшка Флавиан! Как бы я хотел, чтоб вы меня и отпевали! Так ведь не отдадут вам моё тело-то, в столице с ним очередное театральное действо устроят...

А ну и пусть! Пусть себе устраивают, вы меня в своей церкви тоже отпойте, заочно, моя душа там будет, где вы её провожать станете, а с телом пусть что хотят — то и делают, прах он и есть прах! Как в Евангелии: «пусть мёртвые погребают своих мертвецов!» Прощайте, батюшка, прощайте, Алексей! Аннушка, милая, подушку поправь чуть повыше...

Через пятнадцать дней тело Народного Артиста СССР, Героя Социалистического Труда, Заслуженного деятеля искусств и пр., и пр., после гражданской «панихиды» в М-ом театре и торжественного

заупокойного богослужения в Елоховском кафедральном соборе было погребено при большом стечении культурной общественности столицы на Новодевичьем кладбище города Москвы.

Анны Сергеевны там не было. Она молилась с нами, в нашей Покровской церкви, на заочном отпевании, совершаемом тихо и благоговейно отцом Флавианом в сослужении приехавшего из С-ка протодиакона Михаила, статною осанкою и глубоким бархатистым баритоном удивительно напоминавшего новопреставленного раба Божия Аристоклия.

ГЛАВА 3. **ЗАПЕЧАТАННЫЙ СОСУД**

— Ира! Всё! Я пошёл на работу! Скажи разбойникам, чтобы до обеда к «офису» не подходили и в окно зелёным крыжовником не кидались! У меня срочная заявка, даст Бог — часа за четыре закончу!

— Хорошо, Лёша, я их скоро на поляну к верхнему ручейку уведу, где Никитична козлят пасёт, пусть с козлятами поиграются!

— Мобильник не забудь, на всякий случай!

— Возьму, возьму!

Я захватил пару заранее наполненных колодезной водою двухлитровых пластиковых бутылок (утро было уже жаркое), сунул ноги в растоптанные плетёнки и по извилистой тропинке между старых вишен и зарослей крыжовника отправился в свой «офис».

Мой «офис» располагался в бывшем курятнике на дальнем конце нашего сада. Когда-то покойная Марфа Андреевна держала в нём кур и уток, затем лопаты

и грабли, затем совсем ничего. После перехода дома с участком в наше владение первое время мы складывали в бывшем курятнике всякий ненужный хлам, затем он стоял всеми забытый, потом, в связи с изменением моего статуса на работе, курятник превратился в «офис».

Не вдаваясь в скучные подробности, суть изменения моего статуса на фирме Григория Семёновича означилась тем, что большую часть рабочего времени я мог теперь проводить за компьютером где угодно — в помещении фирмы, в нашей митинской квартире или в Покровском, обрабатывая аналитические материалы по вверенному мне направлению и вовремя присылая результаты через Интернет самому Григорию Семёновичу или его заместителю по транспортной группе.

Своим рабочим временем и пространством я мог теперь распоряжаться сам, ограниченный лишь указанными в присылаемых заявках сроками выполнения работы.

Несмотря на периодические форс-мажоры, усаживающие меня за компьютер на срок до полутора суток, новая схема работы меня очень устраивала, так как я теперь мог в нужный момент помочь в семейных делах Ирине. А также я всегда был готов исполнить любимые мною обязанности адъютанта-шофёра-чтеца-певца-разжигателя-подавателя-кадила и носильщика «че-

модания» во время пастырских или «требных» поездок отца Флавиана.

Ноги у него, особенно правое колено, болели всё сильнее, коробка с раздаткой его «Симбира» всё как-то не доремонтировалась (это при всей-то оперативности Мишиных автомастерских!), и возил Флавиана теперь практически только я, даже слегка переделав, с учётом его габаритов, салазки правого пассажирского сиденья в БТРе. В общем, за всем этим отлучением батюшки от руля и переводом меня в «надомники», явно просматривалась какая-то хитроумная интрига клана Семёновых сыновей.

Зато у меня теперь появился персональный «офис». Вместе с Семёном, Юрой-спецназовцем и соседом-дачником, прекрасным кузнецом и художником Арменом, обратившимся с помощью Флавиана в лоно Русской Православной Церкви, мы за три дня превратили старый курятник во вполне цивильное помещение.

Настелили новые полы, обшили стены утеплителем и фанерой, выкрасили их в нежно-салатовый цвет. Провели кабель, установили шкаф и компьютерный стол, для улучшения мобильного выхода на Интернет установили внешнюю антенну, подключили UPS. Вместо офисного кресла Семён подарил мне роскошный резной стул собственной работы, повесил полочку с иконами.

— Ну, — выдохнул я в конце третьего дня строительства, — кажется, теперь всё!

— Нэт! — задумчиво произнёс Армен. — Нада ищё кандыцыанэр!

Обошлись напольным вентилятором.

Включив компьютер, я первым делом проверил почту. Новых материалов, кроме вчерашнего задания от начальства, не было. Пришло лишь несколько рассылок новостей с различных православных сайтов и форумов. По наиболее значительным событиям в церковной жизни я составлял обычно сводку для Флавиана, так как сам он с компьютером практически не общался, причём не по каким-либо «идеологическим» соображениям, а просто из-за отсутствия на это свободного времени да, очевидно, и желания.

Последним прибытием стояло какое-то непонятного происхождения письмо, какие я обычно ликвидирую, не открывая (опыт цепляния вируса, снёсшего у меня на прежней работе всю «ось» переполненного важной финансовой информацией компьютера, у меня уже был). Так что обжегшись на молоке… Я уже потянулся безжалостным пальцем к кнопке «Delete», как вдруг в имени отправителя мне почудилось что-то знакомое — shoma@……ru.

Shoma — Шома, Шома… Шома и Рома! Ну конечно же, Шома и Рома — Шамиль и Рамиль, однокласснички детские! Ну ты и дал, Шомка, — Шомпол, Шомон, Шаман и ещё как-то там, забыл уже! Трид-

цать лет прошло, как вы с братом Ромкой после смерти отца в Казань к родственникам переехали! Вот дела! А вдруг не он? А, была — не была, выручай, «Касперский», — открываю!

«Здравствуй, Чингачгук (точно — Шомка, это он меня так дразнил)! Как нашёл твой адрес — не спрашивай, потом расскажу. Я в Москве, надо повидаться, есть серьёзный разговор. Люся сказала, что ты живёшь в деревне под Т-ском. Я на машине, напиши адрес и «легенду», как лучше проехать. Приеду сразу, как получу твои координаты. Шамиль».

Координаты я, конечно же, сразу отправил, прибавив номер своего мобильника и указание позвонить при подъезде. Вдохновлённый неожиданной надеждой на встречу со старым другом, я так мощно взялся за свой аналитический отчёт, что полностью отстрелялся с ним аж за два часа пятьдесят пять минут (вместо планируемых четырёх), израсходовав только одну из припасённых «Колодец-Минерале» собственного разлива.

День проскочил незаметно: сперва мазали зелёнкой Кирилла, исцарапавшегося в кустах, куда он удрал от игравшего с ним Никитичниного козлёнка. Потом отмывали Лену и Машу, которые помогали старенькой Никитичне загонять этих самых козлят в скотный двор. Отмыли. С трудом. Потом всех кормили. Потом отмывали всех, кроме Степана, от клубники и особо Юлечку от овсяной каши. Потом мы со Степаном

красили новую будку для Малыша «Акватексом». Потом я отмывал Степана от «Акватекса» уайт-спиритом и хозяйственным мылом. Потом проснулись младшие и потребовали рисовать гуашью и акварелью...

От гуаши и акварели отмывала всех уже мать Евлампия, вернувшаяся к этому времени с дальнего огорода, где героически сражалась с колорадским жуком. Ира взяла на себя ужин, мы со Степаном пошли огораживать новую будку Малыша вольерчиком из сетки-рабицы. Тут-то и позвонил Шамиль:

— Лёша! Я тут немного запутался в карте — по твоей «легенде» надо было поворачивать раньше, выручай, подсказывай!

Я выдал Шомке исчерпывающие инструкции о маршруте следования и направился сообщить Иришке, что у нас сегодня будет гость и, очевидно, с ночёвкой.

Часа через полтора к нашим воротам подкатила видавшая виды «девятка» и из неё вылез худющий (как и в далёком юношестве) рыжевато-седоватый, с ещё сильнее прорезавшимися оспинами на лице, но всё с теми же озорными прищуренными татарскими глазами мой старый Шомка-Шомпол-Шаман и т.д. Мы обнялись.

— Сямэсэс, инташ! Халляр нэшек, болалар нэшек? (Здравствуй, друг! Как жизнь, как дети? — *татарск.*)

— Рахмат, йокши, синеке нэшек? (Спасибо, хорошо, как у тебя? — *татарск.*)

— Не забыл, смори-ка! Лёха! Не забыл!

— Забудешь, пожалуй! Сам тогда с тобой чуть татарином не стал, помнишь дворничиху Зульфию-апу? Так ведь она и не поверила до конца, что я — «урус»!

— Ну, ты же сам просил тебя языку выучить, мы с Ромкой и старались!

— Кстати, как он, Рамиль наш «тишайший»?

— Погиб Рамиль, в Афгане, в 82-м, под Кандагаром, вместе со всем своим взводом, награждён посмертно. Сказали — погиб как герой, до конца отход своих солдат прикрывал, только всё равно не спаслись, вертолёт, который за ними послан был, «стингером» сбили.

Кстати, он и не Рамиль теперь, а Роман, так и на могиле написано: «старший лейтенант Роман Галяутдинов». Его жена Валя, русская, перед Афганом упросила Ромку в вашу веру покреститься, а он любил её очень и не отказал. Он же вообще отказать никому не умел, сам же помнишь — «тишайший»! — Шома отвернулся и вытер глаза.

— Слава Богу! Шома! Как же здорово, что Ромка крещён! Я же за него теперь в церкви записочки могу подавать, да и вся Церковь за него молится, он же член Церкви!

Шамиль серьёзно посмотрел на меня.

— Лёша! Ты правда такой верующий серьёзный, и у тебя друг священник, как мне Люся сказала?

— Ну, верующий-то я начинающий, Шома, дохленький я ещё верующий. А вот друг священник, он же и духовник моей семьи, у меня и вправду есть! Здешний настоятель, отец Флавиан, мы с ним в институте вместе учились, когда ты уже в Казань переехал. Собственно, я потому здесь и оказался, что он в здешнем храме служит.

— Лёша! А мне с ним познакомиться можно? Я не из любопытства, для меня сейчас это важный в жизни момент, я потому и тебя разыскал.

— Алексей! Ты, может быть, друга в дом заведёшь? — раздался звонкий Иринин голос. — Я уже деток накормила, садитесь за стол и общайтесь спокойно! Познакомь хоть нас!

— Ира! Это Шамиль, он же — Шома — мой детский друг. Шома! Это Иришка — моя «апа» ненаглядная!

Шома галантно поцеловал Иришке руку.

За ужином разговор продолжился.

— Шомка! Ты хоть расскажи, что ты делал все эти годы, ведь, почитай, около тридцати лет не виделись?

— Когда у нас с Ромкой отец умер, мы как раз в десятом классе доучивались. Мама наша, ты помнишь, наверное, инвалидом была, она побоялась не вытянуть нас здесь, потому и увезла в Казань, где родни много и всегда поддержат. Правда квартиру служебную и прописку московскую мы потеряли.

Мама через полтора года в Казани умерла, но Ромка уже в своё Псковское десантное училище поступил, а я — в Казанский университет на педагогический. Родня и вправду поддержала. Там же, в Казани, я и работал после университета сперва в школе, потом в издательстве, потом на рынке продавцом, недолго правда, потом опять в школе.

— Ты женат, дети есть?

— Нет, Лёшка, пока нет. Ты ведь помнишь, я с восьмого класса за Люсей ухаживал, безрезультатно. Она всегда была — красавица, а я — татарчонок тощий, рыжий да ещё морда в оспе. Но я так другую никакую и не полюбил, за все эти годы.

Сватали меня родственники не однажды, пару раз даже чуть не женили... Но я не смог, Лёшка, против сердца пойти, видно, я однолюб. Ну и переписывались мы все эти годы с Люсей, так, по-дружески, она мне обо всём в письмах рассказывала. Про первое своё замужество, про мужа-музыканта, который спился, и про ихнего ребёночка, что утонул на Клязьме, про второй брак, и что второй муж её бросил из-за больного ребёнка, у её девочки Аллочки — ДЦП. Про работу маникюршей-надомницей и про всё остальное. В общем, я всегда был в курсе её дел.

— А три месяца назад я неожиданно опять москвичом стал. У отцовой тётки, бабушки Зухры, никого, кроме меня, наследников не оказалось, вот она, заболев

саркомой, как почувствовала, что проживёт уже недолго, меня из Казани вызвала, к себе прописала и на меня свою трёхкомнатную приватизированную квартиру у Белорусского вокзала переоформила. А вскоре и умерла. Так я опять стал москвичом, да ещё и с квартирой в центре.

— Ну, Шома! Ты смотри, какой тебе Господь подарок отвалил! Ты теперь жених завидный, берегись соискательниц, табуном набегут!

— Я это понимаю, Лёша, не первый десяток лет живу, вон из рыжего уже белым становлюсь. Я, как все эти бумажные дела оформил, бабушку Зухру похоронил, на работу в школу устроился, пришёл к Люсе и говорю:

— То, что я тебя со школы люблю, ты, Люся, знаешь, но не в этом дело. Я сейчас предлагаю тебе просто выйти за меня замуж. Я не жду от тебя чувств сильных, я понимаю — сердцу не прикажешь. Мы уже не молодые, можем жить вообще как брат и сестра. Зато я о вас с дочкой заботиться буду, Аллочку твою удочерю, будет у неё папа.

Водки я не пью, и вообще ничего спиртного не пью, и не курю, всю домашнюю работу хорошо делать умею, стирать там, готовить. Специалист я по предмету своему хороший, кандидат педагогических наук, в Казани ребят для поступления в МГУ готовил и уже сейчас, здесь, учеников частных нашёл, так что прокормить я вас с Аллочкой сумею.

Заниматься с ней буду, подготовлю её к институту, она на заочном отделении вполне учиться сможет. А ты, Люся, просто относись ко мне хорошо, уважай немножко, мне и хватит для счастья. Ты подумай, говорю, не решай быстро. Я столько лет ждал, так что, если надо, я и ещё подожду.

А она как заплачет, Люся-то, сидит за столом и плачет. Потом говорит:

— Ты, Шамиль, — хороший, ты — настоящий, только настоящее хорошее понять сразу не у всех получается. Я согласна за тебя выйти замуж, одно только есть препятствие — мы с Аллочкой православные христианки, Богу молимся, в церковь я её вожу, причащаемся. Нельзя мне за мусульманина замуж выходить.

— Я не мусульманин, — говорю. — Я вообще никто по религии, так, — советский интеллигент, атеист. У нас с Ромкой и родители тоже атеистами были, в мечеть не ходили, обрядов не знали. Меня в Казани хотели родственники к исламу приобщить, уже в перестройку, только я ведь свои пятёрки в университете не за просто так получал, в том числе и по научному атеизму. Не стал я мусульманином и в Казани.

Обычаи своего народа я уважаю, как и любого народа, но с Мухамедом подружиться у меня не получилось, голова мешает. Уж очень я как математик всё анализировать привык, а в Коране слишком многое не сходится, я его весь очень внимательно прочитал.

А христианскую веру я и вовсе не знаю, как-то интересоваться нужды не было. Но, если ты хочешь, я для тебя пойду и покрещусь, как Рома для Вали, что там надо сделать — всё сделаю.

— Нет, Шамиль! — говорит. — Я не хочу, чтоб ты для меня крестился, я хочу, чтоб ты искренне Христа познал и в Него уверовал, тогда и брак у нас может получиться настоящий, построенный не на земной страсти, а на единстве в духе. Этот фундамент для брака самый надёжный!

— Хорошо, Люся, — говорю, — научи меня твоей вере, я честно постараюсь её понять и принять, если увижу, что в ней — правда. Только я кривить душой не смогу, если у меня опять что-то и в христианстве не сойдётся, я тебе об этом не смогу не сказать.

— Шамиль, я женщина простая, сердцем верую и Бога знаю по чувству сердечному, но я понимаю, что для тебя это не путь.

Поговори с Лёшей Мироновым. Мне Кира, наша общая с ним знакомая, она работает с ним в одной фирме, говорила, что Лёша очень верующий стал и что у него есть друг священник. И, кстати, тоже технарь по образованию: то ли физик, то ли математик. Может быть, они тебе всё на твоём научном языке и объяснят.

— Вот так, Лёша! Позавчера у нас с Люсей этот разговор произошёл, и, вот видишь, — сейчас я у тебя сижу! Ну, что ты мне теперь скажешь, старый друг?

— Можно, я скажу два слова, Лёша? — внезапно заговорила прежде сидевшая молча Ирина.

— Конечно, Ирочка, я сам и сказать-то что — ещё не знаю.

— Шамиль! Я, как и Люся ваша, тоже женщина простая и дальше Детской Библии и «Закона Божьего» для школы и семьи в богословии не продвинулась. Но Бога тоже сердцем знаю и личный опыт с Ним общения имела, Лёша вам как-нибудь расскажет. И вот от этого опыта я знаю, что Богу в первую очередь ваше личное обращение к Нему нужно, сердцем. Не копание в книгах и умственные заключения — это менее важно. А именно от сердца горячее обращение — молитва. Я вам вот что предложу.

Мы как раз сейчас с Лёшей будем вечернее правило читать — «Молитвы на сон грядущим». А вы постойте рядышком, можете даже не вслушиваться в тексты молитв, можете и посидеть даже, если устанете с непривычки. Вы просто поговорите сами с Богом, мысленно, про себя, скажите Ему:

— Господи, если Ты есть, открой мне Себя, я хочу с Тобой познакомиться. Или как-нибудь ещё, своими словами. Он откликнется, поверьте, я не знаю — как, но — откликнется. Он всегда откликается. Правда, Лёша?

— Аминь, Ирочка! Ты всё сказала, мне добавить нечего. Давайте правило почитаем и — спать. А завтра я тебя, Шома, к отцу Флавиану отведу, и он тебе всё,

что тебя в религиозных вопросах интересует, через третий закон термодинамики объяснит!

Всё вечернее правило Шома простоял рядом со мной молча и сосредоточенно, только один раз, когда Ирина читала «Вседержителю, Слово Отчее...», тихонько спросил на ухо:

— Мне креститься — можно?

— Можно, — шепнул я ему и показал, как правильно сложить пальцы.

Когда я стелил ему спать на раскладушке у себя в «офисе», мне показалось, что «отклика» он ещё не услышал.

Утро началось с сюрприза. На рассвете, когда я босиком и в шортах, накинув на плечи полотенце, выскочил на крыльцо, намереваясь совершить ежедневный пробег до озера с ежедневным же заплывом и таким же пробегом (но уже быстрее) в обратную сторону, я обнаружил сидящую на крыльце странную фигуру, похожую на большую нахохлившуюся птицу. Это был Шома, завернувшийся в одеяло и зябко пытавшийся уместиться под ним вместе с ногами, прижавшись к балясинам крыльца.

— Шома!?

Он поднял голову, в его глазах был откровенный суеверный ужас.

— Лёшка! Вы что — экстрасенсы или как там ещё? Вы что со мной сделали вчера? Загипнотизировали, что ли?

— Шома! — я присел рядом с ним, поняв, что с заплывом у меня сегодня уже — пролёт:

— Шома! Что случилось?

— Лёша! Я видел шайтана, двух шайтанов! Или чертей, демонов, как они там правильно называются... Я видел их, как тебя сейчас, даже яснее, ярче, я почувствовал от них ужасный холод и до сих пор не могу согреться! Мне стало страшно, Лёшка, что это такое?

Я понял, что «отклик» пришёл.

— Так, Шома! Пошли-ка в дом, на кухню, в тепло, Иришка уже ставит чайник, там и поговорим. Не бойся, дети не проснутся, к ним вход с другой стороны и с ними там мать Евлампия, она небось уже свою «Полунощницу» заканчивает.

Мы тихонечко прошли на кухню, введя в некоторое изумление заваривавшую чайник Ирину.

После второй чашки «Того самого индийского» с «милицией» (мелиссой, на местном наречии) Шамиль обрёл способность говорить, не снимая, однако, с плеч одеяла.

— Лёша, Ира! Поверьте только, что я не сошёл с ума, мне самому непонятно, как это может быть, но это было, и я в этом участвовал! Попробую вам рассказать так, чтобы вы поняли.

Я вчера уснул сразу, у вас тут такой чудесный воздух, так всё пахнет, а уж после Москвы и подавно. Внезапно ночью я проснулся, проснулся от холода. Причём не от обычного холода, который идёт снаружи,

а внутри твоего тела тепло, и надо только это тепло удержать, закутавшись потеплее.

Это был холод какой-то неземной, не из нашего мира, что ли. Мне трудно это объяснять нашими трёхмерными понятиями, но он пронизывал меня насквозь, как бы существовал внутри меня независимо от меня. Я открыл глаза и увидел, реально увидел, на фоне окна два тёмных силуэта. Они были выше дверной притолоки, непрозрачные, как бы размытые, и этот холод, как мне показалось, шёл от них.

Они смотрели на меня, и, хотя я не видел их глаз — я не видел, есть ли у них вообще глаза, но я чувствовал, что они смотрят на меня и смотрят с какой-то просто умертвляющей ненавистью. Затем они стали говорить обо мне. То есть не говорить в привычном нам понимании, когда ухо слышит звуки, разговор шёл как бы на уровне мыслей, но я «слышал» и понимал его, хотя я не знаю даже на каком языке они говорили.

Переводя сейчас на наш, человеческий язык, этот разговор прозвучал бы примерно так: один из них (или одна, может быть, — одно) сказал:

— Войдём в него?

И я сразу понял, что это — про меня.

Другой ответил:

— Нельзя! Пуст сосуд, но запечатан!

После чего фигуры как бы растаяли в воздухе, оставив лишь чувство этого адского холода и ужаса.

Я не смог больше оставаться там, мне сделалось безумно страшно, я взял одеяло, убежал к дому и до рассвета просидел у вас на крыльце.

Лёша! Что могут значить эти слова: «Пуст сосуд, но запечатан!»?

Кажется, я понял. Мы переглянулись с Ириной, и я понял, что она тоже поняла.

— Шома! Покажи, как ты крестился вчера вместе с нами!

Он удивлённо посмотрел на нас, сложил правильно пальцы, поднёс их ко лбу, к животу, к правому плечу, затем к левому и снова посмотрел на нас.

— Шамиль! Это и есть неприступная демонам печать — крестное знамение!

Ира поднялась.

— Лёша, позвони-ка батюшке, я думаю, что он уже давно на ногах. Я пойду, посмотрю в комоде чистую белую футболку, думаю, она пригодится.

Футболка пригодилась.

За обедом у нас присутствовали два дорогих гостя — отец Флавиан и «новопросвещенный раб Божий» Николай-Шамиль, принявший Святое Крещение с именем недавно прославленного Государя-мученика.

Кажется, в воздухе запахло венчанием!

ГЛАВА 4. **СПРАВЕДЛИВОСТЬ**

И вот так всегда!

Господи! Ну когда же я научусь смиряться!

Стоило мне погрузиться в глубины высокого богословия и приблизиться к познанию понятия «исихазм», как приходит богословски не развитая, приземлённая мать Евлампия (как обычно, полночи промолившаяся в детской комнате над кроватками спящих «красотулечек ненаглядных») и, глядя на меня, даже как будто и с укоризной заявляет:

— Алексей! Ведро в колодце опять оторвалось. Лучше бы его к цепи стальным карабинчиком прикрепить, как у Семёна Евграфовича, а не проволочкой алюминиевой! Вы бы достали ведёрко-то, я уже багор от соседа принесла, только вот мои руки — коротковаты, сама не дотягиваюсь.

Ну и как тут духовно развиваться?!

Ведро я достал.

Звоню:

— Семён Евграфыч! Ты дома? У тебя случайно не завалялся, взаимообразно, запасной карабинчик, вроде того, которым у тебя ведро в колодце крепится? А то моё четвёртый раз за лето оборвалось с проволоки, а мать Евлампия взглядом обличает!

— Приходи, Лексей! Подберём тебе карабинчик!

— Мать Евлампия! Ну скажите, разве я не смирен?

— Не смирен, Лёшенька! Ох, ещё пока не смирен!

Вот так! Это я ещё и не смирен! Вот что значит богословская необразованность в нашем женском приходском монашестве!

Во дворе у Семёна звенит циркулярка — Семён с Юрой-спецназовцем нарезают у сарая какие-то бруски.

— Бог в помощь труженикам! Семён, Юра, здравствуйте!

— Здорово, Лексей! Пожди минутку, уже заканчиваем!

— Может, помочь чего?

— Нет, спаси Господь, последний брус дорезаем.

Циркулярка замолкла.

— Алексей, ты торопишься? А то, может, чайку с нами выпьешь?

— Выпью, Семён Евграфыч, всё равно мои все к Солодовниковым на день рождения их Ксенички

пошли, а я вроде книжку читал, да тут это ведро... Нина-то дома?

– Тоже у Солодовниковых, именинный пирог им понесла, с ягодами.

– О! Ну почему это не у меня день рожденья?

За разговором Юра-спецназовец вернулся из летней кухоньки с закипевшим чайником в одной и горстью кружек в другой руке. Фирменный Семёнов чай на травах заблагоухал по заднему крыльцу, на котором мы наскоро расположились. Юра быстрыми точными движениями нарезал на дощечке утренний домашний Нинин хлеб, поставил миску с кусками сотового мёда, взял по кусочку того и другого и тихо присел на нижней ступеньке, поставив перед собой большую алюминиевую армейскую кружку с дымящимся напитком.

Он был, как всегда, молчалив и задумчив. Левая, поуродованная осколком гранаты кисть руки двумя работающими пальцами сжимала ломоть ароматного хлеба, от которого Юра, не торопясь, отламывал кусочки и аккуратно клал в рот.

Появился Юра у нас в Покровском весною, вскоре после Пасхальной недели, точнее был «появлён». Я как раз присутствовал при этом.

Помогая звонарнице Аксинье поменять некоторые верёвочки на языках колоколов, пообтрепавшиеся за время пасхальных трезвонов, и между делом любуясь

открывавшейся сверху колокольни умиротворяющей панорамой весеннего Покровского, я первый заметил приближающийся к селу в клубах пыли, видавший виды милицейский УАЗик Михалыча, начальника 2-го отделения милиции в Т-ске, большого почитателя отца Флавиана.

Вместе они проводили какую-то воспитательную работу с трудными подростками, результатом которой стало воцерковление всей семьи самого подполковника и примерно трети личного состава сотрудников его отделения.

— Батюшка! К нам гости! — перегнувшись через перила, крикнул я Флавиану, сидевшему с какой-то старушкой на скамеечке у колокольни. — Михалыч «при исполнении»!

Флавиан махнул мне спускаться, поднявшись с лавочки, благословил старушку и отправился к воротам встречать гостей.

Из подъехавшего милицейского УАЗа действительно вылез Михалыч. Не стесняясь молоденького сержанта, сидящего за рулём, подполковник снял фуражку и чинно принял благословение от Флавиана. Они облобызались троекратно.

— Батюшка! Я к тебе за помощью, как всегда. Выручай! Или ты ему мозги поставишь на место, или он кого-нибудь убьёт, и я его посажу, а не хочется совсем. Парень хороший, честный, только вот малость этой

войной чеченской, проклятой, сдвинутый. Сегодня я его чудом отмазал, а за завтра не ручаюсь. Возьмёшь подарочек?

Флавиан молча кивнул.

Михалыч сделал знак шоферу, и тот вместе с другим, постарше, милиционером вывел из задней двери сухопарого, жилистого паренька в камуфляже без погон и в наручниках. Это был Юрка.

— При батюшке бузить не будешь?

Парень, опустив глаза, мотнул головой.

— Снимите наручники. Батюшка, кваском холодненьким не напоишь? — Михалыч вытер лоб и шею носовым платком.

— Владимир Михалыч, квас в сторожке, ты знаешь, где стоит, угощайся. И ребят напои с дороги! — не глядя на милиционеров, отозвался Флавиан и, в упор посмотрев на Юру, спросил:

— Спецназ?

— Спецназ.

— Снайпер?

— И снайпер...

— Грозный?

— Грозный тоже.

— Крестился там?

— Там.

— Отец Тимофей крестил?

— Отец Фёдор.

— Госпиталь в Назрани?

— В Назрани, потом Купавна.

— Пойдём квас пить, Юра, время ещё будет для разговоров, — и Флавиан, не оглядываясь, пошёл в сторожку. Юрка безропотно двинулся за ним.

В сторожке, куда и я зашёл следом за всеми, мать Серафима потчевала милиционеров прохладным квасом из деревянной бадейки, а также свежими пирогами с картошкой и жареным луком. На столе стояла тарелка с оставшимися от пасхальных трапез крашеными яйцами. Михалыч очищал одно из них и проводил с личным составом «просветительскую» работу:

— Вот вам, хлопцы, реальный пример, — он высоко поднял свежеоблупленное яйцо. — Чудо! Яйцо уже третью неделю как сварено и не портится! Свежее и вкусное! — он с удовольствием откусил половину яйца, прожевал, запил квасом и продолжил:

— Потому что — освящённое. Обычное бы уже стухло. А освящённые будут лежать и — хоть бы хны! У моей тёщи с прошлой Пасхи лежат на иконной полке, только подсохли и выцвели немного, но не испортились! — и полковник осторожно положил в рот вторую половинку яйца. — Чудо и есть — чудо!

— Товарищ подполковник! Владимир Михалыч! А мне бабка говорила, что ими ещё пожары тушат! — поддержал тему сержант-водитель. — Вроде как, у неё на родине под Рязанью целая улица горела, дом за

домом, в Войну Отечественную, а тушить иечем было и некому: мужики-то все на фронте.

А моя бабка девчоикой была тогда и сама, говорит, видела, как старухи верующие встали с иконой Богородицы между горящим домом и следующим, на который ветер огоиь гиал. Стоят, говорит, икону против огия выставили, как щит, поют молитвы свои и пасхальиые яйца в горящий дом покидали, несколько штук.

Огоиь, говорит, столбом вверх вздыбился, полыхает, а на старух ие идёт. Тот дом, что горел, — весь выгорел, под иоль, иа старухах платья тлели, а пожар остановился! Бабка говорит, всё сама видела — а она, вроде как, ие врала иикогда. Бывает такое, батюшка?

Флавиан кивнул и посмотрел на мать Серафиму.

— Бывает, сынок, бывает! — мать Серафима вытерла мокрые руки о передиик. — Я в детстве тоже так стояла разок со старухами. Да там и ие только старухи стояли, а и мужики, и бабы — много иароду. Все иа колеиях стояли, с иконами, и уж как молились! Огоиь-то на общий амбар от «каретиого» сарая двигался, а там общий хлеб сложеи был, сгори он — село бы с голоду по миру пошло, или расстреляли бы всех, как раз тогда революция с кулаками боролась.

Яйцо кииул кто-то, да, было это. Но, я думаю, тут всё же, в первую очередь, молитва и вера людская Матерь Божию разжалобили, и оиа не дала хлебу сгореть. Не загорелся амбар, хоть и засуха была, и ветер силь-

ный, прямо на него. Правда, всё равно потом пятерых расстреляли, самых справных хозяев, работящих, из тех, кто молился на пожаре. За «религиозную агитацию». Семьи их по миру пошли. Царства им всем Небесного, мученичкам Христовым!

Михалыч перекрестился. Я тоже.

— Поедем мы, отец Флавиан! — милиционеры поднялись. — Служба! Благослови нас на дорогу!

Флавиан благословил, милицейский УАЗик, зарычав, уехал. За столом в сторожке остались только Флавиан, мать Серафима, Юра-спецназовец и я.

— Подрался? — Флавиан в упор смотрел на Юрку.

Тот кивнул.

— С кавказцами?

Опять кивок.

— Они спровоцировали?

— Сволочи «чёрные» у Генки костыль выбили, он инвалид с первой чеченской, хотели, чтобы он на коленях полз за костылём, пьяный он был, а они ржали над ним, издевались. А тут я оказался...

— Не покалечил никого?

— Не знаю. Нас всех милиция повязала.

— Посадить могли!

— Они хотели. Только к ним на рынок ребята наши сходили, ветераны, поговорили... Они все заявления свои забрали и перед Генкой извинились. А меня в кутузке ваш Владимир Михалыч сутки держал,

накормил, правда, обедом домашним, но не выпускал, пока сюда не привёз.

— Ты уже раньше к нему попадал?

— Попадал.

— За то же?

— За то же.

— Справедливости хочешь?

— Хочу.

— Ясненько...

Флавиан задумался. Потом, покряхтев, поднялся, проковылял в соседнюю с трапезной комнатушку, пробыл там несколько минут. Вернувшись, положил на стол конверт без подписи, достал из него несколько разного размера исписанных листов и коротенькую записку. Подержав в руках, протянул большой лист мне:

— Лёша! Прочитай нам всем вслух, будь любезен!

— Отче, благослови! — я взял лист в руки, это было письмо.

«Уважаемый отец Флавиан! По соображениям, которые Вы сейчас поймёте, я буду избегать любой информации, которая могла бы как-либо указать на мою личность, в случае, если это письмо попадёт не в Ваши руки. Вас мне рекомендовал как человека, заслуживающего абсолютного доверия, мой старый знакомый, один из офицеров, с которыми Вы общались во время Вашей командировки на Северном Кавказе.

Я крещёный с детства, в крещении моё имя Филипп, его никто не знает, кроме меня, по паспорту у меня совсем другое, советское имя. В настоящий момент мне немного больше шестидесяти лет. Суть проблемы, которая заставила меня обратиться к Вам, в следующем. Я бывший профессиональный военный, всю жизнь прослуживший в особо засекреченных частях, выполнявших различные специальные задания в разных странах. Я участвовал почти во всех тайных заграничных спецоперациях, проводившихся по заданию ЦК КПСС и компетентных органов. Сейчас некоторые из них стали известны общественности, но я, как дававший присягу, всё равно не считаю возможным говорить о том, в чём я давал подписку о неразглашении и не относящемся ко мне лично. Скажу лишь, что начало «Афганистана» было завершением моей военной карьеры.

Служил я безупречно, отмечен многими наградами. Так как моя работа не могла обеспечить гарантий семейной стабильности, то в период службы я не позволил себе завести семью и по выходе на пенсию оказался в полном вакууме, так как мои родители уже умерли, а других родственников у меня не имелось. Первые пару лет на пенсии я прожил на юге, пользуясь гостеприимством бывшего сослуживца и друга. А в 1993 перебрался в Центральную Россию, в небольшой провинциальный город, по просьбе другого товарища, жившего там и пытавшегося наладить небольшое

собственное дело, связанное с сельским хозяйством. Не думаю, что моя помощь стала для него серьёзным подспорьем, но именно тогда н пронзошли события, приведшие к моим сегодняшним проблемам.

Вы, я думаю, хорошо представляете себе степень крнмнналнзации общества в то недалёкое ещё время и поймёте, какой шок испытывалн люди, сталкиваясь со своей полной незащищённостью перед лицом расплодившихся тогда «братков» и «отморозков», объединявшихся в разлнчные, как их принято называть, ОПГ — организованные преступные группировкн. В городе моего тогдашнего проживания было несколько таких ОПГ, разделявшнхся, в основном, по террнторнальному признаку.

Одна нз этнх банд, отличавшаяся особой жестокостью даже среди других местных группировок, предприняла попытку рэкета в отношении моего друга, гостем которого я был тогда. Ему и членам его семьи были нанесены телесные увечья, от которых скончался его сын, дело было практически разорено.

Будучн воспитан старой советской системой в качестве её безотказного винтика, я первое время надеялся, что преступники понесут законное наказание, и государство продемонстрирует свою карающую силу. Однако вскоре я убедился в полной неспособности уполномоченных на то местных государственных органов защитнть своих граждан от посягательств распоясавшихся преступников.

И тогда во мне проснулся солдат, я ощутил себя на переднем крае борьбы с реальным врагом. Я решил, что я и только я могу восстановить в этом конкретном случае справедливость. Напомню, что я прошёл уникальную школу военного профессионализма в спецчастях и до сих пор представляю собой серьёзную боевую единицу.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что я в одиночку ликвидировал всю вышеупомянутую ОПГ — четырнадцать человек. Никто в городе ничего не смог понять: ни милиция, ни местный криминалитет. Бандиты просто исчезали, один за другим, и никто не мог заподозрить в этом культурной внешности седого пенсионера, редко появлявшегося на улицах города.

Мне никого из них не жалко, они были врагами общества, и я просто «отработал задание» по ликвидации преступных элементов. Должен же был кто-нибудь это сделать!

Я взял на себя эту миссию, и я её выполнил — восстановил справедливость и наказал зло.

Прошло уже пять лет после упомянутых мною событий, и я, и мой друг давно уже разъехались из того города по разным новым местам жительства. Я хорошо устроен в отношении жилья и работы, и все мои достаточно спартанские потребности удовлетворены наилучшим образом.

Проблема началась осенью прошлого года и продолжается уже восьмой месяц. Я абсолютно здоров

психически, я проверял это у высокопрофессиональных врачей, физическое моё здоровье тоже не вызывает никаких опасений. Но со мной стали происходить странные вещи, а именно: ко мне наяву стали являться уничтоженные мною бандиты. Они не вступают со мною в общение, хоть я и предпринимал несколько попыток заговорить с ними. Они просто молча смотрят мне в глаза, как будто просят о чём-то.

Ещё раз повторюсь, что с началом этих явлений я прошёл тщательное медицинское обследование и получил подтверждение своего психического здоровья. Несмотря на то, что эти ставшие ежедневными явления мёртвых я могу терпеливо переносить, осознавая, сколько ещё не успела изучить наука, и примиряясь с тем, что именно мне выпала участь стать носителем очередного неизученного феномена, меня не перестаёт волновать необъясняемый для меня вопрос: почему именно они? Ведь по роду моей военной деятельности, при выполнении боевых заданий, мне многократно приходилось уничтожать живую силу противника, и счёт убитых мною в боях и спецоперациях идёт на сотни. Почему мне ни разу не явился никто из них, но только те четырнадцать преступников?

Не имея возможности быть полностью откровенным с кем бы то ни было из знакомых мне людей, я стал подумывать о консультации со священнослужителем, понимая уникальность опыта Церкви в вопросах, каса-

ющихся подобных явлений. Авторитетный для меня человек назвал мне Ваше имя, остальное Вы уже знаете.

Вы окажете мне неоценимую услугу, если согласитесь написать мне своё мнение по моей проблеме и отослать на нижеуказанный адрес до востребования. С уважением подписываюсь своим крёстным именем Филипп».

Флавиан взял из конверта следующий лист, протянул мне:

— Теперь читай это.

Я продолжил чтение:

«Дорогой Отец Флавиан! Примите мою нескончаемую благодарность и признательность за то, что Вы для меня сделали!

Признаюсь, я сначала впал в недоумение, получив Ваше письмо, в котором не было и намёка на разъяснение происходящего со мной, а была лишь чёткая, расписанная по пунктам, инструкция к действию.

Особенно меня поразило, что принятие решения — выполнять или не выполнять предписанное Вами — возлагалось исключительно на мою свободную волю и желание. По недолгом размышлении, я решил довериться Вашему профессионализму и, не взирая на абсолютную непонятность для меня предписываемых Вами действий, положил для себя просто честно «отработать задание» и доложить Вам о проделанной работе.

Докладываю:

Я съездил в указанный Вами монастырь, нашёл упомянутого Вами иеромонаха отца Н., исповедал ему свои грехи по предложенной Вами схеме и сообщил ему Вашу просьбу о прочтении надо мной разрешительной молитвы и то, что Вы сами уже назначили мне епитимию. Отец Н. выполнил Вашу просьбу.

В том же монастыре я приобрёл книги по представленному Вами списку: «Новый Завет», «Псалтирь с молитвами по усопшим», «Православный Молитвослов».

Согласно расписанному Вами порядку, я стал читать назначенное Вами молитвенное правило: Утренние молитвы и три главы Четвероевангелия — утром, Молитвы на сон грядущим и две главы из Деяний и Посланий Апостольских — вечером. Это правило я неукоснительно исполняю до сего дня.

Я устроился, согласно Вашей инструкции, завхозом в провинциальный детский дом для детей-сирот, где мне приходится одновременно вести с детьми занятия физкультурой и историей (в связи с дефицитом преподавательских кадров). Каждый раз, глядя на этих несчастных детей, как Вы мне рекомендовали, я заставляю себя думать о том, что я сам сделал такими же сиротами таких же детей и прошу за это у Бога прощения своими словами.

Я начал отрабатывать назначенную Вами епитимию, читая Псалтырь с поминанием на «Славах» имён

четырнадцати убитых мною, прочитывая каждый день по 10 кафизм. Также я начал класть ежедневно земные поклоны перед иконою Спасителя, предваряя каждый поклон данной Вами молитвой: «Господи, прости мне убийство брата моего», из расчета по десять земных поклонов за каждую убиенную душу. (После устройства, согласно Вашему указанию, на работу в детский дом для детей-сирот, чтение Псалтири и поклоны пришлось перенести на ночное время суток.)

Теперь о том, что происходит со мной в настоящее время.

Видения убитых мною людей прекратились сразу после прочтения надо мною молитвы отцом Н-м.

Назначенные Вами в качестве епитимии четырнадцать тысяч земных поклонов я исполнил в течение первых же трёх с небольшим месяцев, но не прекратил совершать их до сих пор, в том же объёме и с той же молитвой ежедневно, так как начал ощущать в этом сильную душевную потребность.

И — что самое главное — я многое понял.

Я понял, что есть Бог, что Иисус Христос и есть Бог и Сын Божий, и что в Евангелии написана Истина.

Я понял, что был ослеплён безумной гордыней, когда самовольно взял на себя функции Бога — судить и лишать жизни других людей.

Я понял, что «справедливость», которую я думал восстановить, является справедливостью лишь в моём

человеческом понимании и что реальная, Божья справедливость — совсем другая и не открыта мне.

Я понял, что Бог есть Любовь и что Его милость выше справедливости, ибо если бы Бог поступил по справедливости со мной, то я должен был бы уже давно гореть в аду.

И я понял, что мне являлись только те убитые мною, кто умер по моей греховной воле, а не вследствие моей профессиональной работы солдата, потому что именно так Бог показал мне всю тяжесть моего греха.

Я понял, что Бог допустил мне видеть убитых мною людей для того, чтобы меня же самого спасти, потому что Божья любовь простирается даже на меня — бессердечного убийцу.

Я понял, что данная Вами епитимия — не способ компенсировать содеянное мною, «отработать задание» и тем оправдаться перед Богом, «расплатившись» за свои грехи, но лишь орудие для разбивания каменной корки безверия и ожесточения, покрывавшей с юности моё сердце. Корка треснула, я стал чувствовать Бога и понимать чужую боль, я научился плакать.

И ещё я понял, что я счастливый человек, потому что Бог открыл мне Себя, потому что Он свёл меня с Вами, потому что я захотел остаток моих дней прожить так, как этого хочет от меня Сам Господь Бог.

Я понял, что Тот, Кто смог простить разбойнику все его преступления за его предсмертное покаяние на

кресте, может простить любого кающегося грешника, в том числе и меня, и убитых мною «разбойников». И я, продолжая совершать земные поклоны с покаянной молитвой, каюсь теперь и за себя, и за тех, кого я лишил возможности покаяться самим.

Да простит нас всех Господь!

Прошу Вас написать мне, правильно ли я понимаю происходящее со мной и что я должен ещё сделать, чтобы Бог помиловал меня.

С искренним почтением раб Божий Филипп — Вилен Анатольевич Чайкин.

Мой адрес: В-ская обл., М-ский р-н, посёлок Г-ка, детский дом №14, завхозу Чайкину В. А.»

Флавиан посмотрел на сидевшего в оцепенении Юрку и протянул мне следующий листок.

«Здравствуйте, дорогой Батюшка отец Флавиан! Покорно прошу Вашего благословения и святых молитв! Всё перечисленное в Вашем последнем письме, милостью Божьей, мне удалось выполнить!

Я съездил в монастырь к о. Н-ну, где после исповеди у него, сподобился причаститься Святых Христовых Таин! По Вашей рекомендации о. Н-н благословил мне чётки и молитвенное правило по ним, которое, с помощью Божьей, мне удаётся неукоснительно выполнять.

Рекомендованную Вами книжку по письмам святителя Феофана Затворника «О непрестанной

молитве» я приобрёл там же в монастыре, перечитываю её постоянно и стараюсь следовать в ней написанному.

Как Вы и предположили, по возвращении в Г-ку, у меня открылись некоторые проблемы со здоровьем, возможно, последствия будут серьёзные. В случае возможного внезапного летального исхода Вам сообщат об этом.

Покорнейше прошу Вас не оставлять меня Вашими святыми молитвами и в этой жизни, и по моей кончине.

Всегда молящийся о Вас, недостойнейший раб Божий Филипп».

Последний листок из Флавианова конверта был самым коротким.

«Уважаемый настоятель Флавиан! В соответствии с волей покойного, сообщаю Вам, что работавший в нашем детском доме завхозом Вилен Анатольевич Чайкин после недолгой, тяжёлой болезни скончался 12 марта 2001 года. Перед смертью над ним были совершены церковные обряды Соборования и Причастия приезжавшим из К-ского монастыря священником Н-м.

Не могу не добавить от себя, что такого доброго, отзывчивого, бескорыстно любящего детей и любимого ими сотрудника и педагога на моей памяти за 18 лет работы директором в нашем детском доме ещё не было. Наверное, уже и не будет.

Директор детского дома №14 Тимофеева Мария Львовна».

Я кончил читать. Все сидели молча. Потом Юрка медленно поднял на Флавиана полные слёз глаза:

— Батюшка! Как же мне жить теперь?

— С Богом, Юрочка, с Господом нашим Иисусом Христом. Пойдём-ка в сад, в беседочку, там и поговорим.

С тех пор Юра-спецназовец живёт у нас в Покровском в церковной сторожке, строит вместе с Семёном и Митричем новый приходский дом, алтарничает и читает на клиросе. Не поёт, правда, — слух после бомбёжек в Грозном подводит.

— Алексей! — услышав знакомый голос, закрываю книгу Григория Паламы.

— Да, мать Евлампия! Как вам, кстати, карабинчик на ведре?

— Хороший карабинчик, Алексей! На кухне боковая полка с посудой на одном гвозде еле держится! Не приведи Господи, на руку Иринушке упадёт! Прибить бы её покрепче!

Кажется, глубины «исихазма» я постигну не скоро...

ГЛАВА 5. **КОЗЯВОЧКИ С ХВОСТИКОМ**

Интересно! Почему начинающий отпускать бороду человек всегда сталкивается с необъяснимо бурной, я бы даже сказал, агрессивной реакцией окружающих (преимущественно бреющихся и невоцерковлённых мужчин), знавших его ранее безбородым?

— Ты чо, Лёха, в бомжи заделался? — один из «мягких» вариантов первой реакции.

Я опробовал множество разных вариантов ответов на разные варианты одного и того же вопроса про бороду:

— Раздражение кожи от бритья, — ответ, вызывающий множество советов применения того, чего «для мужчины лучше нет», и различных парфюмерно-косметически-лекарственных рецептов. Да и отец Флавиан на очередной исповеди не разрешил больше врать.

— Жене так нравится, — ответ, сперва тоже не соответствовавший истине (хотя теперь: «Лёшка!

Как же я тебя раньше без бороды за мужика-то принимала?»), и для большинства оппонентов также неубедительный.

— Хиппую, — не прокатывает.

— Потому что растёт.

— У всех растёт, но все же бреются!

— У женщин не растёт.

— Так они же — женщины!

— А почему я должен бриться, чтобы быть похожим на женщину, у которой борода не растёт, если я мужчина и у меня она растёт?

— Ну, все цивилизованные люди сейчас бреются!

— Не все! Я вот не бреюсь, а я что — нецивилизованный? Машину вожу, на компьютере работаю, микроволновкой пользуюсь, мобильником... Какие там ещё признаки цивилизованности? Кстати, вилку в левой руке держу, а нож в правой и сморкаюсь в платок, а не в галстук.

— Не, ну ты скажешь...

— И вообще, в Библии, ещё в Ветхом Завете, сказано: «не порти края бороды твоей», то есть даже подравнивать бороду, как у меня, по большому счёту не положено.

— Так ты бы сразу и сказал, что ты верующий! Теперь понятно, у вас всё не как у людей!

И, конечно же, в конце разговора звучит традиционное пожелание:

— Будь проще, и к тебе потянутся люди!

После чего собеседник, с чувством выполненного долга, удаляется, гордо подняв голову.

Последнее время я стал отвечать, «как в Одессе», — вопросом на вопрос:

— Лёшка! Ты что это с бородой?

— А что?

— Нет, ну все без бороды, а ты с бородой...

— А почему тебя это волнует?

— Нет, ну так — непривычно...

— Привыкай, брат! То ли ещё будет!

В общем, я и сам ещё привыкаю к своей бороде и ко всему, что с ней оказалось связано. Зато дети довольны:

— Папа! У тебя такая щетинка приятная, как у Борьки!

Спасибо, детки! (Борька — это Семёнов трёхмесячный кабан).

Когда эта «бригада» ещё только высаживалась из своей потрёпанной «четвёрки» у церковных ворот, которые мы с Клавдией Ивановной отдраивали железными щётками, готовя к покраске «Хаммерайтом» (она — нижнюю часть, а я, со стремянки, — верхнюю), я сразу почувствовал — «ребята серьёзные». Хотя это были одни женщины, числом пять, в возрастной категории от тридцати пяти до шестидесяти с чем-нибудь.

То, как они поправляли свои длинные юбки, вылезая из машины, повязывали платки, переглядывались и оглядывали всё кругом, напомнило мне виденный мною однажды приезд «солнцевских» на «стрелку» в соседний офис, на моей пред-прежней работе. Та же внешняя спокойная деловитость и одновременно внутренняя напряжённость сквозили во всём их облике.

— Батюшку вашего повидать можно?

— Сичас гляну, миленькие! Навроде как, батюшка в сторожке был, сичас, миленькие, гляну! — и Клавдия Ивановна колобком покатилась в сторону сторожки.

Я на всякий случай слез со стремянки и стал снимать брезентовый фартук и рабочие перчатки.

— Сынок, — та, которая постарше, серьёзно-доверительно наклонилась ко мне. — А ваш батюшка ИНН принимать благословляет?

— Не знаю, не интересовался, сами у него спросите.

— Спросим, спросим...

«Начало многообещающее», — подумал я. Клавдия Ивановна уже подкатывалась обратно к воротам.

— Идите, миленькие, в сторожку, идите, батюшка Флавиан там, он ждёт вас! — Клавдия Ивановна радушно распахнула калитку.

Женщины вошли в калитку, я пошёл перед ними, показывая дорогу. На крыльце сторожки уже стоял Флавиан.

— Здравствуйте, рабы Божьи! Откуда будете?

— С недалека, батюшка! Благословите! Поговорить по важному делу приехали!

— Ну, заходите! — Флавиан благословил их всех, провёл в дом.

— Алексей! Раз ты здесь, будь добр, поставь чайник!

— Благослови, отче!

— Так чем могу вам быть полезным, паломницы с недалека?

— Отец Флавиан! — начала самая старшая. — Мы про вас наслышаны, что вы батюшка настоящий! Служите по уставу, исповедуете подробно, и ездят к вам многие. Наш батюшка приходский тоже о вас хорошо отзывался, он нас к вам и направил.

— Я, говорит, старый уже, плохо во всём этом деле понимаю. А отец Флавиан — учёный, он «Политех» заканчивал, ракеты делал, он уж точно во всём разберётся, езжайте к нему!

— Это не отец ли Феодор из Мякишево? — засмеялся Флавиан.

— Как вы, батюшка, узнали? Вот ведь и правду, значит, говорят, что вы прозорливый!

— О, да! Очень прожорливый, — засмеялся Флавиан. — Вот гляньте, какое пузо! Ваш отец Феодор, когда мы с ним на епархиальных собраниях встречаемся, всегда мой «Физтех» с «Политехом» путает! А вам обязательно прозорливый нужен?

— Ну, не обязательно, конечно...

— Тогда выкладывайте ваши проблемы, может, вместе как-нибудь и без прозорливости разберёмся.

— Вразумите нас, батюшка, очень сильное искушение у нас на приходе идёт — можно ли принимать ИНН, паспорта эти новые и штрихкоды с шестёрками? А то говорят, что это — печать антихристова, и скоро всем начнут чипы вживлять, и никто не спасётся! И что уже квартиры надо продавать, покупать дома в деревнях поглуше и с огорода жить, всё равно в городе продукты все химические, с генами и штрихами сатанинскими.

Мы тут на «престоле» в соседском храме были, так там заезжий батюшка, отец Ефим, прямо так в проповеди и говорил — кто паспорт новый или ИНН принял, тот от Христа отрёкся и в ад пойдёт. А священники, говорит, которые принимать благословляют, все Духа Святого лишились, а Архиереи и вовсе — масоны и кагэбэшники! Ищите, говорит, пастырей истинных, которые сами борются и других учат бороться!

— С чем бороться-то? — со вздохом спросил Флавиан.

— С антихристом, с ИННом этим, с шестёрками и с паспортами!

— А! А я подумал — со своими страстями греховными, с гордыней там, осуждением, леностью к молитве и прочими...

— Нет, батюшка! Отец Ефим больше про ИНН говорил, про КГБ, как там, в чекистских подвалах, всё кровью верующих было залито, как черепа проволокой трескали, как кожу с рук перчатками снимали, как крысу по раскалённой трубе в живот пускали и она человека живого изнутри ела! Ужас, как страшно говорил, Симке, вон, аж плохо стало, она в обморок бухнулась.

Скоро, говорил, опять так же будет, и всех, кто в истине стоит, ИНН не принял, так же терзать будут. Поэтому, говорил, надо в леса уходить или в горы, в скиты, только там вера настоящая и останется, там и антихриста пересидеть можно, на свёколке да на картошечке! Все другие, принявшие, от засухи мереть будут, а которые убегут, тем Господь дождичка подаст. Очень складно говорил! Он, наверное, тоже учёный — отец Ефим-то!

— Учёный, учёный, биофак МГУ кончал, слышал я про него. Да и самого пару раз встречал, в разных храмах. Аэромонах он достаточно известный!

— Аэромонах? Это как, батюшка? Лётчик, что ли?

— Ну да, вроде того. С прихода на приход летает, с чужого на чужой, естественно, и везде «проповедует» свои идеи. Раньше таких называли «шаталовой пустыни насельники», теперь — «аэромонахи». Беглые, одним словом.

— Это как же это, батюшка — «беглые»?

— А это так, сестры, что они со своих монастырей, либо приходов сбежали, кто от безденежья, кто с начальством не поладил по гордыньке, кого выгнали за серьёзные провинности, а то и в служении запретили. Вот они и мотаются с прихода на приход, по знакомым попам, «проповедуют», мутят людей.

— С ним, батюшка, чада его были, брошюрки раздавали, журналы, подписи против ИНН собирали Патриарху и президенту. А потом увезли его в машине, большой такой, иностранной. Он ещё из окна машины всех двумя руками благословлял.

— Ясненько с отцом этим Ефимом и его присными, Бог им судья. Ну что же, давайте разгребать кучи, что он вам в головы навалил. Давайте по порядку, чтоб удобнее было.

Про то, что ИНН — печать антихриста, говорил?

— Говорил, батюшка, говорил! То он её «печать» называл, то «предпечать», мол, не совсем ещё та печать, но уже и печать. А кто, мол, эту возьмёт, которая ИНН-предпечать, тот и от той уже печати, которая на лоб и на руку, ни за что отказаться не сможет! Как это, батюшка, понимать? Мы женщины простые, голова кругом идёт, одно, вроде, ясно — ИНН брать нельзя, выходит?

— Лёша, будь добр, подай с верхней полки Новый Завет, вон у правого края стоит. Спаси тебя Господи! Читаете эту книгу?

— Читаем, батюшка, конечно, потихоньку читаем!

— Ну, тогда давайте сейчас вместе почитаем, что там написано про печати-то. Так, открываем Апокалипсис, глава 13:

«*И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его — имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него — как у медведя, а пасть у него — как пасть у льва;* ***и д л ему др кон силу свою и престол свой, и великую вл сть.*** *И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела.* ***И дивил сь вся земля, следя з зверем, и поклонились др кону, который д л вл сть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может ср зиться с ним?***»

Дракон, по толкованию Святых Отцов, — сам сатана, дьявол. Зверь, которому он дал власть, силу и свой престол, — антихрист. И вот смотрите последовательность: дивились люди, глядя на антихриста, и поклонились сатане, давшему ему власть.

Понятное дело, речь идёт не о верующих христианах, а об отпавшем от Бога безбожном мире, который сам себя уже сейчас называет «постхристианским».

Далее, после поклонения сатане как источнику силы и власти антихриста, поклонились люди и самому антихристу как носителю этой сатанинской силы, ска-

зав: ***«Кто подобен зверю сему? и кто может ср зиться с ним?»***

Читаем дальше:

«И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его и жилище Его, и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком, и племенем. ***И поклонятся ему все живущие н земле, которых имен не н пис ны в книге жизни у Агнца, з кл нного от созд ния мир*** *».*

Видите, победив святых, то есть верных Богу христиан, во внешней войне, антихрист получает власть над всеми народами мира. И поклонятся ему все оставшиеся в живых безбожные народы на земле. Видите, после поклонения сатане и первого поклонения силе антихриста, мир кланяется ему уже как победителю и хозяину всего мира.

Читаем дальше:

«Кто имеет ухо, да слышит. Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых.

И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил, как

дракон. ***Он действует перед ним со всею властью первого зверя и з ст вляет всю землю и живущих н ней поклоняться первому зверю, у которого смертельн я р н исцелел*** ».

А этот, другой зверь, называется толкователями «лжепророком», главная функция которого — укрепление власти и авторитета антихриста. Он также заставляет всех живущих на земле кланяться антихристу.

Читаем:

«...*И творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми.* ***И чудес ми, которые д но было ему творить перед зверем, он обольщ ет живущих н земле, говоря живущим н земле, чтобы они сдел ли обр з зверя, который имеет р ну от меч и жив***».

Видите? Лжепророк ложными чудесами обольщает живущих на земле, чтобы сделали образ, изображение антихриста — «псевдоикону». С учётом современных технологий, возможно, для этого достаточно будет включить экран телевизора или компьютера.

«*И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так,* ***чтобы убив ем был всякий, кто не будет поклоняться обр зу зверя***».

Видите, эта «псевдоикона» антихриста будет обладать способностью уничтожать противников, не поклоняющихся антихристу. И вот наконец-то:

«И он сдел ет то, что всем, м лым и великим, бог тым и нищим, свободным и р б м, положено будет н черт ние н пр вую руку их или н чело их и что никому нельзя будет ни покуп ть, ни прод в ть, кроме того, кто имеет это н черт ние или имя зверя, или число имени его».

Видите, когда только появляется та самая пресловутая «печать», точнее — начертание. Преподобный Нил Мироточивый Афонский пророчествовал, что текст на той печати будет такой по смыслу: «Я твой» — «Да, ты мой»; «Волею иду, а не насильно» — «И я по воле твоей принимаю тебя, а не насильно».

То есть мы видим, что печать эта только скрепляет уже установленный добровольный союз между антихристом (а в его лице — сатаной) и отпадшим от Бога человеком, уже до этого неоднократно поклонившимся сатане, антихристу и «псевдоиконе» —образу антихриста.

И это происходит уже после Третьей Мировой войны, в результате которой силы зла и получат абсолютную власть над сохранившейся после этой бойни частью человечества. Будет восстановлен Храм Соломона в Иерусалиме, в котором антихрист будет венчаться на всемирное царство и объявит себя богом, потребовав от людей себе божеского поклонения.

А теперь, почитав и разобрав со мной этот текст Священного Писания, скажите-ка мне — подходит ли

этот пресловутый налоговый номер на роль антихристовой печати?

— Да нет, батюшка! Ну конечно же, нет! — в один голос заговорили приехавшие женщины.

— А как же «предпечать»? — робко заикнулась младшая.

— А где здесь написано про какую-нибудь «предпечать», покажи нам, — протянул ей Евангелие Флавиан.

— Да нет тут ни про какую «предпечать», только что ведь читали, не лезла бы уж ты с глупостями какими-то, Сима! — заукоряли молодую остальные женщины.

— Так это же не она про «предпечать» придумала, а отец Ефим и прочие современные «попы гапоны»! Для них главное — под предлогом ревности духовной человека с Церковью разлучить и с государством столкнуть, чтобы тем самым под свою абсолютную власть поставить, в духовное рабство. И физическое тоже. В их лесных да горных скитах-то работники ведь тоже нужны будут, не сами же ефимы будут картошку да «свёколку» выращивать. Как, впрочем, и во всех тоталитарных сектах.

Вразуми их, Господи, приведи к покаянию и спаси! Ведь за каждую соблазнённую и от Церкви оторванную душу страшный ответ дадут на Суде Божьем! Ох, пастыри, пастыри... Молитесь за нас, попов-то, по-

сильнее — вон что с нами рогатый по гордости нашей вытворяет...

Крест священнический очень тяжёл, сестры, некоторые не выдерживают, падают. И не осуждайте этих ефимов, жалейте их, как больных смертельной заразной болезнью, сторонитесь их, безумных расколоучителей, но не осуждайте. Да сами не впадём в худшее!

— Так, батюшка, выходит, принимать этот ИНН можно?

— Выходит — можно. Только если правильно русским языком говорить, то не «принимать», а «получать». Вы женщины вроде грамотные, скажите — разве номера «принимают»? Их присваивают и получают. А слово «принимать» расколоучители специально используют, чтобы порелигиознее звучало, как «принимать веру», «принимать причастие», «принимать исповедь» и так далее.

— Батюшка! А вот ещё говорят, что ИНН имя человека заменяет и кто этот ИНН принял, то есть получил, тот тем самым от своего христианского имени отрекается и электронную антихристову кличку получает.

— Алексей! Будь добр, из шкафа со средней полки синюю папку подай, пожалуйста! Эту, эту. Спаси тебя Господь! Вот смотрите, бланк нашего храма. Сверху имя — «Церковь Покрова Пресвятой Богородицы». Сбоку — банковские реквизиты, расчётный счёт, БИК, ИНН, корреспондентский счёт и прочее. Разве они

имя храма отменили или заменили? Только дополнили информацией о его финансовой деятельности.

А вот вам и самая «страшная» бумага — «Свидетельство о постановке на налоговый учёт», ксерокопия, смотрите.

Видите? Вот христианское имя — Иван, даже с фамилией и отчеством, пол, дата и место рождения, и среди этих данных его налоговый номер, вот он: 771374731001. А знаете, что эти цифры означают? Первые две — код областного центра, следующие две — код налоговой инспекции, следующие шесть — номер личного дела налогоплательщика, последние две — контрольные цифры.

Экземпляр единственный

Министерство Российской Федерации по налогам и сборам

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о постановке на учет в налоговом органе физического лица по месту жительства на территории Российской Федерации

Настоящее Свидетельство выдано в соответствии с положениями части первой Налогового кодекса Российской Федерации, принятого Федеральным законом от 31 июля 1998 года N 146-ФЗ,

физическому лицу: Смирнову Ивану Игоревичу
пол : муж
дата рождения: 12.12.1972 г.
место рождения: г.Москва
и подтверждает постановку физического лица на учет 20.03.2002 г в Территориальной государственной налоговой инспекции N13 7713
идентификационный номер налогоплательщика (ИНН): 771374731001
Дата выдачи Свидетельства: 20. 03. 2002 г.

Свидетельство применяется во всех предусмотренных законодательством случаях и предъявляется вместе с документом, удостоверяющим личность физического лица и место его жительства на территории Российской Федерации.

Свидетельство подлежит замене в случае переезда физического лица на новое место жительства на территорию, подведомственную другой государственной налоговой инспекции, изменения приведенных в нем сведений, а также в случае порчи, утери.

Руководитель инспекции: 13 МНС РФ по САО г. Москвы

серия 77 № 34837262

Ну и где здесь замена христианского имени или отречение от него? Найдите!

— Нету, батюшка...

— Кстати, об отречении. Невозможно отречься от чего бы то ни было, не зная о том, что ты отрекаешься. Слово «отречение» состоит из «от» и «речение», то есть со славянского — «произнесение». Следовательно, слово «отречение» означает «произнесённый» («реченный») — отказ — ОТ — чего-либо. Произнесённый, то есть осознанный!

Вот смотрите — «Требник». Вот в нём Чин Крещния, вот ещё, смотрите: «крещаемый троекратно отрицается от сатаны» — видите?

Священник спрашивает крещаемого: «Отрицаешься ли сатаны и всех дел его, и всех ангелов его, и всего служения его, и всей гордыни его»? А крещаемый отвечает: «Отрицаюсь»! И так троекратно. И ещё дует и плюёт на сатану в подтверждение слов своих. Вот как отрекаются. Невозможно отречься, если сам об этом не знаешь. Помните: «Волею иду, а не насильно». — «И я по воле твоей принимаю тебя, а не насильно».

А то получается, что если тебе тихонько мелом на спине «дура» напишут, то ты от этого поглупеешь!

Женщины засмеялись.

— Сатана ведь точно такого же отречения от Бога требует, невозможно ему над человеком полной власти получить, пока тот от Бога не отрёкся. У меня чадо ду-

ховное есть, врач скорой помощи, он мне рассказывал, что когда их вызывают смерть самоубийц фиксировать, то почти всегда крест, если он вообще на самоубийце был, либо рядом валяется, либо в руке зажат, но обязательно с шеи сорван. Даже крест нательный, и тот дьяволу погубить человека не даёт. Поэтому бедный, помрачённый дьяволом самоубийца сперва крест сорвёт, а только потом — в петлю!

Вот и антихрист, когда придёт, сначала отречения от Истинного Бога потребует и себе божеского поклонения, а потом уже и начертание своё отрекшимся поставит, во свидетельство этого отречения и сочетания.

И никто не будет пытаться обманом или хитростью приобрести для антихриста поклонников.

Инструмент будет проще и страшнее — голод. Причём голод не только в желудочном его выражении, но и в невозможности утоления страстей, греховных желаний и прочих привычных потребностей. Ведь после отмены денег «печать» станет пропуском не только в булочную, но и в кинотеатр, в пивную или ночной клуб.

И тогда голодающие или, наоборот, привыкшие «жрать от пуза», будут поставлены перед выбором: поклонение антихристу и пропуск в магазин или Христос и голод. Собственно, этот выбор станет только перед считающими себя христианами, для безбожников даже и вопроса стоять не будет. И отрекающиеся ещё будут умолять проштамповать им лбы или руки,

а штампующие ещё не раз переспросят: «А ты точно отрёкся от Иисуса Назорея?» «Отрёкся, отрёкся!» — заголосят несчастные. С этим разобрались?

— Разобрались, батюшка!

— Пошли дальше, у кого-нибудь из вас есть с собой новый паспорт?

Сима потупилась, инстинктивно прижав к себе сумочку.

— Не стесняйся, Сима, дай нам для примера, не бойся, не нагрешишь!

Сима, покраснев, вынула из сумочки паспорт и протянула Флавиану.

— Так, сестры! Ну, покажите, что в нём греховного?

— Вон там, за фотографией, полоски специальные, магнитные, на них всё про нас будут записывать, потом графа «личный код» и шестёрки, аж в двух местах! Так отец Ефим говорил!

— Ясно! Пошли по порядку. Полоски за фотографией, сестры, это не магнитный слой, как ефимы вам врут, а обыкновенная типографская краска, которой и все остальные тексты в паспорте напечатаны. Я, когда в первый раз про этот «магнитный» слой услышал, позвонил своему духовному чаду, который в МВД работает, в немалом, кстати, чине. Узнай, говорю, что там за полоски магнитные под фотографией, что это за новые технологии?

Звонит он мне вечером, хохочет: «Это, — говорит, — не новые технологии, а метки типографские, чтоб мои подчинённые в паспортных столах по ним ровно фотографии приклеивали, без перекосов! Пошутили, — говорит, — над тобой, батюшка, с новыми технологиями!»

Вот, сестры, это про метки. Придёт время, сделают и электронные паспорта, и информацию о нас в них будут вносить, это ещё впереди.

Только не той информации надо бояться, которую о тебе человек в компьютере или в электронном документе запишет, а той, которую ежеминутно бесы про наши грехи и даже помыслы в свои «файлы» заносят. Вот эти-то «файлы» нам на мытарствах и предъявят, вот что страшно, вот о чём заботиться нужно! А электроника — это земное, Господь «убивающих тело» бояться не велел.

И не надо поэтому нынешние паспорта в микроволновках прожаривать, как некоторые ефимовцы советуют, чтобы «размагнитить», только бесенят развлекать будете. Они и так над всей этой дурью, ими же через ефимов запущенной, славно потешаются и над поверившими в неё.

Услышав про микроволновку, все женщины повернулись в сторону Симы и, прикрыв рты ладошками, захихикали. Бедная Сима совсем смутилась.

— Ну, полно сестру во Христе смущать, сами-то не такие же, что ли? Одна взяла да поджарила, другие, как вижу, вообще брать побоялись. Так, что ли?

— Так, батюшка, простите, — смущённо закивали женщины.

— Бог вас простит! Что там у нас следующее, графа «личный код»? Алёша! А как там у нас с чайником?

— Второй раз остывает, отче! Наливать?

— Наливай, Алексей, и баранки из духовки достань, послужи сегодня за мать Серафиму!

— С удовольствием, отче! — я расставил чашки, налил всем чаю, поставил миску с баранками, плошку с печеньем и конфетами, открыл банку с вареньем, разложил его по розеткам.

— Итак! — отхлебнув из чашки, продолжил Флавиан. — Личный код и что в нём плохого? А что означает слово «код», знаете?

— Ну, это инструмент такой, наверное, чем кодируют, или прибор... Так, батюшка?

— Нет, сестры, это не прибор и не инструмент... Алексей! Подай, пожалуйста, энциклопедию в зелёной обложке! Посмотрим:

«Код — совокупность знаков (символов) и система правил, при помощи которых информация может быть представлена в виде, наиболее приспособленном для ее передачи, обработки и хранения (запоминания). Код применяют в телеграфии, вычислительной технике, военном деле и в др. областях науки и практики, где происходит обмен информацией между элементами системы».

Сложно написано? Сейчас упростим. У кого из вас квартира в подъезде с домофоном?

— У Симы, у Зои и у Тамары тоже.

— Хорошо. Сима, ты как в свой подъезд заходишь?

— Как? Вот ключик вот этот, магнитный, прикладываю к «пятачку» на домофоне, замок и открывается.

— А если ключа с собой нет?

— Тогда код набираю: 32…

— Чего-чего набираешь?

— Код…

— Какой код?

— Сперва номер квартиры — 32, потом — 0511 и кнопку с ключом, дверь пищит и открывается.

— А если первые цифры набрать — 33?

— Это к Майоровым, что ли? Ничего не будет, у них там свой код, не 0511, а другой.

— Значит, 32-0511 — код только твоей квартиры?

— Да. Только моей.

— Ну и как ты думаешь, Сима, как грешнее в подъезд заходить: через «пятачок» или через код?

— Через… я не знаю…

— А кто знает, сестры? Ну, смелее!

— Батюшка, да наверное, ни так, ни так не грешно, это ж своя квартира! — решилась заговорить старшая.

— Как это — не грешно? А код?

— Ну а что — код? Набрала цифирьки, дверь и открылась! Что ж тут грешного-то?

— Ничего. А что грешного, если паспортистка или чиновник какой-нибудь в пенсионном фонде, например, такие же «цифирьки» наберёт и твоё личное дело на экране компьютера откроет? Раньше ему по шкафам и полкам лазать надо было, чтобы твою папку достать, а теперь при новой технике — по клавишам постучать. И карту в поликлинике, и пенсионное дело, и другие наши документы теперь начинают в электронной форме хранить, для удобства. Что же тут грешного, а?

— Да, вроде, ничего...

— В том-то и дело, что — ничего! По коду и междугородние телефонные разговоры соединяются, по коду товары на чеке в кассе пробиваются и т.д. и т.п. Куда ни глянь, везде, где электроника, там и код — система передачи и хранения информации. Номер телефона — считайте — тот же личный код, набрали и соединились с конкретным абонентом.

Не надо слов бояться. А то услышат слово «код», и сразу мистический ужас, словно бес явился. У меня, давно уже, правда, бабушки в храме были две, так они тоже всё словами друг друга пугали. «Демонстрация» переводилась как «демонские страсти» (тут они, кстати, недалеко от истины были), «Собес» — «советский бес», даже видя аварийную машину с будкой «Техпомощь», говорили: «Это «ТЕХ помощь», — и через ле-

вое плечо плевали. А десятирублёвыми купюрами с изображением злобного врага Церкви — Ленина — преспокойненько пользовались. И паспорта у всех были, кстати, «серпастые и молоткастые».

— Но в новых же паспортах шестёрки сатанинские, батюшка! — вновь заговорила старшая.

— Покажи, будь любезна, где тут эти шестёрки.

— Вот смотрите, батюшка, видите по краю страницы? Вроде как орнамент с надписью «Россия», а завиточки-то — прямо как шестёрки! Аж девять штук!

— Так ведь число шестьсот шестьдесят шесть только из трёх цифр состоит, а тут девять, да и кончики верхние в обратную сторону повёрнуты, не как у шестёрки?

— Отец Ефим сказал, что девять шестёрок — это три раза по шестьсот шестьдесят шесть, для усугубления, а кончики обратно повёрнуты — чтоб не сразу православные догадались, что их через паспорта в сатанизм посвящают!

— Да! Как сейчас говорят — круто!

— И это ещё не всё, батюшка! — взволнованно заговорила прежде молчавшая черненькая Тамара. — Отца Ефимова помощница, монашка такая благообразненькая, кассету видео нам оставила, там интервью со старцем-схимником, низеньким таким, без бороды...

— А! Мафусаильчик! Знаю, знаю его!

— Точно, батюшка! Схимник прозорливый старец Мафусаил! Так он тоже против ИНН говорил и паспортов. И ещё одни шестёрки в паспорте показал, вот тут, вокруг номера страницы, видите? Три козявочки такие, а внизу хвостик. Если бы, говорит, все четыре козявочками были, я бы, говорит, первым взял такой паспорт, а так как внизу не козявочка, а хвостик, то и получается из козявочек сатанинское число 666! Что с вами, батюшка?

— Ничего, ничего, сейчас пройдёт, — Флавиан утирал выступившие от беззвучного хохота слёзы. — Очень, ты, Тамара, точно всё передала про козявочек с хвостиком! Видел я эту кассету и схимника я этого давно знаю, простой был, молитвенный и искренний монах когда-то, пока ефимы голову ему не задурили, так же, как и вам, козявочками и хвостиками.

Алексей! Потрудись ещё, будь добр, подай Минею, вон ту, старинную, спаси тебя Господь!

— Во славу Божью, отче!

— Вот смотрите, сестры, церковная книга — Минея, по ней Божественные службы служат, дореволюционная, начала девятнадцатого века! Открываем титульный лист, вон какой орнамент богатый, смотрите, сколько «козявочек»! Вот эти, например, похожи на шестёрки?

— Похожи, батюшка, похожи, даже больше, чем в паспорте...

— А вот ещё эти, похожи?

— И эти похожи...

— Объяснять про козявочек ещё что-нибудь требуется?

— Нет, батюшка... И так всё понятно! Ох, и задурили же нам головы, сестры! А ведь отец-то Ефим, перед отъездом, как ведь сказал: «Пришло время создавать параллельную церковь»! Это что же за церковь такая «параллельная» будет, а, батюшка?

— А вы сами-то как думаете, православные? Христос в Евангелии про одну только Церковь говорит, которую Он создал и которую «врата адовы не одолеют», которая и есть духовное Тело Христово! Может ли быть «параллельный» Христос? Мне кажется, параллельным быть может только... Кто, по-вашему?

— Антихрист, что ли, батюшка?

— Да, сестры, только он и его антихристова лжецерковь. Вот в неё-то сейчас и вербуют те, кто громче всех против антихриста кричит. Кстати, и у отца Ефима, и у других «вождей» и расколоучителей паспорта-то как раз имеются и обычные, и заграничные, по другим странам они ведь нередко катаются. Да, кстати, и ИНН тоже у многих из них есть. Без него они ни журналы свои с газетами издавать не смогли бы, ни от своих гонораров налоги платить.

— Да как же они так могут, батюшка?

— Как могут, как могут... Да так же, как и мы с вами можем грешить, каждый по-своему, так и они могут! Они расколом грешат, мы всеми остальными грехами, а в преисподнюю и празднословие с осуждением утянуть могут. Сестры, дорогие! Давайте осуждать не «их», а себя! Нам что, себя упрекнуть не в чем?

— Есть, конечно, в чём, батюшка...

— Вот и говорите себе каждый раз, когда чужие грехи, какие бы то ни было, в глаза полезут: «Вот он (или она) сейчас грешит, а потом покается и спасётся, а я за осуждение его в аду гореть буду. Господи! Прости и меня, и его!» Приучите себя так мыслить — венцы у Господа заработаете.

А об антихристе, печатях и последних временах ещё скажу. На той неделе в соседней деревне муж и жена вместе с домом сгорели, пьяные. Напились в очередной раз до беспамятства и окурок или там ещё что-то горящее оставили. И всё. Наступили для них последние времена, и никакой антихрист не понадобился. Страшная смерть, точно как Господь предупреждал: «смерть грешника люта».

Наступившее всеобщее молчание прервала вошедшая мать Серафима:

— Батюшка! Благословите! Мир вам, сестры, Алёшенька, здравствуй! Батюшка! Тут вам мать Еликонида, ризничная соборная, важную кассету велела пере-

дать, про старца нового прозорливого, схимника Мафусаила, что-то он там очень важное про антихриста прорекает!

«Ревизор» — немая сцена...

Когда «паломницы с недалека» уже садились в свою машину, к отцу Флавиану подбежала вернувшаяся Сима.

— Батюшка Флавиан! А можно я к вам сюда приезжать буду? Вы возьмёте меня в духовные чада?

— Приезжай, Симочка, конечно, можно, приезжай... Только ты в духовные чада ни к кому по первому впечатлению проситься не торопись. Присмотрись, поезди, поисповедуйся, пообщайся, помолись и подумай хорошенько, а потом уж решишь — тот ли это батюшка, которому душу свою для спасения доверить можно. А то ведь можно на такого ефима нарваться...

ГЛАВА 6. **ПРОФЕССОР**

Бяка-Закаляка!? Хм! Ну, в общем, конечно, Бяка неплохо у тебя получилась, Маша! Даже и нос у неё такой, я бы сказал, античный... Ах! Это хвостик! Ну да, конечно, конечно... прости, пожалуйста, я не с той стороны посмотрел. Теперь понял: это хвостик, это пузо, а это?

— Это пятачок такой на носу, папа! Чтобы целовать и заколдовывать!

— Что делать? Заколдовывать? Ты где же такую Закаляку выискала, которая целует и заколдовывает?

— Вот здесь! — Степан, до этого молча наблюдавший, положил передо мной потрёпанный детский журнал без обложки: то ли «Мурзилку», то ли «Весёлые картинки», судя по печати, начала девяностых годов.

— Вот, папа, она здесь ещё и песню поёт:

Я Бяка-Закаляка
С острова Мурмяка

С острова, острова
Очень, очень острого!
Кого я поцелую —

«Сразу заколдую!» — дружно, припрыгивая в такт, исполнили Маша со Степаном и присоединившаяся к ним Леночка.

— Папа! Она хорошая была, только сама заколдованная! Её потом расколдовали, и она опять хорошая стала! Вот! Смотри на другой странице! Видишь, она добрая, как бабушка Клава!

Сравнить добрую Бяку-Закаляку с Клавдией Ивановной я не успел, потому что вошла Ирина.

— Поросята! Кто устроил на веранде полное безобразие из кубиков и солдатиков и не убрал за собой игрушки?

— Мы, — дружно и радостно возгласили дети.

— А именно, кто?

— Мы! Все!

— Так! — Ирина попыталась посмотреть на меня «строгим» взглядом. — Папина подготовка, солидарность и укрывательство!

— Ирочка, в одной Книге рекомендовано носить тяготы друг друга и класть душу за «други своя»...

— Ясно! Значит, и убирать последствия этого «Ледового побоища» отправляются все вместе!

— Мама! Это не Ледовое побоище, это была Бородинская битва! — выдал себя Стёпка.

— Вот и отлично! Победители в сражениях обычно и убирают за собой трофеи в нижний ящик комода! Вперёд, гренадёры!

— Ура-а-а! — топот босоногого «войска» покатился на веранду.

— Лёша! Батюшка сейчас звонил, просит через полчасика заехать за ним, кого-то пособоровать и причастить надо. Успеешь выпить кофе на дорогу, чайник и бутерброды уже готовы.

— Спаси Бог, Ирочка! Сейчас, только джинсы «выходные» одену!

— Как твои «бойцы», брат Алексий? — Флавиан поудобнее пристраивал подвижную массу своего тела на узковатом для него сиденье «Расфуфендера».

— Слава Богу, отче! Убирают последствия «Бородинской битвы» на веранде, Бяку-Закаляку нарисовали, с острова Мурмяка, заколдованную... В общем, жизнь бурлит! Куда едем?

— В Снопово, к профессорским дачам, помнишь, где в прошлом году мост провалился?

— Помню, конечно! Там сейчас новый стоит, пошире, хотя тоже бревенчатый, трактора тяжёлые быстро разобьют.

— Разобьют, конечно...

— Отче! А к кому мы едем, больной тяжёлый?

— Тяжёлый, Лёша, вдвойне тяжёлый: запущенный рак лёгкого с метастазами, жить осталось месяц-другой, а он — атеист закоренелый, не факт, что вообще собороваться и причащаться захочет. Профессор, лингвист. Его сестра, женщина воцерковлённая, тоже лингвист, очень просила поговорить с ним, вдруг удастся пробиться к сердцу. Человек он, по её словам, очень хороший, добрый и бескорыстный, но мозги у него материализмом напрочь забиты, да и гордынька профессорская, сам понимаешь, покаянию не способствует. Посмотрим, Лёша! Что уж Бог даст! Ты ведь знаешь — «аще не призову...»!

— Да, отче! Хоть бы уж призвал его Господь, жалко душу-то человеческую!

— Жалко, Лёша, ещё как жалко!

За разговором мы подъехали к новому сноповскому мосту, переехав по нему мелкую речушку Ржавку (очень точное название, если судить по количеству брошенной в неё гнить бывшей колхозной техники), повернули направо к дачам.

— Вот, кажется, этот... Стой, Лёша! Точно — №8. Вылезаем!

Я выпрыгнул из машины, помог спуститься с неудобной подножки дородному Флавиану, достал с заднего сиденья его солидно-потёртый «чемоданий».

— Веди, отче!

Калитка уже открывалась нам навстречу, и из неё выходила крупная, статная дама лет пятидесяти с

небольшим. Она была в тёмной юбке и белой, с длинными рукавами, блузке, застёгнутой под самый воротничок на множество маленьких перламутровых пуговичек. Голову её прикрывал элегантно накинутый голубовато-прозрачный газовый шарфик.

— Здравствуйте! Вы отец Флавиан?

— Он самый. Вы Ангелина Валерьевна?

— Да, батюшка, это я вам звонила. Благословите!

Флавиан благословил её, и мы вошли за ограду участка. На полдороге к дому Ангелина Валерьевна остановилась.

— Батюшка! Я вас очень прошу! Валерий Валерьевич в нелёгком расположении духа, у него частые боли, он сильно угнетён душевно. Не обижайтесь, пожалуйста, если он скажет что-нибудь резкое или обидное по поводу религии, хоть он и очень интеллигентный человек, но, как и каждому неверующему, ему трудно примириться с мыслью о скорой смерти.

— Он уже знает об этом?

— Да, знает. Он узнал о своём состоянии раньше меня и достаточно мужественно воспринял его.

— Хорошо, Ангелина Валерьевна! Я учту ваш совет.

Мы прошли в дом.

— Аля! Кто к нам приехал? Это ко мне? Это из университета? — резкий, как бы каркающий голос раздался откуда-то сбоку, едва за нами закрылась входная дверь.

— Нет, Лера! Это мои гости, священник отец Флавиан и его друг...

— Алексей, — шёпотом подсказал я.

—... его друг Алексей! Они приехали ко мне поговорить о моих духовных проблемах. Лера, пожалуйста, приходи в столовую пить с нами чай, не откажи в любезности гостям!

— Не откажу, Алечка, не откажу... — из боковой двери вышел слегка сутулый, очень худой, с большим горбатым носом на землистого цвета морщинистом лице, сверкающий необыкновенно ясными, светящимися глубоким интеллектом тёмными глазами профессор. Он был в потёртых синих джинсах (тех ещё, старых — «настоящих»!) и сшитой из кусочков меха безрукавке поверх толстого серого шерстяного свитера. Слегка прищурившись, он протянул руку:

— Здравствуйте, Ваше преподобие! Моё почтение, Алексей! Проходите, будьте любезны, сюда прямо по коридору, столовая здесь. А я думаю, для кого это Аля с утра бабушкин чайный сервиз приготовила, свежий мармелад из магазина принесла? Теперь ясно! Милая сестра о душе заблудшего брата беспокоится, о её, как это правильно сказать, — блаженном упокоении?

— Лера!

— Простите, Ваше преподобие, привык слегка ёрничать над младшей сестрёнкой, с самого детства, можно сказать... Не обращайте внимания, присаживайтесь.

Алечка, ухаживай за своими гостями, у меня, кстати, в кабинете французский коньяк есть, принеси, будь добра! Не откажетесь от коньячку, Ваше преподобие? А вы, Алексей? А то есть ещё прекрасная настоечка, целительная, на кедровых орешках, которую «и монаси приемлют», я правильно процитировал?

— Благодарю вас, профессор! Цитата точная. Только я уже шестой год, как совсем отказался от алкоголя, сердце после инфаркта слабенькое, а Алексей — за рулем! Вы уж нас простите великодушно, что компанию вам не составим в этом вопросе, компенсируем чайком, с вашего позволения!

— Как изволите, Ваше преподобие, как изволите! А я не откажу себе в маленьком удовольствии согреться, а то кровь уже, знаете ли, не греет. Впрочем, я думаю, о моем положении со здоровьем, судя по наличию вашего саквояжа, вы, очевидно, Алей уже осведомлены!

— Лера!

— Ничего, ничего, Алечка, я не в обиде! Ты искренне любишь меня, я это знаю, и по-своему делаешь всё, чтобы мне помочь. Я даже заранее согласен, чтобы отец Флавиан совершил надо мной всё, что там по церковному правилу положено, единственно чтобы утешить тебя, дорогая сестрёнка. Сожалею лишь, что это будет трата патронов вхолостую, вследствие моего глубочайшего неверия. Да, да, я — неверующий безбожник, хоть и с детства крещёный! А ведь как сказано в

Евангелии — «по вере вашей дано будет вам»! Так, Ваше преподобие?

— Так, профессор, так... А, простите, вами упомянутое неверие, оно — во что?

— Неверие во что? Ну как же, в вашего жалостливого Бога, в загробную жизнь, в ад со сковородками, в рай с хоровым пением... Во всю эту красивую религиозную мифологию.

— А во что же вы верите?

— Во что верю? В человека, в его интеллект, в его во многом ещё не познанные способности, в порядочность человеческую, иногда ещё встречающуюся, верю...

— А в любовь?

— В любовь? Да, верю, конечно, в любовь! Вот Аля меня любит и я её, родители у нас чудные были, любили нас и друг друга абсолютно самоотверженно, образование нам дали в тяжелейшее время... Жену я любил когда-то, работу свою люблю, можно сказать, боготворю... Да, пожалуй, могу убеждённо сказать, что в любовь я верю!

Но только, пожалуйста, не цитируйте мне из Библии, что «Бог есть любовь»! Я это читал! Я и Библию читал, и «Рамаяну», и «Книгу мёртвых» читал, и «Талмуд» с «Каббалой», и Конфуция, и Платона, и Витгенштейна с Ницше, и Фрейда, и много других философских и религиозных книг. Некоторые из них даже

на языках оригиналов, по профессиональной необходимости. Но — не уверовал!

— А что из перечисленного вами, профессор, вы бы выбрали, чтобы оно было Истиной, если бы вам предложили такой выбор?

— Хм! Однако! Интересный вопрос! Наверное, всё-таки Евангелие... Христос, с Его учением, морально мне более понятен и близок. Он, бесспорно, был харизматической личностью, автором высочайшего нравственного учения, далеко опередившего своё время! Но не Богом!

— Почему?

— Да потому, что если бы Он был Богом, Он непременно услышал бы горячие молитвы моей сестры, я ведь слышу, как она ночами плачет за стеной и молится, и, по её глубочайшей вере, уничтожил бы эту проклятую гадину в моём лёгком, из-за которой я вскоре должен буду огорчить Алю своей смертью! Скажите, где же тут Его любовь и Божественное всесилие? Ведь Аля абсолютно искренне и глубоко верует Ему?

— Профессор! Вы когда-нибудь видели записочки, которые подают на поминание в церкви?

— Видел, конечно, сестра их регулярно распечатывает на моём компьютере!

— Вы помните, как они озаглавлены?

— Ну как же — одна «О здравии и спасении», другая «О упокоении»! Сейчас она меня в первой записы-

вает, скоро будет записывать во второй, вслед за родителями...

— Профессор! Ещё раз обратите внимание на заглавие — «О ЗДРАВИИ и СПАСЕНИИ».

Христос, безусловно, слышит Вашу сестру и исполняет её молитвенную просьбу! Просто иногда, как ни прискорбно, ЗДРАВИЕ со СПАСЕНИЕМ бывают не сочетаемы, и тогда Христос исполняет более важную просьбу, то есть — просьбу о СПАСЕНИИ.

— Так по-вашему, Христос, любя меня и мою сестру, заставляет меня умирать от рака, чтобы этим меня же и спасти? Интересная мысль! Спасти от чего же?

— От вечной смерти. От вечного мучения. Христос вынужден был поставить вас перед смертным порогом, чтобы вы отвлеклись, наконец, от своих научных изысканий, ставших для вас почти религией, и задумались бы о проблеме, избежать решения которой ещё никому не удалось, — проблеме взаимоотношений со своим Творцом. Чтобы вы наконец-то задали себе всерьёз самый главный для человека вопрос — есть ли Бог? И нашли на него ответ.

Ведь даже если вам неожиданно привезут сегодня какое-нибудь новейшее лекарство и все метастазы исчезнут, и неизбежность близкой смерти пропадёт, сама проблема в принципе не снимется. Она только отодвинется на десять лет, на пятнадцать, на тридцать!

— Ну, столько не живут!

— Да хоть бы и жили! Да хоть бы только вы один столько и прожили бы! И что? Через тридцать лет вы, профессор, встанете перед той же проблемой — необходимостью умереть. Против вашего желания, против вашего понимания, против всего вашего естества — умереть! И никакие врачи и лекарства не смогут вам уже добавить времени жизни.

Что вы будете делать тогда? Лихорадочно цепляться за жизнь, искать всё новых отсрочек от встречи с неизбежным? Или в горделивом отчаянии прибегнете к современному ритуальному самоубийству — эвтаназии?

Или, может быть, хоть тогда попытаетесь успеть найти ответ на вопрос: что же там — за гранью этой земной жизни? А вдруг там что-то есть? А вдруг это Что-то — Бог? А вдруг священники знают о нём то, чего не знают светские учёные?

Ну а если не успеете? Если окажетесь неподготовленными к самому важному в жизни экзамену, на подготовку к которому давалась целая жизнь?

Ведь проблема не в смерти самой по себе, какой бы мучительной или «лёгкой» она ни была, проблема в том, концом или началом она является? Многие были бы счастливы, если бы большевистско-материалистический постулат о том, что «сознание — функция материи», оказался правдой. Ибо для них было бы намного лучше погаснуть, как выключенная лампочка, и уйти в

небытие, уснуть сном без сновидений, чем, пройдя сквозь дверь смерти, столкнуться с иной реальностью, реальностью вечности. Да ещё и такой вечности, в которой придётся вечно расплачиваться за всё соделанное в промелькнувшей, словно искра, земной жизни.

Мой вам совет, профессор, совет «профессионала», можно сказать: не тяните с поисками ответа на этот самый важный вопрос в жизни каждого человека — о Боге. У вас, по крайней мере, есть обещанные вам врачами полтора-два месяца жизни. Разбойник на кресте спасся за минуту, и Церковь величает его «Благоразумным». Хотя, скорее всего, в отличие от вас, профессор, он был просто неграмотным.

А для того, чтобы разобраться в этом вопросе, как и в любом другом, относительно которого существуют разные мнения, необходимо просто честно рассмотреть и объективно взвесить все точки зрения, в данном случае, как материалистическую, так и церковную. Если же вы, ознакомившись лишь с аргументами материалистов, приняли их на веру и сочли за истину, то вы не имеете права считать себя неверующим.

Вы самый настоящий верующий материалист, можно даже сказать — фанатик, так как только слепой фанатизм отказывается от честного рассмотрения аргументации точки зрения оппонента. И уж тем более такой подход не научен, вам как профессионалу в научной области это должно быть ясно.

В основе большинства отказов от серьёзного рассмотрения проблемы бытия Бога лежит элементарное нежелание того, чтобы Бог существовал! Ибо тогда надо менять жизнь в соответствии с фактом бытия Божьего и Его законов. А ведь как хочется жить в своё удовольствие, грешить и не нести за это никакой ответственности! При таком внутреннем настрое «религия атеизма» подходит идеально!

Хотя более чем за полтора столетия формирования так называемого «научного атеизма», до сих пор не создано и не найдено ещё ни одного хоть сколько-нибудь приемлемого аргумента, подтверждающего отсутствие Бога. Напротив, аргументов и фактов в пользу бытия Божьего — неисчислимое множество. Не бойтесь же рассмотреть их.

Не бойтесь потерять удобство уже сложившегося на доверии к чужим материалистическим измышлениям мировоззрения. То, что вы обретёте взамен, неизмеримо прекрасней: Истина. И счастье жизни с Богом. Вечное счастье в вечной Жизни!

Флавиан умолк. Профессор тоже молчал, опустив голову и прикрыв веки. Я осторожно, стараясь не звякнуть и не хлюпнуть, прихлебнул из красивой чашки остывший чай.

Профессор открыл глаза.

— Отец Флавиан! Что вы можете мне посоветовать конкретного?

— Профессор! Загляните в своё сердце и скажите искренне, от души — вы хотели бы, чтобы написанное в Евангелии о Христе было правдой? Чтобы Христос действительно был Богом и Спасителем?

— Да, пожалуй, хотел бы.

— Тогда обратитесь к Нему словами евангельского отца: «Господи! «Помоги моему неверию»! Господи! Отзовись!»

И если вы искренне захотите услышать ответ и обратитесь ко Христу из глубины души — Он отзовётся. Вы услышите Его отзыв в своём сердце, почувствуете Его любовь, уверуете, перестанете бояться смерти и возжелаете встречи с Ним. Вы поймёте слова Апостола Павла, когда он говорит: «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение».

Слово «религия» переводится на русский как — «связь», «контакт». Многие пришли к рассудочному пониманию того, что Бог существует, но с этим рассудочным пониманием и остались. Потому что они не стали людьми «религиозными» — имеющими живую связь с Живым Богом.

А Бог не познаётся рассудком, но только через живое общение с Ним. Попробуйте вступить с Ним в такое общение, иного пути обретения истинной веры нет.

Сейчас я не буду совершать над вами никаких священнодействий, мы с Алексеем уедем. А завтра от меня поедет человек в Н-кую пустынь, небольшой

мужской монастырь, расположенный в красивейшем уголке природы, где настоятельствует мой старый друг игумен Т-н.

Если вы надумаете до завтрашнего утра — позвоните, и вас отвезут в это замечательное место, где предоставят отдельную келью, возможность пользоваться прекрасной монастырской библиотекой, в которой вы найдёте пищу для своего пытливого научного ума и необходимую для понимания вопросов веры информацию. В монастыре же над вами совершат и все необходимые священнодействия по вашему желанию.

Кроме того, отец Т-н с удовольствием ответит вам на все могущие возникнуть у вас «теоретические» вопросы. Он, кстати, тоже в прошлом профессор, только физико-математических наук, мой бывший дипломный руководитель. Я думаю, вы найдёте с ним общий язык.

У вас есть время до завтрашнего утра. Поговорите со Христом в своём сердце и примите решение.

— Я обдумаю ваше предложение, отец Флавиан, благодарю вас сердечно. Прошу позволения откланяться, мне необходимо прилечь, чтобы набраться сил. Всего вам самого наилучшего!

— И вам, профессор! До свидания!

— Да! Ваше преподобие, отец Флавиан! Прошу вас... помолитесь и вы о «моём неверии»...

— Непременно помолюсь, профессор, обещаю вам!

Всю обратную дорогу в Покровское мы молчали. Флавиан сосредоточенно молился.

Помогая ему выгружаться у церковной сторожки, я спросил его:

— Как ты думаешь, отче, он позвонит?

Флавиан пожал плечами и вздохнул. Я тоже вздохнул.

Дома Ирина дочитывала с детьми их детское вечернее молитвенное правило. Я постоял в дверях, дожидаясь пока они закончат, а затем предложил:

— Дети! Давайте встанем все вместе на колени и скажем: «Господи! Спаси и помилуй раба Твоего Валерия! Открой ему Себя и научи, как надо жить, чтобы попасть в Небесное Царство! Аминь!»

Дети радостно совершили земной поклон.

— Папа! — Машенька вскарабкалась ко мне на руки и обняла за шею. — Боженька обязательно спасёт этого Валерия! Мы же сейчас попросили Боженьку об этом, а Он хорошие просьбы всегда выполняет! Этот Валерий хороший?

— Хороший, радость моя, хороший, только он, как эта Бяка-Закаляка твоя, немного заколдованный...

— Вот Боженька его и расколдует! Мы же просили Его! Да, папа?

— Да, моя радость, пойдём в кроватку, Ангел Хранитель уже над подушечкой крылышки распростёр, пора спать...

Спал я плохо, проснулся рано, поворочался, встал, стараясь не разбудить Ирину, умылся и, поправив лампадку, взял в руки «Молитвослов». Окончание утренних молитв прервал писк пришедшей на мобильник SMS-ки. Я заложил «Молитвослов» пасхальной открыткой с цыплёнком, взял телефон и открыл сообщение.

На экране телефона было одно слово — «Позвонил».

И множество восклицательных знаков.

Спустя два с небольшим месяца, тёплым осенним днём мы сидели с Флавианом в церковной сторожке за столом. Мать Серафима усердно подливала ароматного чаю нам и Ангелине Валерьевне, сидевшей с нами и рассказывающей о брате. Она была одета в такую же строгую блузку с высоким воротничком и такой же элегантный газовый шарфик на голове. Только и блузка, и шарфик были чёрного цвета. Однако глаза Ангелины Валерьевны отнюдь не были грустными.

— Вы представить себе не можете, батюшка, как счастлив был мой Лерочка эти последние недели своей жизни! Как он благодарил меня и вас, батюшка, за помощь и молитвы.

Он звонил всегда таким ликующим звонким голосом, как в детстве:

«Аля! Какой огромный, богатейший, интереснейший мир открылся мне в Церкви! Сколько же существует рядом с нами такого, о чём я даже не подозревал!

А какой прекрасный друг у меня теперь есть — отец Т-н! Аля, у меня ещё никогда в жизни не было такого искренне любящего и надёжного друга! А какой он мудрый! Мы с ним почти одногодки, но я чувствую себя просто младенцем рядом с ним, и, ты знаешь, мне это даже нравится! Как прекрасно новым детским взглядом смотреть на окружающий мир и видеть в нём повсюду неисчерпаемую Божью красоту и совершенство!

Какие замечательно глубокие книги есть здесь, какие чудные тут богослужения, как легко здесь молиться! И как ясно слышен здесь в ответ на молитву исполненный бесконечной любви голос Бога в моём переполненном радостью сердце!»

— Батюшка, как вы и сказали, Валеру там соборовали, он причащался каждое воскресенье, а в последнюю неделю жизни каждый день. Сам отец Т-н приходил со Святыми Дарами к Валерию в келью, так как он уже не вставал с кровати, и причащал его после ранней Литургии.

А за три дня до смерти отец Т-н постриг Валерочку в схиму, с именем Агафангел! Представляете, мой брат умер монахом! Тот, кто ещё недавно называл себя убеждённым безбожником! Господи, это дивное чудо Твоё!

Батюшка, я прошу вас с Алексеем — возьмите себе на память эти фотографии и поминайте иногда в молитвах моего брата!

Она достала из сумочки две фотокарточки и протянула нам с Флавианом по одной каждому. Мы посмотрели на них, затем друг на друга и вместе улыбнулись.

На фотографии сверкал счастливыми глазами и детской радостной улыбкой совершенно исхудавший, с редкой седой двухмесячной бородкой, в ярко-чёрном с белыми крестами и херувимами схимническом кукуле, контрастно выделяющемся на фоне серенькой подушки, профессор-схимонах Агафангел.

Подходя к дому, я поймал себя на том, что инстинктивно притрагиваюсь к лежащей в застёгнутом кармане джинсовой рубашки фотографии и почему-то напеваю себе под нос:

Я Бяка-Закаляка
С острова Мурмяка.
Кого я поцелую —
Сразу... расколдую!

Вот ведь привязалось же!

ГЛАВА 7. ТАТЬЯНИН МУЖ

— А я всё равно разойдусь с этим уродом! И вы, батюшка, меня на это благословите! — нотки отчаяния прорывались в истошно-жалостном крике.

— Танечка, Танечка! Успокойся, моя хорошая! — голос Флавиана звучал искренним участием. — Не проблема развестись, проблема — как твой Васятка без отца расти будет?

— Да уж пусть лучше будет без отца, чем с этим козлом непросыхающим! — разрыдавшаяся Татьяна беспомощно-детски уткнулась в крест на груди у батюшки и прижалась к нему, захлёбываясь плачем.

Флавиан осторожно положил свою мощную пятерню на её вздрагивающую голову в сбившемся набок платочке и тихонько поглаживал по начинающим седеть волосам, виновато глядя на меня, мол — прости, подождать придётся с редактированием твоей статьи для местной православной газеты.

Я безропотно кивнул головой, молча показал Флавиану пальцем на сумку с ноутбуком, потом на дорожку, идущую в глубину церковного дворика, и сложил ладони под благословение. Флавиан кивком благословил, и я не спеша отправился в глубь сада, в красивую резную беседку. Там, раскрыв свой портативный компьютер, я занялся литературной обработкой набранного «вчерне» материала о местночтимых святых Т-ского края.

Конечно, литература — литературой, а живые души — главная забота пастыря. Поэтому я решил терпеливо дожидаться, пока Флавиан не освободится, а пока сам начал старательно шлифовать своё «бессмертное творенье».

Флавиан подошёл достаточно скоро и грузно уселся на скамеечку напротив меня, облокотившись на стоящий в центре беседки круглый столик.

— Ну, Лёша, слава Богу! Развода пока не будет! Смирилась-таки Танюшка со своей «веригой» и решилась запрячься, как следует, в духовную работу. Помоги ей, Господи!

— А что, отче, сильно он пьёт, этот муж Татьянин?

— Гриша-то? Сильно. Когда не пьёт — золото мужик, работяга, рукодельник, с Васяткой — сыночком — мастерит что-нибудь, на рыбалку водит, даже уроки учить помогает. Но если, как шлея под хвост, капля в рот попадает, то — всё! От недели до месяца-двух пьёт

без передышки, приползает домой драный, избитый, раздетый, падает и — делай с ним, что хочешь! Хорошо хоть не хулиганит, смирный, когда пьян, разве что песни иногда поёт да плачет.

Грузчиком на продовольственном складе работает, там им частенько «премиальные» спиртным выдают. А потому и пьянство там, конечно, процветает. Хотя, впрочем, — свинья везде грязь найдёт, кто хочет выпить — тот «обрящет» где угодно.

У нас в НИИ руководитель соседнего отдела — интеллигентнейший был человек, доктор наук, автор многих изобретений, наставник молодёжи прекрасный, меломан, коллекция классической музыки у него была огромная, но — запойный пьяница.

Раз в квартал брал за свой счёт неделю, закрывался в квартире с парой ящиков водки и пил круглосуточно. Пил и Вагнера слушал, одну и ту же пластинку всегда. Он холостяком старым был, возможно, из-за своей страсти пьянства и жениться не решился, понимал, какая у него семейная жизнь может получиться. Так и делил себя между наукой и водкой, пока не умер в пятьдесят один год от инсульта во время запоя. Некрещёный. И лежал четыре дня мёртвый в квартире, никем не разыскиваемый.

— Страшно как, отче!

— Страшно, Лёша! Страсть пьянства миллионы уничтожает, побольше любой войны или эпидемии

какой-нибудь. Медленно уничтожает и мучительно. Причём, и для пьющего мучительно, и для окружающих, особенно для семейных. В нашей поповско-духовнической практике больше половины проблем, которые приходится разгребать, — проблемы, связанные с пьянством. Пьют мужья, пьют жёны, пьют сыновья, пьют дочери, пьют родители, пьют братья, зятья, внуки и т. д., и т. п.

Иногда ещё только подходит к тебе какая-нибудь незнакомая «раба Божья», а ты уже по лицу видишь, на что жаловаться будет — на пьющего мужа или сына! Жалко их самих, пьяниц-то, жён их ещё жальче, деток их бедных очень жалко, иной раз прямо хоть сам с ними плачь!

— Отче, послушай, но неужели же страсть пьянства настолько непобедима? Почему столько горя от этой водки? Мне вот повезло, что я пить не могу, меня от ста граммов выворачивать начинает, и голова потом три дня как «об печку ударенная», так что никакого удовольствия от спиртного я не получаю. Что в нём хорошего-то, что такое множество народа без него жить не может?

— Знаешь, Лёша, я за годы священнического служения столько версий о причинах пьянства наслушался! От самих пьющих, конечно. Якобы, они пьют — с горя, от отсутствия работы (квартиры, дачи, зарплаты, повышения по службе, внимания к себе со стороны до-

машних и пр.). От радости получения хорошей работы (зарплаты, повышения по службе и пр.). От злой жены, от нелюбимой жены, от ревности к любимой жене, от тёщи, от свекрови, от плохой погоды, от стресса, от простуды, «с устатка», «за здоровье», «за компанию», «за помин» и т.д., и т.д., и т. д.

Каких только поводов не изобретут! Только всё это, Лёша, — чистая ложь!

Много лет разбираясь с самыми разными случаями пьянства, я понял одну важную истину — пьют люди только потому, что им нравится само состояние опьянения! И больше ни по какой другой причине! Да и наркотики употребляют потому же. По крайней мере, сначала, пока эта страсть не заводит в такое мучительное состояние, что становится уже не до удовольствия, а — лишь бы ломку снять.

Корень проблемы, Лёша, вот в чём. Человек создан Богом для счастья, для радости. Высшее счастье, уготованное человеку Богом и доступное сейчас лишь Ангелам Божьим и уже почившим святым, — пребывание вместе с Богом в Его Вечной Славе и Любви.

Нам, верующим христианам, живущим в этой земной «юдоли скорби» и стремящимся к единению с Господом, доступны лишь слабые отголоски этого Небесного счастья. Да и то лишь тогда, когда Господь Сам, Своим сокровенным промыслом, приоткрывает нам «щёлочку в небо», и мы, получив живительный

глоток небесной благодати, испытываем эту ни с чем не сравнимую сладость богообщения.

Люди же, живущие без Бога, не ищущие Его Истины и Любви, такого утешения не имеют. Но при этом потребность и тяга человеческой души к счастью и радости, подобно тоске по родному дому у служащих в армии или сидящих в тюрьме, доставшаяся нам в наследство от Адама в качестве «генной памяти», никогда не оставляет никакого человека.

А дьявол пользуется этой врождённой тягой человека к счастью и радости.

— Как это, отче?

— Да вот так! Смотри! Есть естественные человеческие удовольствия и чистые земные радости — от взаимной любви мужчины и женщины, от результатов честного труда, от благополучия в семье, от телесного здоровья и другие им подобные. Только они, эти земные радости, как бы неяркие, тихие, не нагружающие мозг эндоморфином — это гормон такой, создающий ощущение удовольствия до экстатического состояния.

И, опять-таки, чтобы получить эти естественные человеческие удовольствия и радости, надо для этого трудиться, прилагать усилия, что-то терпеть, с чем-то мириться, и только как результат труда, душевного или физического, приходят удовлетворение и радость — земное счастье.

Алкоголь и наркотики исключают этап труда и сразу дают сильный эффект удовольствия. Не надо напрягаться и вкалывать, не надо совершать насилие над своей волей — просто выпил или укололся, и сразу же, без труда, кайф — искусственно созданное ощущение «блаженства» — суррогатного «счастья». Причём, сильное, яркое и впечатляющее, как и всё искусственное по сравнению с натуральным, возьми красители, например.

Отведав подобной халявы алкогольного «счастьезаменителя», многим уже и не хочется прилагать усилия для обретения «трудного» земного счастья, не говоря уже о счастье Небесном, о котором не все и слышали-то, а из слышавших мало кто в него поверил и захотел вкусить.

Алкоголь же сейчас не просто — доступен, а даже просто обязателен как элемент современной культуры. Если ты не пьёшь, то ты — чуть ли не враг общества! Но уж точно какой-то не совсем «нормальный», не «как все». Это политика, Лёша! Сатаны и его служителей. Суть этой политики в том, чтобы заменить всё естественное, Богом данное и потому для человека полезное, на синтетический суррогат, подделку, ядовитый «заменитель».

И вот уже вместо целомудренной любви и крепкой семьи мы видим — половое «партнёрство», «гражданский брак» и содомские извращения, вместо

натуральных продуктов — напичканная консервантами и модифицированными генами продукция химлабораторий, вместо высокого искусства — «попса», вместо настоящей жизни — «виртуальная реальность», вместо счастья — кайф!

Антихрист ведь тоже, когда придёт в мир, предложит себя людям как некий «богозаменитель».

И люди, не знающие Истинного Бога и настоящей радости общения с Ним, привыкшие к суррогатам и фальшивкам, радостно примут его в качестве «бога», почувствовав в нём нечто своё, привычное — «попсово-кайфовое»!

Но случится это не потому, что, как утверждают «ревнители» борьбы с ИНН, «незадачливым» верующим, при попустительстве «плохих» попов и архиереев, в своё время обманом всучили пластиковую социальную карточку вместо бумажного удостоверения и незаметно «подменили христианское имя» на «электронную кличку».

Случится это исключительно потому, что те люди, которые примут за «бога» антихриста, в течение всей своей предыдущей жизни осознанно делали выбор между тернистым путём богопознания и самоудовлетворением кайфом в пользу кайфа.

Психология пьющего, как и наркомана, проста — «калиф на час»: пусть потом мне будет плохо, зато сейчас — кайф! «А то, что придётся потом платить, так

ведь это ж, пойми, — потом»! — помнишь в песне у Галича? Но сатана-то вовсе не ставит своей целью ублажать пьяниц и наркоманов, его задача другая — привести их в вечное мучение. Поэтому, под любой, самой привлекательной обёрткой, предлагаемой им, — всегда смерть, «ибо он — лжец и отец лжи».

Поэтому «час калифства» проскакивает очень быстро и начинается ломка. Неважно, алкогольная она или наркотическая, в развитой форме и то и другое — пытка. А чтобы снять ломку надо... снова принять дозу! И так далее, и вот — ты уже раб, раб алкоголя, раб наркотика, раб сатаны. И освободиться из этого рабства без помощи Божьей нечего и думать!

Все виды лечений, кодирований и других физиологических, психических или оккультных воздействий на одержимых страстью пьянства и наркомании сами по себе, без помощи Божьей, неэффективны. Максимум, что они могут — дать временное облегчение или заменить одну страсть на другую, более сильную и пагубную для души. Например, на гордость или алчность, или какую-нибудь ещё.

Только если человек, осознав своё гибнущее состояние, обратит свой взор к Создателю и из глубины души закричит: «Господи! Погибаю! Спаси!» — только тогда у него появляется шанс, ухватившись за протянутую ему Господом руку спасения, напряжением всех сил души, «обдирая локти и коленки», выползти из

глубины пропасти, в которую затянуло его обманчивое «калифство». И не с лёгкостью совершается это спасение, а — как говорит Апостол в Послании к Коринфянам — «спасется, но так, как бы из огня»!

Кто, как я, в своё время занимался альпинизмом, тот знает, насколько быстро и легко можно провалиться в пропасть и как трудно из неё потом выкарабкиваться, даже если тебя подтягивают вверх страховочной верёвкой.

К тому же нужно понимать очень важный момент — дьявол всегда внушает пьянице, что он «не болен», что у него «всё под контролем», что он «сам» сможет справиться с пьянкой, как только захочет. И на все увещевания ближних, видящих со стороны, как он неотвратимо погибает как личность, умственно и душевно деградируя, несчастный раб кайфа возмущённо возражает — он «в порядке», он не алкоголик, стоит ему только захотеть!...

Только вот этого-то — захотеть — он как раз и не может, в этом-то и суть рабства любой страсти — неспособность захотеть избавиться от неё!

А уж если вдруг пьяница, под действием молитв и увещеваний близких, всё-таки начал понимать свою зависимость от «зелёного змия», особенно когда здоровье, разрушаемое алкоголем, начинает давать сбои, и попытается «завязать» — тут-то дьявол и натягивает поводок страсти, стягивающий пролужённое водкой

горло бедняги! Мол — «куда это ты, раб, дёргаешься? Ты мой! И не смей вырываться!»

И наступает «момент истины» — «карты открыты» — кто кого? И все иллюзии относительно «всё под контролем» улетучиваются, и человек познаёт, что он просто несчастный больной алкоголик, как и те, которых он, видя валяющимися под забором, осуждал, думая: «Ну, я-то — не такой!»

Никто из тех, кто начинает регулярно употреблять алкоголь, не собирается становиться пациентом наркологического диспансера — отребьем-алкашом. Но путь, ведущий от «культурно пьющего» до «алкаша», всегда — гораздо короче, чем этот человек может себе представить, и, встав на этот путь, самому, без Бога, сойти с него практически невозможно. С наркотиками, кстати, действует абсолютно та же схема.

— Послушай, отче! А у этого Татьяниного Григория есть шанс вылезти?

— Есть. Если Татьяна правильно себя будет вести, то вымолит. На моей памяти и не таких отпетых пьяниц вымаливали.

— А что значит, правильно себя вести? Смиряться и молиться?

— Именно так. Смиряться и молиться. Не воспринимать мужа как злостного негодяя, а себя — как несчастную жертву. Жалеть его, а не себя. Помнить, что

ей самой Господь послал такую скорбь, во-первых, — во спасение, а во-вторых, — по силам.

У каждого своя скорбь и свой Крест. Без креста не спастись никому. Старец один говорил: «Кто без крестов, тот — не Христов!» А подвигом безропотного несения Креста своего и усердной молитвой она может и свои грехи отстрадать, и мужа вымолить. Он сейчас тяжело болен духовно и нуждается в сильной молитвенной поддержке.

Когда в Великую Отечественную войну санитарки с поля боя под обстрелом раненых вытаскивали, то не ругали их и не упрекали за то, что тяжёлые, что стонут или в бреду дёргаются и тащить мешают, не грозились бросить. Напротив: «Миленький, хороший, потерпи! Доползём и выходим тебя!» И вытаскивали, и выхаживали! Вот так правильно, вот так по-православному и по-русски...

Я Татьяне сейчас такую «картинку нарисовал» — представь, говорю, двое каторжников, скованных между собою цепью, убежали из лагеря на свободу. А охрана стреляла вдогонку и ранила одного. Бросить нельзя — ты сам к нему прикован. Либо тащи, либо вместе пропадайте, других вариантов нет. Уж если бы раненый помер, ну тогда отрезай ему ногу, снимай с неё цепь и беги в одиночку.

А твой-то Гриша, говорю, жив пока, слава Богу! Душа-то у него горюет и плачет о своём непотребстве,

сама ведь говоришь, что стыдно ему по утрам жене и сыну в глаза смотреть. А пока стыдно — жив человек! Перестал стыдиться — умирает душа. И то не надо торопиться даже такого «закапывать». Иногда и засохшее дерево после ливня прорастает.

Так вот, говорю, скованы вы браком, как цепью. «Лагерь» — плен греховный, а «свобода» — жизнь по Евангелию, в любви Божьей. Да и «цепь» ваша — Васятка! Родного отца, уж поверь, самым лучшим отчимом заменить сложно, родная кровь всегда к себе тянет. Привлеки — говорю — и его к молитве за папку, уж седьмой год пошёл мальчишке, всё ведь чувствует, всё понимает. Да и папку он своего грешного любит же, несмотря ни на что. Вот и просите с ним вместе у Господа вразумления «страждущему» рабу Божьему Григорию, да старайтесь сами своим поведением стать достойными просимой у Бога милости.

Молитва, как капля, камень точит, так же «протачивает корку греховную» на сердце грешника, и начинает сердце благодать чувствовать, и оживает. А оживая, к Богу обращается, очищается покаянием и с Богом общаться начинает. Это и есть результат молитв близких за страждущего и начало его спасения.

Как намолите вы с Васяткой милости Божьей, так ваш папка сам начнёт к Богу за помощью обращаться, глядишь — и на исповедь попросится... Только ты не ругай, говорю, его, не укоряй, не шпыняй безжалостно.

Если он пьяный пришёл, так и вообще говорить с ним бесполезно, в такой момент его упрекать, только — бесов развлекать.

Дай ему святой водички попить да спать уложи. А уж с утра, когда ему самому от стыда на душе погано будет, не укоряя, пожалей да за помощью к Богу обратиться подскажи. И не «учительно», не с «высоты своей праведности», а с любовью, с сочувствием. Только так и дьявола посрамишь, и душе мужниной толчок в нужную сторону дашь.

Иногда достаточно бывает в душе правильное решение принять, как Господь уже всю твою жизнь меняет.

Словом — «дерзай, дщи», и вера твоя спасёт вас всех!

Вроде бы, поняла Танюшка мои «метафоры», обещала выполнять наставление и правильце молитвенное, что я ей порекомендовал, записала. Ну а теперь, как говорится, — «будем посмотреть». Напомни, Лёша, послезавтра, во время проскомидии, молитву «о болящем» за Григория прочитать.

— Хорошо, отче, постараюсь напомнить! А много ты видел отмоленных пьяниц?

— Много. И пьяниц видел отмоленных близкими, и наркоманов, и одержимых другими страстями. Священника знаю, очень кроткого и благочестивого, бывшего пьяницу. Он, до рукоположения в священники,

мастером на заводе был и выпивал сильно, измучил совсем жену своим пьянством. Я тогда ещё в Т-ске, в соборе служил, а жена его ко мне на исповедь приходила. Бросить даже хотела мужа-пьяницу одно время, ухаживал за ней какой-то сослуживец непьющий, развестись и за него выходить замуж звал.

Но всё-таки она не развелась, отклонила ухаживания, решила ради детей терпеть. Она тогда только-только воцерковляться начала, училась жить по-христиански. Стала больше молиться, Псалтырь за мужа читать с молитвой «о недужном» на «Славах», в монастыри за него пожертвования посылать, милостыню бедным творить. Съездила к чудотворной иконе «Неупиваемая чаша», молилась там Матери Божьей, акафист этой иконе купила и читать его дома каждый день благословилась.

Примерно через год её «благоверный» в первый раз в храм зашёл — сам! Ещё через какое-то время на исповедь подойти решился, а месяца через три после первой исповеди уже на клиросе читал. Настоятель собора архимандрит Н-й, опытный был духовник, первый учитель мой в пастырском деле, он сразу на этого нового прихожанина «глаз положил», увидел в нём нечто.

А ещё через полгода настоятель мой рекомендовал его владыке М-ю как кандидата в священники. Некоторые говорили отцу Н-ю: «Что вы делаете, батюшка?

Он же с вином постоянно иметь дело будет! Да ведь он опять сопьётся, себе грех наживёт и вам позор!»

Но архимандрит Н-й только улыбался в ответ, он вообще никогда никому ничего не доказывал, ни с кем не спорил и не оправдывался ни перед кем. И вот уже двенадцать лет служит этот батюшка — бывший пьяница — у престола Божьего, кротость стяжал удивительную, смирение и большую любовь к людям. Весь приход его уважает и ценит. О себе говорит: «Я был мертв и воскрес»!

А начиналось-то его «воскресение» с молитвы жены.

— Отче! Но ведь не без промысла же Божьего человек, очевидно, и страсть эту приобретает? Без воли Божьей ведь «ни лист с дерева, ни волос с головы не падают»? Как это можно объяснить, что Бог, Который «есть Любовь», допускает такую беду как пьянство?

— Конечно, Лёша, без воли Божьей ничего не совершается. Святые Отцы учат нас, что воля Божья бывает двух видов — благая и попустительная. Хотя и попустительная тоже только по форме прискорбна, а по сути такая же благая. Ибо Сам Бог — Благ, и всё, что исходит от Него, тоже — благо.

— Это как-то ты, батюшка, сложно выразился. Объясни мне, если можно, «на пальцах».

— Хорошо, вот тебе пример. Год назад вызывает меня экстренно по телефону духовное чадо, заведую-

щий травматологическим отделением Т-ской больницы, приехать и причастить попавшего в аварию молодого человека:

— Отче! Срочно приезжай, жуткая авария — «БМВ» влетела в бетонный забор, снесла шесть секций, от машины — груда железа, водителя вырезали автогеном. Молодой парень переломан весь, восемь часов на операционном столе по частям собирали. В сознание пришёл, но выживет или нет — неизвестно, боюсь, как бы кровоизлияния в мозг не случилось!

Беру Святые Дары, приезжаю, захожу в палату, вижу — сплошной гипс, все конечности на «вытяжках», из-под гипса в разных местах трубки торчат, и из них что-то разного цвета капает. Словом, зрелище не для слабонервных. И среди всего этого гипса вдруг вижу сияющее радостью лицо, тоже со многими швами и в «зелёнке».

— Батюшка, здравствуйте! — хрипит. — Поисповедуйте меня и причастите, пожалуйста!

Начинаю готовить Святые Дары для причащения, между делом пробую разговаривать с больным: «Ну что, брат, — говорю, — не повезло тебе нынче!»

— Что вы, батюшка, — отвечает, — даже очень повезло, я, как только в себя пришёл, сразу Бога благодарить начал!

— Правильно, — говорю, — то, что ты в такой аварии живым остался, милость Божья несказанная!

— Это так, батюшка, — отвечает, — но ещё большая милость Божья — то, что я в эту аварию попал. Я в духовных вопросах немного разбираюсь, батюшка, у меня мать лет пятнадцать уже как «у подсвечника» в храме стоит и сестра родная в том же храме певчая. Только я в семье выродком оказался, хотя до аварии таким себя не считал.

Я ведь бандит, батюшка, и ехал «по заказу» людей убивать, мужа и жену, коммерсантов. Слава Господу, Он меня остановил! Поисповедуйте меня за всю жизнь, батюшка, ведь если я сам не умру, то меня убьют обязательно, «в завязку уйти» не дадут — много знаю. А я и сам так больше жить не хочу, лучше помереть!

Исповедовал я его, причастил. А ночью он умер от кровоизлияния в мозг, врач оказался прав в своём прогнозе. Я же его потом и отпевал. Редко у покойников видишь такое счастливое лицо, какое было у того покаявшегося «разбойника».

Так, теперь скажи, брат Алексий, попущенная Богом авария благом была для него или нет?

— Благом, отче, однозначно! Больше вопросов по этой теме нет. А с пьянством-то в чём промысел Божий?

— По-разному бывает, Лёша. В иных случаях сразу ясно, почему Бог человеку эту страсть попустил, в иных не сразу, а в иных и вовсе не открывает Господь. Мы ведь Божий промысел ровно настолько понять мо-

жем, насколько Он Сам его нам приоткроет. Богу лучше известно — что мы вместить и «переварить» сможем, а чего нам и знать неполезно. Тут важно не трактовать волю Божью по своему греховному разумению, не начать в прозорливца играть, как иные «младостарцы» делают.

Не открывает Господь по твоим немощам смысла происходящего — смирись и не стыдись сказать — «не знаю» или «не понимаю», бойся по тщеславию других и самого себя в заблуждение ввести. А то до «прелести» — один шаг.

Был у меня такой случай: в соседнем селе жил горький пьяница Петрович, бобыль, всей округе известный своим пьянством и мелким воровством. Мужик был сердцем добрый, к скотине жалостливый, помочь чем может — никогда не отказывал, но трезвым его никто и не помнил много лет. И когда у него денег на вино нет — тянет у всех всё, что плохо лежит. Доски, лопату какую-нибудь, картошку из погреба, плёнку от парника. Стащит и за бутылку на Савёловских дачах продаст.

Бивали его, бывало, за воровство мужики-то, он отлежится и опять за старое. А уж коли и украсть нигде ничего не удаётся, просто ходит по дворам и канючит денег на похмелку. Народ у нас к пьяницам жалостливый, ни в одном так в другом дворе дадут, хоть даже чтобы просто отвязался.

Раз пришёл он ко мне в сторожку, в пять утра, трясётся весь, вид — краше в гроб кладут, еле говорить может. Увидав его, даже мать Серафима разжалобилась:

— Батюшка, — говорит, — у него сильный абстинентный синдром, благословите, я ему сто грамм коньяку налью, а то у него сердце может не выдержать, сейчас прямо здесь помрёт, это я вам как бывший кардиолог говорю.

— Налей, — говорю, — раз такое дело, да накорми его сразу, а то он небось дня три уже на одной водке живёт.

Налила ему мать Серафима коньяку полстакана, накормила супом, кашей с грибами, вроде — ожил Петрович. Стали мы вместе с ним чай пить. Он в себя пришёл, обогрелся, приободрился, повеселел даже, разговорился.

— Вы, — говорит, — батюшка, не думайте, что Петрович пропащий! Я, конечно, сейчас не в форме, выпиваю вот, значит, грешным делом, и украсть чего могу. В общем, свинья, конечно, я порядочная, чего уж греха таить. Валька, конечно, правильно сделала, что замуж за меня не пошла в шестьдесят девятом — какой из меня, к лешему, муж!?

Только я ведь тоже не на помойке найден, тоже и я ведь в люди мог выйти, полгода даже бригадиром был на ферме! Ох меня вся бригада и боялась! Строговат я был, гонял доярок и скотников так, что им небо с ов-

чинку казалось, хотел бригаду в победители социалистического соревнования вывести, любой ценой.

Этаким Сталиным себя представлял, который железной рукой беспощадно выводит коллектив в передовые! Чтоб лучшей бригадой объявили, чтоб вымпел с Лениным у меня в бригадирской каморе висел! Чтобы меня самого на доску почёта у правления колхоза выставили! Чтоб Валька, холера такая, видела, от какого человека отказалась!

Не вышло у меня, с вымпелом-то, всё водка проклятая, а ведь мог и до председателя дорасти...

На доску-то меня всё же выставили, на другую, которая — «Не проходите мимо», там, где «Позор пьяницам и разгильдяям!» И Валька меня там, конечно, видела, она как раз мимо доски той в свою школу на работу ходила каждый день. Каждый раз небось Бога-то благодарила, что надоумил за Ивана, а не за меня пойти.

И бригада моя бывшая много лет потом надо мною смеялась: «Иди, Сталин, опохмелись, а то усы отвалились!» Да их-то понять можно, пообижал я, конечно, людей во время своего бригадирства... Да и сейчас кому от меня хорошо, кто меня добрым словом помянет? Заслужил, стало быть... Прости меня, Господи! Ещё бы сто грамм, а, батюшка?

Ещё сто грамм мы ему наливать не стали, а дали ему с собой тушёнки несколько банок, макароны и

куртку тёплую из гуманитарной помощи. Благодарил, обещал начать молиться, ушёл. Куртку потом пропил.

А через полгода приезжает ко мне племянник его Виталий, хороший парень, тракторист, сам с женой и детьми в церковь ходит, мать старенькую привозит причащаться регулярно.

— Батюшка! Петрович, кажись, помирать задумал, его бы особоровать да причастить!

— А где он, у тебя?

— У меня в боковушке лежит, плохой очень. Врач приезжал посмотреть, говорит: «У него вместо печени одни метастазы, в больницу возить незачем, пусть дома помирает». Оставил обезболивающие и уехал. Так что, батюшка, приезжайте.

Приезжаю. Лежит Петрович — кожа да кости, глаза мутные приоткрыты, в полузабытьи. Пособоровал я его. Потом тормошу, пытаюсь в сознание привести. Он в сознание пришёл, но сам будто уже и не здесь, как издалека слушает, и говорить уже не может. Я ему говорю:

— Василий! Петрович! Ты слышишь меня? Кивни, если слышишь!

Он кивнул.

— Говорить можешь?

Он покачал головой из стороны в сторону.

— Ты в Бога веруешь?

Он кивает, усердно так.

— Ты признаёшь, что свою жизнь прожил в грехах и весь перед Богом в долгу?

Кивает, а в глазах слёзы появились.

— Ты веруешь, что Бог по любви Своей все твои грехи сейчас простить может?

Кивает, слёзы по щекам текут.

— Каешься ли перед Богом во всех грехах, за всю жизнь совершённых, просишь ли у Бога прощения?

Головой трясёт из всех сил, слезами заливается.

— Причаститься хочешь Святых Таин Христовых?

Кивает, рот открывает, а сказать ничего не может, только плачет.

Прочитал я над ним молитву, разрешил от всех грехов «от юности его», причастил Святыми Дарами. Он сразу как-то обмяк, успокоился, черты лица разгладились, уснул. Я уехал, а через два часа он умер не просыпаясь.

Так вот, думаю я, Лёша, что, если бы не страсть эта — пьянство, может, и вышел бы из него какой-нибудь «Сталин» сельского масштаба, может, и шёл бы он дальше по головам людским ради вымпела с доской почёта. И во что бы он ещё мог превратиться, скольким людям горя смог бы принести?

А через страсть свою да унижение от людей смирился, немощь свою осознал, даже перед смертью

покаяться смог и причаститься. Верю я, что простил его, горемыку, Господь. Царства ему Небесного!

Кстати, Валентина, которая за Петровича замуж не пошла в своё время, на могилку к нему цветочки в церковные праздники приносит и свечечку зажигает, наверное, молится за него.

— Так значит, выходит по-твоему, отче, что эту страсть Господь пьяницам для смирения попускает?

— Когда самим пьяницам для смирения, когда их близким для вразумления, когда и ещё по какой, Одному Господу ведомой, причине. Однозначно можно сказать лишь то, что как и любая страсть, страсть пьянства является следствием неправильного выбора, попущения себе греха, следствием попрания Божьей заповеди и своей совести и одновременно — веригой во искупление этого греховного выбора.

Как в русской народной сказке: «Не пей, Иванушка, из козьего копытца — козлёночком станешь!» А не послушал — носи рога и копыта, молись да смиряйся, глядишь — опять в человека превратишься.

Наш разговор прервала подошедшая мать Серафима.

— Батюшка! Там у ворот вас какой-то Григорий спрашивает, пьющий по виду, говорит, что вы жену его знаете, она, мол, к нам в церковь ездит. Зовут её Татьяна.

ГЛАВА 8. «ПОБЕДА»

— Папа! А зачем тебе так много газет одинаковых? — Стёпка искренне недоумевал.

(Чадо! Что знаешь ты о сладости авторского тщеславия, подогреваемого запахом свежей типографской краски, исходящим от газетных листов, на которых в конце пусть даже и не очень большой статьи житийного содержания скромно значится: «автор и составитель Алексей Миронов»?)

— Там, Стёпа, папино литературное произведение, — в голосе Ирины явственно звучало весёлое лукавство, — папа эти газеты друзьям будет дарить, с автографом, а если друзей на все газеты не хватит, можно будет оставшимися газетами стены оклеить в папином «офисе», папа будет смотреть на них и вдохновляться на новые гениальные шедевры.

Я снисходительно взглянул на Ирину.

— Видишь ли, Степан! В нашем несовершенном мире люди, одарённые литературным талантом, как,

впрочем, и другими талантами, всегда сталкиваются со стеной непонимания, неоценивания по заслугам, а порой даже гонениями со стороны серой и творчески неразвитой массы обывателей...

— Я понял, папа! А на чердаке тоже клеить будем?

О! Музы!!!

Писательским трудом меня подвигла заняться Виктория Самуиловна, давняя «чада» и помощница по связям с администрациями отца Флавиана. Огненно-рыжая, с редкими сединками в свои шестьдесят с чем-то лет, поджарая и длинная, словно борзая, с широко открытыми ясными голубыми слегка на выкате глазами, и абсолютно не воспринимающая слово «нет», произносимое чиновником любого ранга, когда дело касается интересов Церкви.

Кажется, какой-то из ураганов, опустошивших несколько лет назад часть южных штатов Америки и мексиканского побережья, назывался «Виктория». Наша Виктория, по-моему, походя, разобралась бы и с остальными штатами тоже.

По крайней мере, сотрудники городских и районных административных и муниципальных учреждений приходили в состояние «благоговейного трепета» и «памяти смертной», едва заслышав в конце коридора её высокий жизнеутверждающий голос с хорошо слы-

шимыми нотками «нержавеющей стали». Этот голос, очевидно, достался ей в наследство от деда, печально отметившегося в этих краях в двадцатые годы несгибаемого чекиста, расстрелянного в тридцатые такими же несгибаемыми энкэвэдэшниками.

Даже местный Т-ской владыка, архиепископ М-й, как мне кажется, её слегка побаивался, хотя с точки зрения почтения к священноначалию и церковного послушания Виктория Самуиловна была безупречна (в чём очевидна несомненная заслуга отца Флавиана).

Её кредо звучало так: «Мой дед Иосиф боролся с Богом, расстреливал священников и разрушал храмы. За это он получил пулю в голову в тридцать седьмом году. Мой отец Самуил тоже боролся с Богом и писал лживые атеистические книжки. За это он пропал в колымских лагерях в сорок седьмом году. Я тоже первую половину жизни боролась с Богом и учила студентов «диалектическому материализму» и «научному атеизму». За это я получила обширный инфаркт и пожизненную группу инвалидности в восемьдесят седьмом году. Теперь я не борюсь с Богом. Я борюсь с собственными грехами и стараюсь хоть немного искупить перед Богом то, что натворили за свою жизнь мой дед, мой отец и я сама».

Если говорить об «искуплении», то приведу здесь неполный список известных мне деяний «несгибаемой Виктории».

По её инициативе или при активном непосредственном участии возвращено и открыто: 8 храмов, 1 мужской и 2 женских монастыря, архиерейский дом, богадельня, 3 приходские школы, 4 часовни, комплекс зданий Т-го духовного училища с домовой церковью и молитвенные комнаты в центральной районной больнице и двух воинских частях.

За это время её несколько раз жестоко избивали, поджигали квартиру, дважды пытались зарезать (один раз ножом, другой раз отвёрткой) и один раз в неё стреляли (в период, когда она отвоёвывала здание Вонифатьевской церкви, занятое рестораном кавказской кухни).

Пару раз её пытались посадить в психбольницу и один раз завести на неё уголовное дело (в результате чего на скамье подсудимых оказались два чиновника, бизнесмен, налоговый инспектор и младший следователь прокуратуры).

После этого прецедента её «непотопляемость» окуталась в глазах представителей местной власти таким мистическим флером, что больше никто из власть имущих не смел даже пытаться оказывать на «эту рыжую бестию» какого-либо давления.

Да! Ещё забыл сказать, что её усилиями три часа в день вещало «Радио Т-кой епархии» и на местном кабельном телевидении полчаса утреннего времени было отдано (БЕСПЛАТНО!) под программу «Православный Т-ск ТВ».

Добавьте ко всему вышеперечисленному её абсолютное бессребреничество, не просто нестяжательность, а практически полную нищету.

Пожар в её квартире погас сам, потому что в ней, кроме железной кровати, стола с двумя железными (со школьной помойки) стульями на цементном полу и железного же огромного несгораемого шкафа с кипами самой разной документации (на них-то, похоже, и покушались поджигатели), гореть больше было просто нечему.

Всё имущество, что было накоплено ранее её родителями и ей самой, она давно отдала в открытую ей же богадельню. Даже её знаменитые «бабушкинские» очки, сломанные в переносице во время одного из нападений, она сама аккуратно соединила, связав верёвочкой, предварительно просверлив дырочки в половинках.

Теперь отгадайте с одного раза — возникла ли у меня мысль отказаться, когда, пронзив меня задумчивым сканирующим взглядом, Виктория Самуиловна радостно возгласила:

— Вот вы, Алексей, и напишите для «Епархиальных ведомостей» статью о новопрославленных местночтимых святых!

Мой умоляющий взгляд, брошенный с тайной надеждой на Флавиана, встретил лишь его понимающее — «Благословляю!»

Пришлось писать. Оказалось, что это даже весьма интересно и увлекательно. Просмотрев мои первые наброски, Виктория Самуиловна поощряюще заметила:

— Когда вы избавитесь от «новоязычного» слэнга, Алексей, у вас можно будет заметить даже некоторое чувство стиля!

Кстати, для тех, кто не знает, «виктория» переводится с латыни как — «победа». Поэтому между собой мы иногда называли нашу «термоядерную» Викторию — Победа Самуиловна.

— Виктория Самуиловна, — поинтересовался я однажды, когда мы пили чай в сторожке с отцом Флавианом и матерью Серафимой, — а не секрет, как вы стали православной христианкой?

Она вопросительно посмотрела на Флавиана, тот кивнул.

— Не секрет, Алексей. Я понимаю ваше недоумение. Учитывая моё национально-революционное происхождение и предыдущую профессиональную деятельность, логичнее было бы увидеть меня в синагоге. Не скрою, я приходила туда в восемьдесят восьмом году, вскоре после моего инфаркта и преждевременного выхода на пенсию, когда я впервые задумалась о смысле жизни.

Я имела полуторачасовую беседу с раввином и ясно поняла два основных принципа современного талмуди-

ческого иудаизма. Первый — с Богом «можно договориться». То есть, когда Бог говорит «нельзя», то на самом деле — «если нужно, то можно». Мне не понравился этот принцип, так как я не верю, что Творца может перехитрить Его же творение.

Второй принцип — разделение людей на «собственно людей», то есть евреев, и «гоев» — человекообразных животных, которые существуют для обслуживания потребностей «собственно людей». Мне не понравился и этот принцип, потому что за свою жизнь я видела множество людей самых разных национальностей, имеющих высокую внутреннюю человеческую культуру. А также я встречала множество евреев, которым я сама, будучи чистокровной еврейкой, брезговала подать руку.

Я поняла, что Бог не живёт в синагоге, и не стала больше туда ходить.

Однажды я поехала в экскурсионную поездку по историческим местам и, по программе экскурсии, попала в Псково-Печерский монастырь. Там я нечаянно отбилась от своей группы и забрела в Михайловский храм, где проводил отчитку архимандрит А-н. Я этого, конечно, не знала, так как вообще ничего не знала и не понимала в то время в жизни Церкви.

Я просто зашла в здание церкви, где уже были какие-то люди, и ходила, разглядывая иконы и фрески, пока не обнаружила, что не могу выйти из храма, так как двери заперты изнутри. Тогда я обратила внимание

на то, что происходило в самой церкви. А в ней происходили совсем непонятные для меня вещи.

В центральной части храма собралась толпа людей, около сотни человек, среди которых присутствовали отдельные, явно не вполне здоровые психически, лица. Но, в общем, все стояли вполне благопристойно. Из любопытства я подошла поближе.

Тут из боковой двери алтаря вышел пожилой священник и встал где-то спереди народа перед иконостасом. Мне плохо было видно из-за спин тесно стоявших людей, и я не видела, что именно делал этот священник. Я только услышала, что он начал громко и неторопливо читать какие-то молитвы. Я уже решила поискать кого-нибудь из служителей, чтобы меня выпустили из здания на улицу, как вдруг в храме начало происходить что-то ужасное.

Сперва я услышала дикий вой, похожий на вой сильно раненой собаки, затем я увидела, что многие из стоящих рядом со мной людей начали вести себя неадекватно — дёргаться, хрюкать, гавкать, кричать самыми разными голосами, причём наиболее часто повторяющимися словами выкриков были — «не выйду!» Я замерла, будучи шокированной всем происходящим. А безумная вакханалия вокруг меня нарастала.

Стоявшая справа от меня молодая женщина неожиданно со всего размаха ударилась об пол прямо во весь рост, похоже на падающий шлагбаум, причём ли-

цом об каменные плиты пола, которые так сильно вздрогнули, что ощутила даже я, стоя от неё примерно в трёх метрах. Я вскрикнула и закрыла лицо руками, представив себе, как начнёт на моих глазах растекаться кровавая лужа вокруг её трупа, не сомневаясь, что после такого удара, её голова должна превратиться в кровавое месиво.

Каково же было моё потрясение, когда, открыв глаза спустя минуту, я обнаружила эту женщину стоящей на своём месте, причём без малейшей царапины на лице!

Чуть подальше, у стены, я заметила лежащего мужчину неопределённого возраста, которого какие-то невидимые существа с двух сторон поднимали за руки и за ноги, подобно тому, как милиционеры поднимают валяющегося без чувств пьяного и швыряют его в машину вытрезвителя. Этого мужчину тоже поднимали с пола на высоту выше метра и со всего размаха швыряли в стену. Он падал на пол со стонами, и всё начиналось сначала, его опять поднимали и опять швыряли.

От всего увиденного и услышанного у меня буквально шевелились волосы на голове, я была потрясена и раздавлена.

И тут моё внимание привлекло какое-то волнение в первых рядах людей, стоящих ближе к алтарю, как будто некто старался силой прорваться к выходу сквозь плотно стоящую толпу и не мог этого сделать. Затем я увидела, как из того места, словно ракета в кинохронике,

вертикально взлетает вверх над головами стоящих людей небольшая плотная старушка и, повернувшись в горизонтальное положение, с воем, пролетает в полуметре надо мной в сторону выхода.

Когда я пришла в себя, всё уже кончилось, и я обнаружила, что полулежу на скамеечке у выхода рядом с каким-то старичком в чёрном халате, очевидно, прислужником, держащим в руке стакан воды и приговаривающим:

— Испугалась, милая? Поди, впервой на отчитке-то?

— Извините мою неосведомлённость, — сказала я ему, — но что сейчас здесь происходило?

— Отчитка, милая, обычное дело, отец А-н бесов из болящих изгонял...

Я подумала и поняла, что если существуют бесы, в чём после всего увиденного я уже не могла сомневаться, значит, существует и Бог. Если в Православной Церкви есть сила, которой бесы боятся, а это я видела собственными глазами, то значит, Бог живёт именно в этой Церкви. Из монастыря я вышла тем же вечером уже крещёной и глубоко уверовавшей христианкой. Вот так это было, Алексей.

— Виктория Самуиловна! А ведь и мой первый опыт столкновения с духовной реальностью был похожим — я также был потрясён увиденным во время чтения отцом Флавианом заклинательной молитвы над

бедной Катюшей. Да и мой Шамиль-Николай стал христианином, сперва увидев нечистого!

Я повернулся к Флавиану.

— Отче! Ты посмотри, как интересно получается: дьявол ненавидит Бога и всё Его творение, а Господь, даже через бесов, помимо их воли, приводит людей к вере и приобретает души для Спасения!

— Лёша! Так что же тут нового-то? Ты же читал в Евангелии, как множество людей, ставших свидетелями изгнания из одержимых бесов Самим Господом и Его учениками, получившими от Него такую власть, начинали веровать в Иисуса Христа и становились Его последователями.

Господь и сегодня творит то же самое, как сказано в Послании Апостола Павла к Евреям: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же». И дьявол, кичащийся своей «свободой» от Бога, тоже вынужден, против своей воли, служить инструментом спасения человеков.

Вот был такой случай в Т-ском соборе, когда я служил там, ещё до моего назначения в Покровское.

Меняли у нас электропроводку в здании собора. Электрики, а их было двое родных братьев, были неверующими, хотя и непьющими и даже некурящими, и очень толковыми мастерами.

Приходили они работать сразу после окончания Литургии, а в соборе она служилась ежедневно, и начинали тихонько делать своё дело в то время, когда

ещё служились молебны, панихиды или отпевания, никому не мешая.

Так вот, однажды, после окончания отпевания, уже и не помню — кто был покойный, подходит ко мне младший из братьев-электриков, Геннадий, взволнованный, бледный, с испуганными глазами.

— Батюшка, у вас в храме привидения какие-то водятся! Я их сам только что видел!

— Что ты, Гена, такое видел, — спрашиваю, — ты не волнуйся, рассказывай!

— Батюшка! Я сейчас распаечную коробку менял на левом крылосе, в приделе, где вы отпевали, и со стремянки посмотрел немного на отпевание, так — из любопытства.

Смотрю и ничего понять не могу — лежит в гробу покойник, в изголовье вы молитвы свои читаете, вокруг родственники стоят, а слева от вас этот же покойник — живой стоит! Или как живой! И на самого себя, лежащего в гробу, печально так смотрит! А его не видит никто, как будто и нету его! Но я же вижу! Хотите, батюшка, я дыхну на вас? Да вы и так знаете, что мы с братом не пьём на работе.

Так вот, смотрю я на него, ничего понять не могу, а он поднимает голову и сморит вверх вон туда, в арку! И вдруг как закричит испуганно! Я его слышу, а больше никто не слышит, все стоят спокойно, вы «со святыми упокой» поёте. Я посмотрел туда, куда он смотрит,

вижу, а там, на перетяжке железной, которая арку стягивает, какая-то мерзкая образина сидит с крыльями перепончатыми, похожая на птеродактиля из фильма про динозавров, только гаже намного и страшнее.

И вдруг эта тварюга расправляет свои крылья облезлые, метра, наверное, три в размахе, и пикирует на того покойника, который стоит. Тот вопит истошно, аж у меня в ушах зазвенело, руками заслоняется, а эта гадина сграбастывает его своими когтями и вместе с покойником вылетает в дверь! А все стоят спокойненько, вы лежащему в гробу что-то в руку вкладываете, как будто и не произошло ничего!

В общем, батюшка, еле дождался я, когда вы освободитесь, чтобы вам всё это рассказать. Что это было, отец Флавиан, я ведь не свихнулся, правда? Это ведь на самом деле что-то было?

— Я думаю, Гена, что ты не свихнулся. Просто, по непостижимому промыслу Своему, Господь тебе на время зрение духовного мира приоткрыл, чтоб ты сам воочию увидел, как демон душу грешника нераскаянного в ад уносит, несмотря даже на молитву церковную. Видно, грехи его перевесили наше молитвенное за него ходатайство.

Тело-то его на кладбище понесли, памятник, наверное, дорогой поставят, судя по гробу, — покойник совсем не бедный был. А что с душой его стало — ты сам лицезрел. Так вот всегда и бывает. Либо Ангелы

ко Господу души умерших уводят, либо вот такие монстры в преисподнюю утаскивают. Нас с тобой эта смертная участь тоже не минует. Как проживём, так и получим, брат Геннадий...

Гена сейчас в том же соборе алтарничает, а брат его Леонид с женой своей, Аннушкой, на левом клиросе поют.

Дивны дела Господни!

Кстати, как потом выяснилось, прадед этих братьев-электриков до «революции» в том соборе диаконом служил. Видно, праведник был — намолил своим правнукам чуда Божьего для обращения к вере.

— Отче! Ну неужели молитвы предков на нашу жизнь такое большое влияние имеют?

— Просто огромное, Лёша! И не только молитвы, но и вся их жизнь. Вот посмотри, что Давид в Псалтири говорит в псалме тридцать шестом: « Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба: он всякий день милует и взаймы дает, и потомство его в благословении будет».

И ещё: «Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек: ибо Господь любит правду и не оставляет святых Своих; вовек сохранятся они; а беззаконные будут извержены, и потомство нечестивых истребится».

Видишь? Про праведника — «потомство его в благословении будет», а про грешника — «потомство нечестивых истребится».

Покойный архимандрит Н-й, соборный мой настоятель, высокой духовной жизни был человек и пастырь самоотверженный. Сталинские лагеря прошёл, пытки, ссылку, много всего видел за свои восемьдесят девять лет, многое понимал в жизни, а главное — много молился. И Господь ему за его молитвы большую духовную мудрость даровал, а порой и случаи прозорливости отца Н-я открывались.

Так вот, он такую вещь мне как-то в начале девяностых годов сказал:

— Мы порой удивляемся, почему сейчас люди так плохо живут, и в духовном плане и материально. Так отчего бы нам сейчас и жить-то хорошо? Ведь мы кто, чьи потомки? Чей багаж духовный мы в наследство получили?

Большевики, когда власть схватили, сразу лучшую часть общества истреблять стали: благоговейных священников, крестьян трудолюбивых, образованных людей, кто к ним на службу не пошёл, словом, — цвет нации, носителей православного духа и православной культуры, которые от своей веры и от благочестия предков не отреклись даже под страхом казней и тюрем.

Их-то первыми и перестреляли, да в лагерях и тюрьмах погноили. Они, стало быть, потомства уже и не дали. А потомство от кого произвелось? От тех, кто расстреливал, от тех, кто молчал трусливо по углам, от

тех, кто голосовал «за», кто от веры и Церкви отказывался, то есть от тех, кому сами большевики жить позволили. За отдельными, конечно, исключениями.

Так посуди теперь сам, — говорит, — отец Флавиан, носителями какого генофонда является основная масса современного русского народа? И с чего нам жить-то благополучно? За грехи предков и свои собственные епитимию от Бога несём. Зато многие, пройдя через земные скорби, стали ко Господу обращаться, в церкви ходить.

Причём ценно ведь то, что ходить-то начали во времена атеистические, богоборческие, когда быть верующим не только не популярно было, но и опасно. Для Бога такое обращение наиболее приятно. А сейчас, когда за веру гнать перестали на государственном уровне, качество приходящих в церковь в основной массе понизилось, стали и «на всякий случай» ходить, и ради моды на церковное, и просто ради «экзотики», от скуки.

Но и среди таких прихожан немало становится искренне верующими, которые познают Бога и начинают стараться жить по Евангелию. Хуже будет потом, если народ материально жить богаче станет.

Я-то уж не доживу, а ты, отец Флавиан, наверное, застанешь, когда люди к Богу с деньгами пойдут, думая, что за деньги спасение купить можно. Вроде как выгодно деньги вложить, с надеждой на проценты в будущем, забывая, что и сами эти деньги им Господь

как инструмент собственного спасения доверил, для творения дел милосердия. А ещё будут многие, кто в первую очередь не о спасении души думать будет, а о том, чтобы здесь и сейчас за свою «благотворительность» ещё больше мирского благополучия от Бога получить, чтобы «деньги к деньгам»!

Храмы строить и золотить будут, священников щедро одаривать, деньгами баловать, машинами, дома им строить. Смотри, не продайся тогда, отец иеромонах! Искушение благополучием посильней искушения гонениями будет, а ведь — сытое брюхо к молитве глухо! Хотя истинные богомольцы всегда будут. И среди «сытых» тоже. Только мало.

— Вот, похоже на то, Лёша, что мы до этих, предсказанных отцом Н-м времён, уже дожили.

— Батюшка! А что же нам-то делать, порченным, со своим этим генофондом греховным? Как нам в Небушко прорываться, если на ногах такие гири привешены и своих грехов, и родительских? У меня ведь тоже отец коммунистом был, парторгом отдела в своём НИИ, и дед политработником на фронте. Есть ли шанс прорваться-то, а?

— Шанс «прорваться», Алексей, есть всегда и у всех. Разбойник же на кресте «прорвался»?

— Прорвался, отче!

— Именно прорвался, Лёша! Сквозь самого себя прорвался, сквозь всю свою прежнюю греховную

жизнь! А другой разбойник не прорвался, не захотел, точнее — не смог захотеть.

— Что это значит — «не смог захотеть»?

— То это значит, Лёша, что при бесконечном Милосердии Господа, способность человеческой души к восстановлению, реанимации отнюдь не бесконечна. Как и тела, кстати. Борется, например, печень с алкоголем, борется, напрягает все защитные механизмы, противостоит яду какое-то время, а потом — бах — цирроз, и помер хозяин этой печени.

Так и душа — противится она греху, восстает против него, тянет за душу совесть, мучает грешника. А он всё валит на неё грехи и валит, она задыхается под ними и слабеет, как человек, которого заживо закапывают, потом — раз — и затихла, смолкла совесть — умерла душа. Смотришь — живёт человек, активно даже живёт, грешит направо и налево, и уже ничто внутри не тянет, не сосёт за сердце, не мешает ему грешить. Это и есть — смерть души.

И говорить ему что-либо о Боге, о добре, о любви — бесполезно, как в компьютере — программа совести принудительно удалена, и сколько ни вызывай её, на экране только — «Error» — «ошибка»!

Ведь почему Сам Господь среди людей ходил, Евангелие Божественной Любви проповедовал, множество чудесных деяний совершал, и одни слышавшие Его, лодки, сети и родителей бросали, вслед за ним

устремляясь, а другие Его Самого со скалы сбросить хотели, как в Назарете? И ведь «сбросили» — распяли, и, у Креста стоя, над Распятым издевались!

Потому, что уже задолго до этого души их были грехами умерщвлены и не способны не только почувствовать благодать Божью, Его Любовь, но даже и захотеть этого.

А Бог исполняет лишь просьбы, идущие от сердца, искренне этим сердцем желаемые. Бесполезно просить у Него, например, помощи в «бросании» курить, если просишь от ума, лишь осознавая пагубность этой страсти, но при этом в сердце её лелея и любя.

— «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше», — говорит Евангелие. И если твоё сокровище в сердце — греховная страсть, то места в нём для Бога уже нет. Нельзя в один стакан и молоко, и бензин наливать, ни пить будет невозможно, ни в бензобак залить.

— А что же делать, когда умом понимаешь, а сердце страстью занято, отче?

— Заставить себя захотеть, понудить себя к очищению сердца, как в Евангелии сказано: «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его». Необходимо приложить осознанное усилие к испрашиванию у Господа очищения сердца и вселения в него искреннего желания оставить греховную жизнь. И когда человек, подобно евангельской вдове, неотступностью

своего молитвенного усилия умилостивит Господа, тогда Он Сам сотворит то, что «невозможно человекам, но возможно Богу» — коснётся Своею благодатью сердца человека и вселит в него искреннее и горячее желание победы над грехом, а уже следом, по желанию сему, дарует и саму победу.

То есть сначала проси у Господа: «Даруй мне захотеть не курить»!

А получив от Бога первый дар — искреннее сердечное желание, проси второго: «Исцели меня от страсти сея»! И исцелит! Ведь Господь сказал же в Евангелии: «Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их?» Защитит от разжигателей страстей — демонов, от собственной удобопреклонности ко греху, от вечной погибели.

А медлит иногда почему? Да для пущего осознания страждущим своей немощи, для сознательного отказа от всякого надеяния на собственные силы — греховного «Я сам!» Для полного и всецелого предания себя в волю Божью и упования на Его Божественную Милость!

Часто бывает, что сам человек настолько поражён грехом, что не только сердцем захотеть, но и умом осознать своё положение не способен. Тогда усиленные молитвы близких могут сделать за него часть работы, а именно, испросить у Господа, чтобы открылись у него глаза и чтобы смог он своё гибнущее состояние уви-

деть. Увидеть и ужаснуться. Ужаснуться и захотеть спастись. А дальше уж его собственная работа начинается — молить Господа о спасении. С неотступностью евангельской вдовы, с усилием сердца и понуждением ума. Вот так и «прорвётся».

— Отец Флавиан! Я не была замужем, и у меня нет детей, — Виктория Самуиловна обратила на батюшку внимательный взгляд своих ясных голубых глаз, — но если бы они были, они бы тоже понесли на себе последствия родовых грехов?

— Понесли бы в том случае, если бы родились до вашего крещения и воцерковления. Собственным обращением ко Христу и присоединением к Его Святой Церкви вы пресекли на себе преемственность передачи греховного «наследства» своих предков и, в случае рождения вами детей, стали бы родоначальником новой династии освящённых благодатью Святого Духа христиан.

— Отче! — не удержался я. — А если уже крещёный в детстве человек, но, подобно мне, полжизни провалявшийся в грехах, начнёт жить с Богом и рожать детей, его дети унаследуют ли родительские страсти?

— Лёша! Вспомни, что Покаяние называют — вторым Крещением! Господь говорит в Писании через пророка Исайю: «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда

придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли».

Вот видишь — покаяние и изменение жизни в сторону добродетели преображает всё существо человека подобно Таинству Крещения, и дети, рождённые в «убелённом» состоянии души, соответственно понесут в себе благословение Божье. Те же дети, кому довелось родиться от родителей-грешников, в своём духовном развитии начинают как бы с заниженной «стартовой позиции» по сравнению с детьми родителей благочестивых.

Однако своим личным подвигом они могут не только догнать и опередить других детей в духовном росте, но и достигнуть высот святости, чему не мало примеров в житиях святых. Особенно если их родители, обретя веру, начнут поддерживать своих детей усиленной родительской молитвой, которая, как принято говорить у православных, «и со дна морского поднимает».

— Отец Флавиан! Простите мне мою национальную назойливость, — голос Виктории Самуиловны почти незаметно дрогнул, — а как же: «Кровь Его на нас и на детях наших»? Вы понимаете моё переживание по поводу этой фразы?

— Сестра во Христе Виктория! Кровь Иисуса Христа попаляет богоборцев подобно огню, падая на главы отвергающих Спасителя. К тем же, кто открыл

своё сердце и душу Сыну Божьему, обращены Его слова: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» и другие: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день».

Флавиан взял с полки Евангелие, пролистав, открыл в нужном ему месте.

— Сестра Виктория! Все национально-религиозные вопросы решаются в следующих словах Апостола: «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос. Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства».

— Значит, Христос простил и меня? — тихий голос Виктории Самуиловны был лишён всех обычных «металлических» ноток.

— Безусловно! И освятил в Таинствах Крещения и Причащения.

— Батюшка! Благословите меня в это воскресенье причащаться в городском соборе! В последнее время по утрам опять стало побаливать сердце, мне трудно будет сюда приехать к литургии.

— Благословляю! Причащайтесь с Богом! Поисповедуйтесь у отца Василия, передайте ему от меня поклон.

— Спаси вас Господи за всё, батюшка!

В воскресенье Виктория Самуиловна умерла. Была на службе в соборе, исповедалась, причастилась. Вернувшись домой, прилегла на свою железную, похожую на тюремные нары, кровать, задремала. И не проснулась. Во сне у неё остановилось сердце.

Отпевал её владыка М-й в сослужении восемнадцати священников, сказал проникновенную проповедь.

А похоронили её у нас в Покровском, недалеко от алтаря, рядом с попадьёй, мужа которой, новомученика протоиерея Ферапонта, расстреляли по приказу комиссара Иосифа Альтмана.

Деда Виктории Самуиловны.

Я теперь прихожу к ней иногда на могилку, молюсь о её упокоении перед сдачей в редакцию местного православного журнала очередного материала.

Мне кажется, что я получаю от неё помощь в своём «писательстве».

ГЛАВА 9. **БРОШЕННАЯ ЖЕНА**

— Сколько же лет вы вместе прожили, Лидия Александровна?

— Двадцать восемь, батюшка, через неделю ровно двадцать восемь исполнится, то есть исполнилось бы.

— Немало, однако, немало...

— Я тоже думала, что немало. Казалось, что мы так сроднились уже. Даже мысли друг друга иногда угадывали — он подумает, а я — скажу! Никогда и представить себе не могла, что вся жизнь в одночасье перевернётся!

Оказалось, что я «никогда его не понимала, подавляла в нём личность, лишала его общения с окружающим миром, не дала ему настоящей чувственной страсти, да и в интимных отношениях была нехороша»... А та, которую он встретил, вдохнула в него новую силу, зажгла в нём желание жить, поняла его тонкую натуру...

— А лет ей сколько?

— Двадцать шесть, но выглядит моложе.

— Понятно...

— Батюшка! Когда я за Вячеслава замуж выходила, он даже писал с ошибками, ножом и вилкой пользоваться не умел. Много лет я его шлифовала, достойным манерам учила, так что теперь его иногда спрашивают — не из благородных ли он? В его нынешней работе, в тех кругах, где он вращается, без определённого уровня культуры обходиться нельзя, там международная элита — бизнесмены, политики. Кстати, тоже многие нынче с молодыми жёнами, старые жёны сейчас не в моде...

Что мне делать, батюшка? Уже полтора года, как Вячеслав меня бросил, а сердце всё болит, ведь я ему всю свою жизнь посвятила, от интересной творческой работы отказалась, в перспективе — от хорошей карьеры. Его жизнью жила, его работой, была ему служанкой, поварихой, горничной, матерью, наставником, тылом, убежищем в трудностях, двоих детей ему родила, Эдика и Римму. Вырастила их, воспитала, выучила.

Вячеслава их школьные проблемы, болезни, уроки, кружки, родительские собрания, экзамены и прочие детские заботы никогда не касались. Я сама его от всего этого уберегала, освобождая время и силы для профессионального роста, для общения с друзьями, для полноценного отдыха. Он только тогда, когда детям с

поступлением в институты помочь потребовалось, подключился, тогда его положение уже давало такие возможности, а в остальном... Он больше своей жизнью жил, а мы с детьми своей.

Дети с ним после того, как он нас покинул, около трёх месяцев не разговаривали, считали предателем. Но потом я их всё же примирила с отцом, нельзя детям отца судить и отвергать, грех это большой. Я права, батюшка?

— Правы, Лидия Александровна, в этом вопросе вы совершенно правы.

— Сейчас у детей с Вячеславом отношения хорошие, встречаются периодически, дни рождения вместе празднуют, с Алиной, новой женой его, вполне дружелюбно общаются. Переболело у них, прошла обида, примирились с реальностью.

Вячеслав и мне помогает материально, передаёт достаточно денег, путёвку вот мне заказал на курорт в Анталье...

Только у меня всё ещё болит душа, не так остро, конечно, как в первое время, потише, но болит...

Я в очередной раз бросил умоляющий взгляд на Флавиана из своего угла, тихонько показав пальцем на дверь.

Он ответил отрицательным покачиванием головы. Я подавил вздох. Не знаю, для чего Флавиан оставил

меня сидеть в углу сторожки, где я чинил мать-Серафимину тестомешалку, когда он пришёл сюда поговорить с Лидией Александровной. Слушать её рассказ мне было горько, я многое проецировал на себя и на нашу с Иришкой прошлую жизнь. Несмотря на множество различий в наших судьбах, в главном проблема была одна и та же — наше мужицкое гадство. Знаю я всю эту лирику про «понимание, подавление личности» и прочее! Просто самец победил человека, встретив молодую самку, вот и вся лирика! Но осуждать мужика, бросившего старую жену, у меня не хватало духа, я и от молодой-то бегал, как кобель дворовый... Если бы не Господь!

— Если бы не Господь, батюшка, я бы, наверное, не смогла больше жить, у меня уже и таблетки были заготовлены. Только, видно, бабушка покойная на Небе молится обо мне, не даёт совершить непоправимого. Я уж, было, и совсем на суицид решилась, да тут Леночка, соседка по даче, позвонила — позвала в церковь на родительскую, усопших родных помянуть. Я и подумала — в церковь схожу, родителям покойным свечечки поставлю, а потом и сама к ним отправлюсь, или уж — куда там попаду, лишь бы только нынешнюю муку не терпеть.

Пришла с Леночкой в церковь, а я в ней с раннего детства не была, после бабушкиной смерти (это Вячес-

лав мой в телевизоре со свечкой на Рождество и на Пасху каждый год появляется, вместе с коллегами по министерству), смотрю на всё остекленелым взглядом, отсутствующим. И вдруг хор как запел «со святыми упокой...», да так проникновенно, что у меня в душе что-то перевернулось, слёзы как полились! Вышли мы с Леночкой из храма, а я всё плачу, да так со слезами всё ей и рассказала: и про Вячеслава, и про боль свою, и про таблетки. А она меня домой не отпустила, к себе привела, чаем поила, утешала, и вам, батюшка, тут же позвонила, договорилась, чтобы мне к вам сюда приехать.

Объясните мне — что я не так сделала, почему он ушёл, батюшка?

— Многое вы сделали не так, Лидия Александровна, самое главное сделали не так. Муж у вас на месте Бога был, вы ему вместо Господа служили, кумира, идола из него сделали.

А он, как и всякий ложный божок, обманул, не оправдал возложенных на него надежд и принесённых ему жертв. Служа мужу, вы не только не направили его душу к Богу, но и сами к Нему не шли. А строить семью без Бога — это всё равно, что строить дом из кирпича без раствора, как дети из кубиков. Можно очень даже симпатичный теремок сгородить, красивый, нарядный. Только прочным он не будет, чуть толкни его — он и рассыпается.

Устроение души у верующих супругов и у неверующих принципиально различное. Верующий супруг знает, что жена или муж даны Богом во спасение души и основная обязанность супругов служить друг другу жертвенно, любить друг друга и Господа и рука об руку идти вместе в Царство Небесное. И каждый из них знает, что сказано в Святом Евангелии: «Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев». И ещё: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

И уж если Господь так говорит о друзьях, то тем более должны супруги «душу свою полагать» за того, про кого сказано: «Оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

А психология неверующих супругов какова? Они вступают в брак для того, чтобы получать, а не для того, чтобы давать, не для того, чтобы жертвенно служить, а для того, чтобы жить в своё удовольствие, которое и должно доставляться другим супругом.

И если удовольствие стало ослабевать, жена постарела, например, и не вызывает в нём прежнего страстного плотского желания, а вокруг молодые ходят и привлекательные, такие желания вызывающие, то рано или поздно у неверующего мужа возникает во-

прос: «А почему бы мне не оставить старую жену и не взять себе молодую?»

И он не находит убедительного для себя ответа на этот вопрос, тем более что вокруг «все так делают». Особенно в среде людей состоятельных. И ведь не только старых жён бросают, «сработавшихся», отдавших молодость мужу и все силы семье и детям, а и молодых, и привлекательных!

Просто потому, что «приелась», наскучила, захотелось «свежатинки», «характерами не сошлись», а то ещё и требует, чтобы муж не с друзьями по «спортбарам» под пиво «тусовался», а дома с женой время проводил, ребёнку книжку почитал или погулять с ним сходил!

Многие сейчас и в брак-то, не то что в церковный, но и в государственный, регистрируемый в ЗАГСе, вступать не хотят, чтобы не обременять себя обязательствами, да и при расставании меньше имущественных проблем иметь. Просто живут себе в греховном сожительстве, для приличия называемом «гражданским браком», часто даже с «благословения» родителей, мол — пусть попробуют детки, проверят свою «совместимость»! Они и пробуют то с одной, то с другой, «проверяют совместимость» в узаконенном современной общественной моралью блудном грехе.

Хотя и те, что до ЗАГСа ради платья с букетом и лимузина с рестораном всё же добрались, в большинстве своём не намного серьёзней к браку относятся.

Подход-то у них тот же — «не сойдёмся, так разведёмся»! И разводятся. Тысячами. А дети остаются. Безотцовщиной. И никакими подарками и алиментами ребёнку живого отца не заменишь, рана у него на сердце всю жизнь заживать будет, если вообще заживёт. Сколько их, таких бедных деток, сейчас!

— Батюшка! Но ведь и в нашем поколении, и среди поколения наших родителей, воспитанных в большинстве своём атеистами, было много прекрасных крепких семей, и не происходило стольких разводов, как сейчас! Почему так, батюшка? Что же сейчас происходит с людьми?

— Происходит то, о чём сказал Господь в Евангелии: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? нет, говорю вам, но разделение».

Раньше, в «советское» время, многие моральные нормы и идеалы, такие как: супружеская верность, служение Родине, жертвенность ради счастья других людей, ценность семьи как «ячейки общества», бескорыстность, честность и другие — были взяты из дореволюционной христианской жизни и лишь «наряжены» в коммунистические одежды, вспомните хотя бы «Моральный кодекс строителя коммунизма» и сравните его с Десятью Заповедями.

В перестройку коммунизм отменили, а вместе с коммунистической идеологией обрушили и традиционную общественную мораль.

Зато открылась дверь в Церковь. И началось то самое разделение. Люди, чьи души искали чистоты и любви, потянулись к Богу и обрели фундамент незыблемый для своих моральных убеждений в Учении Православной Церкви.

Те же, чьи души тяготели к греховным страстям, обрели Великого Учителя Страстей — телевизор, из которого им быстренько объяснили, что жить для других — глупость и что самая большая ценность — это Ты Сам, и что надо «брать от жизни всё», и что «истинная» свобода — это свобода греха. С того момента последние «идеологические» препятствия на пути желающих грешить пали, и люди самозабвенно кинулись наслаждаться жизнью, сметая на пути все препятствия в лице родителей, жён, детей и тому подобные.

Вот вас, Лидия Александровна, бабушка ваша водила при своей жизни в церковь, если я правильно понял, так?

— Так, батюшка! Я хоть и совсем маленькая была, а помню, как бабушка рано утром поднимала меня, сонненькую ещё одевала, вела в церковку небольшую такую, красненькую с беленькой отделкой в переулке за два квартала от нашей квартиры на Арбате, и по дороге всё что-нибудь про Боженьку рассказывала. Очень мне эти рассказы тогда нравились. И в церковь ходить нравилось.

Только умерла бабушка, когда мне в первый класс идти надо было, а там в школе, сами знаете, чему и как нас учили... Вот и подзабылись бабушкины рассказы. А в студенческие годы и вовсе не до вопросов о Боге было — молодость кипела энергией, тут и романтика, и идеалы служения людям, и любовь...

А вскоре за Вячеслава замуж вышла, и начался семейный быт и семейные проблемы. Некому было мне подсказать, что за семейным счастьем в церковь надо идти. Я всё думала — я сама! Ведь: «Человек — это звучит гордо»! А вот у самой-то не вышло...

Батюшка! А может, наш брак с Вячеславом сглазили по зависти или на мужа порчу навели, как это правильно называется — приворожили? Ведь это же бывает?

— Бывает. Не думаю, что так было в вашем случае, у вас в семье и без внешнего оккультного воздействия хватало причин для распада, хотя на практике я с такими явлениями встречался.

Например, когда я ещё служил в соборе в Т-ске, был такой случай. Одна женщина, пенсионного возраста, имела тридцатилетнего неженатого сына Валентина. Оба были неверующими и в церковь не ходили. И вот сошёлся этот сын с одной женщиной, разведённой, имеющей пятилетнего ребёнка. Начали они жить вместе, вроде бы отношения складывались хорошо, ребёнок начал Валентина «папой» называть, даже стали подумывать про регистрацию в ЗАГСе.

Но тут Валентинова мать взбеленилась — не отдам сына «разведёнке с довеском»! Возненавидела сожительницу сына. И так её бес на этой ненависти зацепил, что ночи не спала — думала, как сына с его сожительницей развести. И надумала. Нашла «бабку», та ей нашептала водичку, велела напоить сына. Напоила. Сработало. Сын невзлюбил свою сожительницу до отвращения, сам не мог понять, что с ним происходит, просто не может видеть её — и всё тут! Та, конечно, страдает, ребёнок переживает разлад с «папой», словом, плохо у них стало. Ушёл Валентин к матери домой жить. Мать довольна.

Проходит с момента его возвращения к матери около месяца. Как-то раз, возвращаясь с работы, попал Валентин под сильный ливень. А случайно (помните афоризм Паскаля: «Случай — псевдоним, который избрал Себе Господь Бог»?) он проходил мимо Т-ского собора, в нём как раз всенощная шла. Зашёл он внутрь храма, чтобы дождь переждать, из любопытства пробрался поглубже, поглазеть на богослужение. Тут начали Евангелие читать.

И вдруг как пошло Валентина судорогами ломать! Крик изо рта рвётся, корёжит его всего, трясёт! Испугался он, да и перед людьми неудобно — что подумают? Выбрался из церкви на улицу. Судороги враз прекратились. А дождь всё хлещет. Вернулся он в храм — опять заколотило. Вышел — перестало. Побежал домой под дождём.

Весь вечер думал о происшедшем. А утром, как раз суббота была, специально отправился в собор проверить — будет с ним такое, как вчера, или нет. Пришёл. А в соборе «Херувимскую» поют... Скрутило Валентина так, что, света белого не взвидев, пулей вылетел из храма. На улице всё стало спокойно. Решил он дождаться конца службы и к священнику за разъяснениями обратиться. Дождался, обратился. Священником оказался я.

Начали мы с ним весь последний период его жизни анализировать, и у меня сразу на Валентинову мать подозрения появились. Решил я проверить. Под предлогом освящения квартиры пришёл к ним в гости и мамочку разговорил. Она про «бабку»-то и проговорилась.

Пришлось «отчитывать» Валентина, я его к игумену Т-ю свозил, тот чин молебна на изгнание нечистых духов совершил, в святом источнике Валентина трижды окунул, два дня у себя продержал, исповедал за всю жизнь, причастил. Валентина «отпустило». Вернулся он к своей женщине, поженились они. Насколько мне известно, и до сих пор счастливо живут, своих двоих детей родили, в церковь ходят, живут по-христиански.

Кстати, и мать его тоже теперь в церковь ходит, покаялась в своём грехе обращения к нечистой силе. Да и в других грехах тоже. Она в тот день, когда Валентина игумен Т-й отчитывал, на ровном месте упала и руку в трёх местах сломала, более полугода потом с

гипсом ходила, а Валентинова жена ей обеды готовила и на дом приносила.

А вот вам ещё аналогичный пример, только «с другим знаком».

В том же Т-ском соборе была у нас прихожанка Эмилия, лет пятидесяти, учительница математики, уверовавшая после смерти мужа, с которым только-только успела серебряную свадьбу отпраздновать. Также был у неё единственный сын Александр, инженер-механик, который уехал нз Т-ска на заработки на Север, я уже сейчас и не помню название городка, где он жил, что-то с редкимн металламн связанное.

Так вот, встретил он там замужнюю женщину с двумя детьми, кладовщицу в общежитни, и влюбился безумно. А так как мужчина он был видный, образованный, умел ухаживать, то без особого труда отбил её у мужа, простого тракториста, тихого невзрачного мужика.

Забрала она своих детей, девочек двух и четырёхлетнего возраста, и перешла к Александру в общежитие, где у того была отдельная квартира. Стали они вместе жить, написал он об этом матери.

Мать, конечно, поначалу огорчилась. Во-первых, семью разрушил, во-вторых, опять же, с чужими детьми взял. Редко какая мать чужих «внуков» сразу полюбить способна. А в тот пернод Эмнлня уже начала регулярно в храм ходить, нсповедоваться, причащаться, со священниками советоваться.

Попереживала она за сына, понегодовала на его сожительницу, потом поуспокоилась и решила — пусть будет воля Божья на них, если так Богу угодно, то пусть и живут вместе. Пошла она в собор и заказала за сына и его женщину молебен Гурию, Самону и Авиву. Решила ходатайством этих святых сыну семейное счастье испросить.

Звонит ей сын через пару дней:

— Мама! У меня беда! Катя (так его женщину звали) ушла от меня обратно к мужу! Я не могу без неё! Ты там в церковь ходишь, помолись как-нибудь за нас, а то прямо как наколдовал кто!

Эмилия его спрашивает:

— Что случилось-то, Саша?

Он рассказывает:

— Два дня назад, ночью (как раз в ночь после отслуженного молебна), Катя как закричит во сне, даже дети в соседней комнате проснулись. Я к ней: «Что такое?» Она рыдает и от меня отодвигается. Я её еле успокоил. Она мне и говорит: «Сейчас мне сон приснился, причём не как обычный сон, а всё как наяву, никогда раньше такого сна не было. Встал передо мной грозный старец, какого-то церковного вида, и строго-престрого сказал: «Екатерина! Оставь грех! Верни детям отца!» Трижды повторил, да так грозно, что у неё от страха всё внутри похолодело. Всю ночь она проплакала, а днём, пока я на работе был, вещи собрала и с детьми к мужу вернулась.

Поняла Эмилия, что дошла её молитва и что воля Божья была не такова, как её сыну хотелось бы. Поблагодарила она Господа и рассказала всё сыну. Тот погоревал сперва, на мать обижался за молебен её, а потом смирился. Вернулся на родину в Т-ск, на заработанные на Севере деньги купил кооперативную квартиру и через некоторое время женился на молодой верующей женщине, певчей из собора, куда он вместе с матерью по возвращении своём ходить начал. Эмилия теперь их деток нянчит.

— Батюшка! А если бы мы с Вячеславом раньше повенчались бы, — встряхнула головой Елена Александровна, — наш брак был бы крепче? Вячеслав не оставил бы меня?

— Само по себе венчание (Таинство Брака), совершённое над супругами, не даёт никакой гарантии крепости супружества при отсутствии у супругов веры и старания жить по Евангелию.

Сейчас многие пары венчаются ради красоты обряда или «чтобы брак был надёжней», совершенно не понимая, в чём заключается смысл и сила этого священнодействия. А ведь в этом Таинстве невидимо действует Сила Духа Святого. Хотя, впрочем, бывает, что и видимо.

В первый год моего служения здесь в Покровском однажды разболелся у меня зуб, да так сильно, что, еле выдержав два дня этой боли, на третий я помчался в

Т-ск в стоматологическую поликлинику с намерением этот самый зуб вырвать.

Врачом оказалась полная весёлая женщина средних лет, которая, посмотрев мой больной зуб, решила его пролечить и запломбировать, к чему и приступила. Ассистировала ей совсем ещё молоденькая медсестра, практикантка из медучилища, светленькая девочка с чистыми голубыми глазами, несколько пугливо посматривавшая на непривычного пациента — толстого попа в рясе с крестом. Часа за полтора со мной управились, доктор вышла, повелев мне дожидаться её в зубоврачебном кресле.

Оставшись со мной наедине, медсестричка, с видимым усилием преодолев свою робость, обратилась ко мне:

— Батюшка! Извините, пожалуйста, вы не можете объяснить мне, что такое я недавно видела?

— А что ты видела?

— Я сама не очень верующая, хотя крещёная и перед экзаменами всегда Николе-Угодничку в церкви свечку ставлю. Две недели назад я была кумой на венчании у своей школьной подруги и мне пришлось держать церковный венец над её головой. Венец был тяжёлый, и у меня быстро устала рука, я посмотрела на венец, чтобы решить, как удобнее перехватить его другой рукой, и тут увидела, что изнутри венца на невесту падает как бы мягкий широкий луч света, но какого-то необычного, неземного, что ли. Я сперва даже не успе-

ла удивиться — может, так и должно быть, и посмотрела на венец жениха, из него также исходил свет. А потом, когда священник стал обводить жениха и невесту вокруг столика с Книгой в золочёной обложке, лучи света от двух венцов слились в один большой и широкий луч и покрыли собой жениха и невесту. Батюшка, это что такое было, ведь оказалось, что, кроме меня, этого никто не увидел, я ведь — нормальная?

— Нормальная, — ответил я ей, а сам даже позавидовал, что не мне — священнику, а невоцерковлённой девчушке Господь даровал действие Духа Святого в Таинстве Брака лицезреть, — чудо это было Божье, по неисповедимому Его промыслу тебе показанное, любит тебя Господь!

— Батюшка! А когда я замуж выйду и венчаться буду, на меня тоже так светить будет?

— Будет, — говорю, — не уверен только, что ты это снова увидеть сподобишься, но знай, во время венчания так всегда бывает. Это Дух Божий мужа и жену в единое духовное существо соединяет — да будут два в плоть едину! И телесно, и духовно!

Девочка эта, правда, замуж так и не вышла, она сейчас в Т-ском женском монастыре инокиня, подвизается на просфорном послушании. Выбрала себе самого лучшего Жениха...

Только ведь благодать Духа Святого, дарованную в Таинстве Брака, важно не только получить, но самое

главное — сохранить! А подвигом благочестивой семейной жизни и приумножить!

У нас ведь традиционно многие сказки да романы заканчиваются свадьбой — «и я там был, мёдпиво пил», а реальная семейная жизнь свадьбой только начинается. И венчание, само по себе, не есть гарантия семейного счастья, а лишь «выдача лицензии на право построения семьи» с приложением Божьей помощи при условии «соблюдения технологии строительства».

Причём всё зависит как раз от знания этой «технологии» и старания её придерживаться. А изложена она в Евангелии, в Послании Апостола Павла к Ефесянам:

«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь... Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть... Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа».

— Батюшка! А почему боится? Разве страх укрепляет любовь?

— Дело в том, Лидия Александровна, что страх, о котором говорит здесь Апостол Павел, сродни страху Божьему, то есть — благоговению. А благоговение и есть истинное проявление любви. Благоговейный христианин или жена боится не насилия со стороны Бога или мужа, но боится чем-либо оскорбить Божью или мужнину к себе любовь, нарушить священную гармонию Брака христианской души с Небесным Женихом — Христом, или земного брака с богоданным мужем.

Если бы Вячеслав был христианином, для него законом были бы слова того же Апостола:

«А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем... — и мужу не оставлять жены своей». «Соединен ли ты с женой? не ищи развода». И ещё: «Кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее».

Господь обозначил лишь одну причину, дающую каждому из супругов основание для развода, — прелюбодеяние, супружескую измену. Церковь, снисходя к реалиям нашего падшего времени, добавила ещё несколько причин, могущих послужить основанием для расторжения брака. Это хронический алкоголизм или наркомания, при нежелании страдающего этой страстью от неё избавляться, противоестественные пороки,

отпадение от Православия и ряд других греховных свойств человека, делающих супружескую жизнь с ним невозможной.

Но любой из супругов, оставляющий без канонического основания другого, безразлично — муж жену или жена мужа — тяжко согрешает. Нанося незаслуженно оставляемому супругу сердечную рану, он наносит собственной душе рану несравненно сильнейшую, неисцелимую без церковного уврачевания и приводящую к вечной смерти.

— Отец Флавиан! — не выдержал я в своём углу. — Как же тогда в современной жизни найти себе супруга или супругу, которые не бросят тебя, как использованную вещь? У меня дети растут, я должен знать, как их к выбору супруга готовить, растут-то они очень быстро. Сегодня маленькие, а глазом моргнуть не успеешь, как придут родительского благословения на брак просить...

— Да, батюшка! — поддержала меня Лидия Александровна. — Подскажите, Бога ради! Риммочка моя, доченька, тоже никак с женихом не определится, уже год как институт закончила, хочет замуж выйти, но мой пример её уж больно пугает...

— Прежде всего, она должна знать, что полнота семейного счастья возможна только, если вместе с супругами всегда будет жить ещё один «Член семьи» — Христос! То есть, если брак будет настоящим христи-

анским, построенным на уже упомянутых мною заповедях, данных Самим Господом.

А для того, чтобы построить такой брак, ваша Римма должна, прежде всего, сама стать настоящей православной христианкой.

— Батюшка! Риммочка крещёная, иногда заходит в церковь, свечечки поставить, записочки подаёт, её этому моя Леночка научила!

— А когда она в последний раз Святых Таин причащалась?

— Не знаю, батюшка... Кажется, никогда...

— Лидия Александровна! Господь наш Иисус Христос сказал: « ...Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день... Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем». Следовательно, не может стать полноценным христианином человек, не исполняющий Заповедь Господню о причащении Тела и Крови Его.

Так и во всём остальном. Быть христианином — значит иметь веру, знать, во что ты веруешь, и жить по вере.

Ведь цель христианского брака — соединение двух людей ради совместного шествия путём христианского подвига совершенствования в любви в Небесное

Царствие Господа нашего Иисуса Христа. Все другие цели — рождение детей, взаимопомощь в быту, радости супружеского общения — по значению вторичны и имеют созидательное значение лишь в случае осознания супругами главной духовной цели их союза.

Супругов Господь, можно сказать, «подбирает» друг другу в соответствии с духовным состоянием каждого из них, и они становятся «инструментом спасения» друг для друга. Соответственно, если один из супругов имеет в себе какие-либо неизжитые страсти, то второму супругу, порой неосознанно, придётся исполнять обязанности «хирурга», а то и «скальпеля», вынужденного причинять боль ради удаления смертельно опасной духовной «опухоли». И в течение совместной жизни супруги периодически меняются этими ролями.

Если ваша дочь Римма вступит в брак, не будучи к нему достаточно подготовлена духовно, то «курс лечения» будет ей обеспечен, вне зависимости от личности мужа. Поэтому пускай она поскорей наведёт прядок в своих взаимоотношениях с Богом, да молится, чтобы Господь ей верующего мужа даровал.

— А если мужчина неверующий, но хороший, добрый появится? Может, она его потом тоже в веру обратит?

— Для начала пусть она сама настоящей верующей станет. А если появится жених «хороший», но неверу-

ющий, то сначала пусть она поможет ему искренним верующим стать, и если получится, то уж тогда можно будет и о браке думать. А до той поры сближаться нельзя. Да и Церковь христианам отдавать дочерей замуж за неверующих не разрешает.

Даже славянское слово «супруги» буквально переводится на современный русский как — «упряжка». Представляете? Два вола в одной упряжке везут колесницу своей семьи в место назначения — Царство Божие. А если один из них лёг и не хочет идти? Или вообще тянет назад? Вот это как раз образ семьи, в которой один из супругов уверовал, а другой нет.

Ошибка многих девушек в том, что они переоценивают свои силы в деле «перевоспитания» своих избранников. Стандартное заблуждение: «Да, он сейчас выпивает (курит «травку», играет на «автоматах» или имеет какую-либо другую дурную склонность), но когда мы будем вместе, я сделаю так, что он избавится от этого недостатка!»

Крайне редко бывает, что подобное самонадеянное убеждение реализуется в жизни.

Чаще происходит, что жених, какое-то время боровшийся со своими страстями ради завоевания желанной цели — обладания избранницей, добившись её и, по прошествии какого-то времени, насытившись, вновь, иногда с удвоенной силой, возвращается к своим «вредным привычкам».

— Как же вы правы, батюшка! — вздохнула Лидия Александровна. — Вы сейчас просто озвучили мои мысли перед вступлением в брак с Вячеславом! Я ведь ещё тогда видела его крайний эгоизм, пренебрежение к людям, неравнодушие к слабому полу. Но я была убеждена, что, заведя семью, он повзрослеет и изменится в лучшую сторону и что моя любовь заставит его стать лучше!

— Так он и повзрослел, а вместе с ним повзрослели и его пороки, не сдерживаемые никакими моральными принципами из-за отсутствия христианской веры и признания авторитета Заповедей Божьих. К сожалению, любовь женщины, не подкрепляемая Божьей благодатью, не является достаточной силой для преображения души её мужа и избавления его от пагубных страстей.

А ещё большую ошибку допускают те женщины, которые уводят чужих мужей из семьи. Притом, что этот «уводимый» чаще всего, подобно вашему Вячеславу, подчас и сам подыскивает — к кому бы «увестись», чтобы «вдохнуть новые силы» и избавиться от постаревшей и надоевшей жены, опостылевших семейных проблем и забот. Народная мудрость недаром гласит: «На чужом несчастье счастья не построишь». Чаще всего разлучница получает свой грех бумерангом обратно — находится ещё более молодая и «интересная» уводчица, которая ещё лучше понимает «тонкую

душу» уводимого. И рассуждения о том, что «я дам ему то, что не смогла дать старая жена! Меня он не бросит никогда!» — оказываются глубоким самообманом, со всеми вытекающими последствиями.

— Батюшка! Вы как в воду глядите! Ведь за Риммочкой действительно ухаживает женатый сослуживец по работе, который говорит ей, что он любит её, что его брак был ошибкой, что они с женой давно не живут вместе, что их соединяет лишь формальность и ребёнок и что он готов уйти к моей дочке в любой момент и жить с ней в гражданском браке, пока не разведётся с женой. Что вы ей посоветуете делать с этим ухажёром?

— Гнать поганой метлой. Об остальном мы только что уже говорили.

— Так ей и передам! А можно ей приехать к вам на исповедь и за советом?

— Можно.

— А мне-то что делать, батюшка? Как нам-то, брошенным жёнам, жить?

— С Богом, Лидия Александровна, с Господом нашим Иисусом Христом, Небесным Женихом каждой христианской души. Единственным, Кто не обманет, не бросит доверившегося Ему человека, но, выполняя Свои обещания, приведёт вручившего себя Ему христианина туда, где, по словам Апостола, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его».

Вам предстоит большая духовная работа: очищать сердце от страстей, покаянием изменять устроение своего сознания и отношение ко всему окружающему миру, учиться настоящей сердечной молитве и вымаливать милости Божьей себе и своим вступившим в изобилующую искушениями взрослую жизнь детям. Учить их христианской мудрости, предварительно приобретая её самой, готовиться к самому главному экзамену, которого не минует никто и на котором каждый даст ответ за всё совершённое им в этой земной жизни. Вам надо искренне простить самой и просить у Господа прощения для вашего беглого мужа Вячеслава.

— Как! — поразилась брошенная жена. — Мне молиться о прощении Вячеслава? Но он же бросил меня, и я теперь ему — никто!

— Лидия Александровна! Человек, с которым вы прожили столько лет и который является отцом ваших детей, никогда не станет для вас окончательно чужим. На Суде Божьем вы можете оказаться стоящими рядом. Молитесь о его спасении.

Я думаю, вам принесёт большую духовную пользу паломничество в женский монастырь, там вы сможете пожить, помолиться в надлежащей обстановке, потрудиться посильно во славу Божью, привести в порядок мысли и чувства. Если надумаете, я позвоню игуменье Богородице-Успенского женского скита в М-ской области, матушке С-нии, она давно пользуется моими со-

ветами и всегда будет рада принять от меня паломницу. Возможно, там вы найдёте новый духовный смысл вашей дальнейшей жизни.

Возникшее молчание прервал звонок мобильника, раздавшийся из сумочки нашей гостьи. Она взглянула на Флавиана.

— Не возражаете, батюшка?

— Конечно, нет, Лидия Александровна!

Она взяла трубку.

— Алло! Да, доченька, я ещё в Покровском, у батюшки Флавиана!

Не беспокойся, тетя Лена меня привезёт на своей машине прямо домой!

Кто звонил?

Нет, скажи, пожалуйста, папе, пусть он эту путёвку отдаст тебе, я поеду в другое место, в Подмосковье!

ГЛАВА 10. МОЛИТВА ИИСУСОВА

Всё началось с чёток.

Я всё-таки домучил своими приставаниями Флавиана, и он подарил мне чётки. Настоящие монашеские чётки, сплетённые из чёрного шёлкового шнура, разбитые четырьмя рубинового цвета пластиковыми бусинами на четыре части по двадцать пять узелков, с длинной, из того же блестящего шнура кистью, увенчанной крестиком. Чётки, привезённые с Афона.

Никогда бы не подумал, что на свете ещё есть такой предмет, обладание которым может доставить мне столько искренней детской радости. Когда Ирина в очередной раз заметила свешивающуюся из-под моей подушки чёточную кисть, она с улыбкой заметила:

— Ты, Лёшка, часом, не в монахи собрался? У тебя там клобук под кроватью не припасён?

— Несмь достоин «ангельского образа», жена, — со скорбно-смиренным выражением лица ответил я, —

ты — мой клобук, Ленка — мантия, Стёпка — параман, а Кирюшка, Юлясик и Маняшка — прочие монашеские принадлежности. А верига — мать Евлампия!

Может быть, мы с тобой когда-нибудь и дорастём до Андроника и Афанасии или Ионы с Вассой, или Кирилла и Марии Радонежских... Но не сейчас, жена, не сейчас...

— Мать Евлампия, мать Евлампия! А что такое «верига»? — раздался звонкий голос подслушавшей наш разговор Леночки.

«Прими, брате (имярек), меч духовный, иже есть Глагол Божий, ко всегдашней молитве Иисусове: всегда бо имя Господа Иисуса во уме, в сердце и во устех своих имети должен еси, глаголя присно: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного...» — я закрыл Требник, в котором изучал молитву на вручение чёток из чина пострижения в монахи, и задумался.

— Меч духовный — верёвочка с узелками. Глагол Божий во уме, в сердце и во устах — молитва «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»...

Короткая — всего восемь слов — молитовка, а о ней целые библиотеки написаны...

Этой молитвой подвижники очищали сердце, стяжали благодать Святого Духа, в процессе богообщения сподоблялись видения нетварного Фаворского света, обретали великий духовный плод Любви.

Как это реализовать в своей жизни? Тем более в жизни семейного мирянина? Что такое делание молитвы Иисусовой? Как к нему правильно подойти? Как достичь того состояния души, о котором пишут в книжках про Иисусову молитву?

Всё! С ума можно сойти от этих вопросов! Иду к Флавиану!

— Отче, благослови! Ответь мне, глупому неофиту, что есть «умное делание» и как мне практически к нему подойти? Очень хочется!

— Ух ты, брат Алексий! Умное делание! Это, конечно, круто... Ты только запомни, что самое главное в «умном делании» — не рваться с уздечки, не торопиться, а то и в церковную дверь войти не сможешь, в косяки крылышками упрёшься. Перепончатыми и когтистыми.

— Это как, отче? Разъясняй бестолковому!

— Это так, Лёша, что молитва Иисусова не терпит рвения неразумного и бесконтрольного. Я-то сам, прости уж, в ней не сильно преуспел, но от преуспевших немало слышал, да и в книжках про неё кое-что читал, так что немножко об этой молитве представление имею. Смиренному она — лестница в Небо, гордому — эскалатор в ад. Я, к сожалению, примеры видел, как от этой молитвы с ума сходят и в прелесть бесовскую впадают.

— Как же это может быть, отче? От молитвы сойти с ума?

— Именно так. От неправильно совершаемой молитвы. Да вот не далее как месяца два назад приезжала одна несчастная «подвижница» из Москвы, бывшая учительница литературы. Одинокая, лет ей под пятьдесят, живёт тем, что доставшуюся от покойной матери квартиру в Москве за приличные деньги сдаёт. Воцерковляться недавно начала, как раз после смерти матери, духовника нет. А высокоумие московско-интеллигентское есть, плюс «комплекс училки» — привычка безапелляционно вещать и руководить.

Прочитала она «Откровенные рассказы странника», «Трезвенное созерцание» и ещё что-то о умном делании. О смирении и ненадеянии на свой разум она проглядела, зато о том, как на низкой табуреточке сидеть, как дышать, куда смотреть и сколько тысяч раз Иисусову молитву повторять, очень внимательно изучила. Особенно ей понравилось в этих книгах описание тех блаженных состояний, которых подвижники с помощью молитвы Иисусовой достигают.

Купила она чётки в монастырской лавке, уехала на дачу под Сергиевым Посадом, выбрала табуреточку пониже и — вперёд, за «нетварным светом»! Недельки через две «засветило», и запахи стали появляться благоуханные, даже звуки песнопений церковных периодически слышались. Правда, и помыслы о

самоубийстве всё навязчивее стали являться. Словом — «замолилась».

Привезла эту «молитвенницу» ко мне в таком «замоленном» состоянии её старая подруга, соседка по даче, женщина давно уже воцерковлённая, окормляющаяся у одного моего знакомого батюшки в Троице-Сергиевой Лавре и приезжающая иногда помолиться на службе сюда, в Покровское.

«Молитвенница» оказалась крепким орешком. Долго я пытался пробиться к её рассудку, объяснить причины и источники её «духовных» состояний и их прямую связь с навязчивой мыслью о суициде. Бесполезно. Вывод её был оригинален:

— Отец Флавиан! Вы мне просто завидуете! Вы зашорены своими дремучими догматами и обрядами и из-за этого неспособны достичь чистых духовных откровений! Мне жаль вас!

Я попытался направить её за советом к опытным лаврским духовникам, уверяя, что уж они-то как раз разбираются в духовных состояниях. Её реакция не внушила оптимизма:

— Да что мне могут дать эти неопрятные засаленные монахи с нечёсаными бородами? Пусть бубнят свои псалтири и кадят своими кадилами! Они не поймут истинных молитвенных созерцаний!

Пришлось обходными путями свести её с Дмитрием Илларионовичем, который, благодаря своему огром-

ному психиатрическому, а также и немалому церковному опыту, очень быстро разобрался с её «возвышенными созерцаниями» и деликатно, с помощью достижений фармакологии, вывел её в область пусть и несколько притуплённого, но всё же вполне трезвого земного самоощущения. Суицидальные мысли отошли. Правда, и мысли о «умном делании» тоже.

— Отче! Ну и как же она теперь? Совсем безнадёжна для спасения?

— Да что ты, Лёша! Пока жив человек, жива и надежда! За неё вся Церковь молится, как и за каждого православного христианина! И отдельные люди молятся, подруга её, знакомые верующие, я тоже, грешник, поминаю. Да и те самые «засаленные» монахи лаврские на сорокоустах о здравии за неё молитвы возносят.

Думаю, в своё время придёт она по-настоящему в Церковь и к молитве непрелестной, и вообще к правильной духовной жизни. Только уже не на крылышках гордыни и самости, а смиренно и с осознанием своих немощей. Христос ведь и за неё Свою Святую Кровь на Кресте пролил, потому и равно со всеми желает и её спасти.

— Батюшка! Тогда объясни мне — в чём неправильность её молитвы была? А то ведь я, если честно, уже у себя в «офисе» у одной табуреточки ножки укоротил...

— Вот в этом и неправильность, Лёша! Не с табуреток начинать надо, а с осознания смысла того, чем заниматься собираешься. Чётки, табуретки, дыхание и прочие внешние атрибуты делателя молитвы Иисусовой есть лишь инструменты, которыми равно как созидать, так и пораниться можно. Суть молитвы Иисусовой не в них.

Можно и без чёток эту молитву творить, можно и стоя и сидя, и лёжа, можно и в келье, и в церкви, и даже за рулём. А результат в тоже время всё равно будет правильный — стяжание благодати. Иногда этот монашеско-подвижнический «антураж» даже мешает, уводит от сути делания в услаждение самим процессом. Дьявол этому весьма способствует — подмене результата действием. Причём не только в молитве, но и во всех областях.

— Как это, как это, отче? Подмена результата действием? Не понял, давай-ка объясняй!

— Ну, смотри, Лёша: взять хотя бы автомобиль. На нём можно ездить, а можно кататься.

— А в чём разница?

— Разница в том, что словом «ездить» обычно обозначают простое перемещение в пространстве, из «точки А», условно говоря, «в точку Б». Людей или грузов. Для этого изначально все транспортные средства и создавались. А «катаются» для получения удовольствия от самой езды. Возьми «Формулу-1», напри-

мер, там «кайф ловят» и пилоты, и зрители. Друг твой Виктор, который тебе твой БТР подарил (спаси его Господи!), исключительно ради острых ощущений много раз жизнью рисковал, которая, уж если на то пошло, не одному ему, а и всей его семье принадлежит.

Или вот ещё пример исторический: римская знать в период расцвета Империи закатывала пиры, на которых подавали до трёхсот и более блюд. Даже если съесть от каждого по ложке, и то ни один желудок такого количества яств не вместит. Так вот, едоки, ощутив переполнение желудка, шли в туалетные комнаты и, достав из богато инкрустированного перламутром футляра гусиное перо, щекотали им свою гортань, вызывая рвоту и освобождая чрево для следующей порции деликатесов.

То есть свойство гортани ощущать приятность вкусовых ощущений, данное человеку Богом для насыщения себя пищей и получения необходимой живому организму энергии, стало самоценным для испорченного стремлением к наслаждению человека.

Или вот несколько «не монашеский», но уж очень яркий пример. Как ты думаешь, какой процент людей, вступающих в интимные отношения, имеют целью зачатие ребёнка?

— Думаю, небольшой.

— Правильно думаешь. Иначе откуда бы выросла громадная индустрия разнообразных противозачаточных

средств, создаваемых с одной лишь целью — не допустить возникновения новой жизни! И ведь пользуются этими средствами не только совсем уж неверующие люди, но и считающие себя православными, не исключая, порой, и священнослужителей.

Сто лет назад такое было даже трудно себе представить, а сейчас наоборот: не иметь детей — признак «цивилизованности»! Но при этом отказываться от «секса» эти «цивилизованные» не собираются, даже изыскивают всякие извращённые формы для полнейшего удовлетворения блудной страсти. Например, гомосексуалисты всех мастей. Ну и чем они в своём роде от тех древних римлян с их гусиными перьями отличаются?

— Ничем, отче.

— Именно ничем. Суть та же — самоценность процесса с отсечением естественного результата. Типичное бесовское изобретение.

Так вот, те же бесы и молитвенников хотят лишить плода молитвы, превратить их делание в самоуслаждение внешним ритуалом. Именно за это Христос и фарисеев обличал, за внешнюю ложную религиозность. Слово «религия» означает «связь», «общение с Богом», результатом которого является получение благодати и приумножение в человеке любви. К Богу и к людям. Только любовь к Богу не всегда «проверяема», а вот любовь к людям, напротив, гораздо проще обнаруживается.

Подойди в храме к «бабушке» у подсвечника и попробуй у неё на глазах свечку левой рукой поставить. Сразу её истинную религиозность и увидишь. Одна деликатно поправит и объяснит, а другая... Да это ты и сам не раз видел. По обращению с прихожанами и настоящая религиозность священников и монахов очень наглядно проявляется. Когда я вижу «батюшку», орущего в «праведном» гневе на старушек, или иеромонаха, швыряющегося в алтаре клобуком в недостаточно расторопного алтарника, грустно становится на душе от такой религиозности.

Апостол и Евангелист Иоанн пишет в Послании: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего».

А появлению в человеке ложной религиозности зачастую способствует неправильная молитва, молитва внешняя, формальная. Бывает, сел человек на низенькую табуретку, взором в пупок уткнулся, дыхание придержал, чётки в руку и — давай Иисусову молитву бездумно тараторить, прислушиваясь, когда в сердце благодатные ощущения появятся.

Бес тут как тут. Видит, что помыслы «подвижника» в рассеянии гуляют, и давай ему свои «идеи» подкидывать — ты, мол, молодец! Высоким деланием

подвизаешься, прямо как в книжках! И сидишь правильно, и дышишь, и чётки ну только что не горячие уже! Не может Бог такому молитвеннику Фаворского света не показать! Жди, скоро получишь!

И если эти помыслы молящийся вовремя не отсечёт и начинает принимать своё «делание» за нечто, достойное награды, — всё! Бесовская наживка проглочена! Жди «благодатных созерцаний»!

— Отче! Но не на пустом же месте все эти скамеечки придуманы! И как сидеть, и как дышать, и куда смотреть! Ведь сколько Отцов об этом пишут! Значит, у них эти технические приёмы работают, приносят им благодать!

— Не технические приёмы, Лёша, приносят благодать! Они лишь помогают сосредоточиться на главном — благоговейном разговоре с Богом, сконцентрировать своё внимание на смысле произносимых слов молитвы.

Основная молитвенная работа ведётся в сознании молящегося, и лишь впоследствии, как действие Божьей благодати и по Его воле, Его Божественным промыслом, молитва переходит из ума в сердце и там, уже на качественно другом уровне, происходит общение христианина с Богом.

Святитель Игнатий Брянчанинов говорит, что никакими техническими приёмами нельзя совершить насилие над Божьей волей и «заставить» молитву опу-

ститься в сердце. Сердечная молитва — великий Дар Божественной Любви, и даётся он тому, кто искренне хочет получить его, не ради наслаждения возвышенными духовными состояниями, а единственно ради общения с возлюбленным Господом и получения от Него обещанной им милости спасения.

Только тогда, когда ум и сердце окажутся подготовленными для принятия Божьего Дара сердечной молитвы, Господь, видя эту готовность, Сам введёт молитву в сердце подвижника.

— Отче! А что значит быть готовым к принятию сердечной молитвы? В чём выражается эта готовность, и как стать готовым?

— А как спортсмена, например, учат прыгать в высоту? Ставят планку низенько, показывают, как правильно делать движения, и вперёд: повторенье — мать ученья! Научился правильно прыгать на этой высоте — поднимают повыше и опять — до седьмого пота. И так, постепенно поднимая планку, сперва нормы разрядника выполнишь, затем мастера спорта, а потом и до чемпиона допрыгаться можно. Главное — правильно исполнять движения и тренироваться как можно больше.

Вот так твоя готовность сразу и видна будет — прыгнул на норму первого разряда, значит, ты к нему и готов.

Так же и в молитве — правильно молись и как можно больше, в идеале молитва должна стать непрестанной, даже во сне продолжаться, не прерываясь.

Впрочем, это уже уровень «мастера спорта», а тебе ещё надо с «детского разряда» начинать. А когда намолишь «готовность», ты её сам ощутишь, молитва качественно на другом уровне пойдёт.

— Так, батюшка! Тогда давай объясняй на пальцах, как правильно «движения делать», как вообще к молитве по-серьёзному подойти. А то у меня после всего о молитве прочитанного в голове, честно говоря, каша какая-то — вроде, всё понимаю, а как практически приступить не знаю!

— «На пальцах», говоришь? Ну, давай на пальцах! Чтоб правильно молиться, надо стать похожим на мобильный телефон.

— Чего? Это как?

— А вот так: посмотри, что мобильник сразу после включения делает — ищет вышку, источник сигнала, и устанавливает с ним связь. А установив, постоянно эту связь поддерживает, чтобы «волна не уходила» и связь не прерывалась.

Так и в молитве, сперва надо свою душу на молитвенную связь с Богом настроить, и силой воли, посредством напряжённого внимания удерживать во всё время молитвы.

— Стоп, стоп, стоп, батюшка! Сначала объясни, как настраивать!

— Настраивать себя на молитву Иисусову надо так: для начала выбрать место и время, пусть недолгое,

но чтоб тебя ничто не отвлекало. Потом, когда с этой молитвой «подружишься», она у тебя и посреди шумного вокзала «включаться» будет, но для начала обучения время и место важны.

Определись, например, что тебя в твоём «офисе» в ближайший час никто не побеспокоит, уединись там и начинай молитву. Как «организующий момент», не торопясь, зажги лампадку или свечечку, можешь, если хочешь, покадить ладаном в кацейке: сперва перед иконами трижды крестообразно, сверху вниз и слева направо от себя, потом также по единожды на четыре стороны света. Впрочем, это не обязательно, конечно, хотя молитвенному настрою способствует!

— Я буду кадить, благослови, отче!

— Бог благословит! Кади. Затем встань спокойно перед иконами, можно даже и сесть, если устал или ноги болят. Закрой глаза и побудь в тишине, «повыключай» все отвлекающие мысли и чувства. Затем подумай о том, кто есть ты со своими страстями и грехами, и Кто есть Тот, к Кому ты сейчас обратиться дерзнешь, удивись и умились тому, что Он, по Своей неизмеримой Любви, готов с высоты Своей Святости до глубины твоего непотребства снизойти, и твоё недостойное обращение к Нему выслушать и принять.

Осознав и напомнив себе об этом, начинай благоговейно, вслух вполголоса произносить слова молитвы Иисусовой, силой воли удерживая внимание так, чтобы

смысл каждого слова и всей молитвы в целом был тобою осознаваем.

— Отче! Прости, что перебиваю, объясни, какой смысл этой молитвы перед собой держать! А то, судя по книгам, в восьми словах молитвы Иисусовой смыслов — бездна! Святые Отцы пишут, что в ней всё Евангелие вмещается!

— Это так, Алёша. Только ты сразу-то сильно глубоко не ныряй, начни с простого и понятного. Скажи, о чём ты в этой молитве Господа просишь?

— Ну, помиловать меня грешного...

— А как ты понимаешь — «помиловать»?

— Ну, милость проявить, простить, наверное. Так?

— А что такое «проявить милость», как и за что простить?

— Скажи ты, отче!

— Хорошо! Давай опять на пальцах: представь себе, что ты преступник, совершивший особо тяжкие преступления. Тебя схватили и привели на суд, судья посмотрел в Уголовный кодекс и объявляет приговор: «По закону, в соответствии со статьёй такой-то, за свои преступления ты осуждаешься на казнь». Что ты будешь делать?

— Апелляцию подам, в вышестоящую инстанцию, может, там приговор смягчат.

— Там не смягчили. Деяние совершено, статья в законе есть, приговор справедлив и оставляется в силе. Что дальше?

— Ну, Верховный суд, наверное...

— Тот же результат. Приговор оставлен в силе, ты осуждён. Дальше?

— А что дальше? Дальше всё — жди пулю в затылок, или как там ещё сейчас казнят...

— А если подумать?

— Подумать... Бежать можно?

— Нельзя. Ты же частично юрист, Лёшка! Ну-ка вспоминай механизм судопроизводства!

— А! Ну да! Конечно! Можно ещё в Комитет по помилованию при президенте обратиться! Правильно?

— Правильно! А что этот комитет делает?

— Как, что? Милует! Отменяет смертный приговор и заменяет его большим сроком, например.

— А на основании чего он это делает? Ведь есть же закон, по которому ты справедливо осуждён, все инстанции подтвердили справедливость приговора.

— Наверное, на основании моего искреннего и глубокого раскаяния, или, скажем, — малые дети у меня на иждивении, или ещё там что-нибудь, я уж не знаю... Какие ещё бывают основания для милости?

— Любовь, Лёша! Любовь Небесного Отца к Своему падшему творению — человеку! Вот основание Его Милости к нам грешникам. Он дал нам Закон — Свои Святые Заповеди, а мы их нарушаем постоянно и словом, и делом, и помышлением и через это подпадаем под осуждение Божественной Справедливости.

И по этому Закону Справедливости мы все должны быть осуждены на мучение. Вечное.

А Господь, Своей неизреченной Божественной Любовью, милует нас. Не отменяет Справедливый Закон, но ставит Свою Милость выше Закона, над Ним. Как Комитет по помилованию над Верховным судом.

И нас призывает к тому же: «Милости хочу, а не жертвы!»

Вспомни и евангельскую притчу о должниках, и о том, что пишет в своём Послании Апостол Иаков: «Суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом».

То есть необходимым условием для получения нами помилования от Господа, даже просто для того, чтобы Господь стал слушать наши молитвы о помиловании, является наше сердце, очищенное от неприязни к кому бы то ни было, всех искренне простившее, со всеми примирившееся. Более того, по заповеди евангельской, не только в мыслях, но и в реальной жизни необходимо примириться со своими обидчиками и недругами, по крайней мере, сделать всё от тебя зависящее для этого.

— А если они сами упорно не желают со мной мириться?

— Тогда ты должен сугубо молиться за них Господу, по заповеди Его: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите

ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного».

— Ох и трудненько, батюшка, вот так молиться за врагов, да ещё искренне! Как же этому научиться-то, а?

— Научиться можно всему, Лёша, было бы желание. Медведя в цирке на велосипеде учат кататься и по проволоке ходить, а мы — люди, можем и посложнее науки осваивать, в том числе и научиться искренней молитве за врагов.

Вот тебе пример: местная была тут одна раба Божья, Анфиса, родом покровская, года три как преставилась. Хорошо умирала, тихо, причастившись в день смерти. А за год с небольшим до смерти приходит ко мне и плачет:

— Батюшка! Помирать скоро, а как я помру, коли мы с соседкой Зинаидой только что ножиками не режемся. Ведь так и ругаемся и проклинаем друг дружку, она даже мою кошку отравила, а я её курице, что ко мне на огород пролезла, палкой ногу сломала! Да ещё ты, батюшка, позавчера в проповеди таких страстей про мытарства наговорил, что я всю ночь не спала, ужас, как помирать страшно стало!

Я ей: «А чего тебе с соседкой делить-то, не женихов же, каждой уж за восемьдесят!»

Она:

— Так это у нас, батюшка, так исстари повелось! Ещё деды мой и Зинаидин при царе-батюшке на меже дрались, и отцы с матерями враждовали, ну и мы как-то

так, по привычке! А сердце-то болит! А вдруг Господь меня за Зинаиду в преисподню бросит, за всё наше зло промеж себя?

— Бросит, — говорю, — за такое зло непременно бросит! Не Господь, правда, а собственный грех вражды и ненависти, он, как гиря, к ноге привязанная, прямо в глубину преисподней и утянет!

Она рыдать:

— Батюшка, помоги, что мне делать?

— Делать тебе, — говорю, — вот что: иди и помирись с Зинаидой, прощения друг у друга попросите, на чай с пирогами её пригласи, а потом вместе на исповедь придёте, и я вас от греха вражды разрешу!

Та с недоверием:

— А ну как Зинаида меня прогонит?

— Прогонит, придёшь ко мне, вместе подумаем, как дальше быть. Но сперва иди и попробуй!

На другой день возвращается, плачет ещё сильнее.

— Прогнала? — спрашиваю.

— Ох и прогнала, батюшка, ох и прогнала! И обозвала по-матерному, и пирогами моими мне самой подавиться пожелала, и гнилым яблоком в меня бросила! Ой и гореть нам с нею в аду кромешном!

— Да, — говорю, — вариант возможный! Надо исправлять положение. Для начала ты сама Зинаиду эту в сердце своём прости за все обиды, что она тебе когда-либо причинила, возьми и прости!

— Да как же я её, батюшка, прощу? Ведь она меня таким словом назвала! А я ведь, батюшка, — девица!

— Да хоть девица, хоть вдовица — огонь геенский не разбирает, всех жарит одинаково! Ты-то её сама какими словами обзывала?

— Я все же не так, батюшка, я полегче!

— Ну, это по-твоему полегче, а ей-то, может, и потяжелее, чем тебе, слышать было! Обе хороши, но ты за её грехи не отвечаешь, у тебя своих достаточно! Господь Иисус Христос в Евангелии что говорит?

«Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших».

— Батюшка! Научи меня, окаянную, — ну как мне простить эту Зинаиду мою? Как? Головой понимаю, что не простить нельзя, а в сердце так и кипит всё, как её слова вспоминаю!

— Как простить, говоришь? А ты начни за неё поклончики класть с молитовкой — «Господи! Прости рабе Твоей Зинаиде все обиды, что она мне за всю жизнь причинила! И меня прости, многогрешную, за всё, чем я её обидела»!

Тебе по силам-то, конечно, много не положить, но, скажем, пяток утром, пяток днём и столько же вечером осилишь. И Псалтирь, сколько сможешь, читай. А после каждого псалма осеняй себя крестным знамением и говори: «Господи Иисусе Христе! Прости нас с Зинаидой грешных»!

Как бы внутри против неё не кипело — молись! И помни — первое время сильно враг против такой молитвы восстанет, тебя саму помыслами смущать будет, Зинаиду ещё больше озлобит. Но ты знай своё — тверди молитовку и поклончики клади.

Господь за неотступность твою беса вражды прогонит и ваши сердца умирит.

— И что, отче? Помогло им твоё правило?

— Помогло, Лёша! Месяца через два с половиной я у Анфисы с Зинаидой чай с пирогами пил, они, словно сёстры родные, вокруг меня ворковали. Любить ведь и самому радостней, чем ненавидеть!

А вскоре одна за одной и ко Господу отошли, сперва Анфиса, а через полгода и Зинаида. Даже на кладбище они рядом лежат, один куст сирени обе их могилки, как сенью, покрывает. Царствия им Небесного!

— Всё понял, отче, постараюсь усвоить.

— По большому счёту, Лёша, не важно — какой молитвой молиться. Можно молитвой Иисусовой, можно вычитывать суточный круг богослужебный с полунощницей, повечерием с канонами и акафистами, можно чтением Псалтири подвизаться, можно и своей творческой молитвой.

Настоящая молитва — это не та или иная форма обращения к Богу, это состояние души, когда она в соединении с Богом пребывает. В обоюдной любви, когда слова уже не нужны, когда Господь в тебе и ты в Госпо-

де, когда «Царствие Божие внутрь вас есть». Бывает у вас с Ириной, что сидите вместе и вам даже и говорить не хочется, просто так хорошо, оттого что вы рядом и любите друг друга?

— Да, отче! Бывает, и нередко. Особенно вечером, когда детки уже заснут. Сядем, бывает, на веранде на диванчике, Иришка прижмётся ко мне, я её пледом прикрою, и сидим молча, чтоб не спугнуть чего-то в такие моменты в нас совершающегося. Наверное, это — счастье.

— Так, Лёша! Именно счастье, нормальное земное человеческое счастье! Только есть и другое счастье, высшее и несравненно величайшее по сравнению с земным — счастье быть с Богом! Счастье, которое начинается здесь, в земной жизни, и продолжается в Вечности, в Раю Небесном! И все формы молитвенного обращения к Богу предназначены для одной цели — наладить эту связь, этот контакт, это взаимопроникновение в благодати человеческой души с её Творцом! Каждому человеку, в определённые моменты жизни, то одна, то другая форма молитвы даёт более полную связь с Господом. Поэтому христианин должен учиться получать духовные плоды от всех видов и форм молитвы: церковной, книжной и непрестанной Иисусовой.

— Вот бы попробовать, отче, хоть малюсенький кусочек этого Небесного счастья! Как ты думаешь, для меня это возможно?

— «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам», «если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему».

— Понял, батюшка! Буду стараться веровать, просить, искать и стучать!

— Помогай тебе Господь, Лёша! В этом и состоит жизнь христианина.

Вечером, когда дети уже уснули, мы с Иришкой устроились на нашем старом, продавленном диванчике на веранде. Укутанная пледом Иришка прильнула ко мне, поджав ноги, и по-детски сопела мне в плечо. Я, тихонько перебирая узелочки афонских чёток, повторял в уме слова Иисусовой молитвы. Иришка перестала сопеть.

— Лёш! Ты чего сейчас делаешь?

— Пытаюсь добавить к своему земному счастью немножко счастья Небесного.

— А мне так можно попробовать?

— Можно, ненаглядная моя, конечно, можно!

— А Флавиан подарит мне чётки?

— Давай завтра попросим у него.

— Давай!

И она снова блаженно засопела мне в плечо.

Господи! Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй мя грешного!

ГЛАВА 11. **СВЯТАЯ ГОРА**

Я был в Раю.

В земном его «филиале».

На Святой Горе.

Сейчас, когда я печатаю эти строки, я всё ещё там — иа Афоие. То есть телом я как бы уже здесь, в Покровском, и сквозь открытое окио слышу, как весело вопит моё семейство, поливаемое по случаю жары тёплой водой из шлаига матерью Евлампией прямо между морковиых грядок.

А душа моя всё ещё там — в земном Раю, на Афоие...

Телефои загремел пасхальиым звоиом колоколов, и я, задремавший в откинутом кресле за компьютером в своём «офисе» после мозгового «штурма унд дранга», длившегося до пяти часов утра в связи со срочиой заявкой, встрепеиулся, спросонья перекрестился и, вспомиив, что колокольиым звоном в моём мобильнике

обозначен отец Флавиан, схватил телефон, и, ткнув пальцем клавишу с зелёной закорючкой, поднёс его к уху.

— Слушаю-отче-доброе-утро-и-благослови!

— Бог благословит, Лёша! Бегом ко мне с загранпаспортом!

— Чего? Меня Григорий в командировку, что ли, отправляет?

— Лёша, пулей! На месте узнаешь!

Загранпаспорт был под рукой, в ящике компьютерного стола. Схватить его, сунуть в карман, крикнуть на бегу Ирине: «Я-к-Флавиану-срочно-зачем-незнаю-когда-вернусь-тоже!», вскочить на недавно купленный «горный» велосипед, промчаться мимо разбегающихся деревенских кур и гусей и с грохотом шмякнуться у церковной калитки (почти уже получилось на этот раз эффектно «по-байкерски» тормознуть), встать, отряхнуться, оставив велосипед, дохромать до церковной сторожки и ввалиться в неё — я успел ровно за шесть минут.

— Мир дому сему, отче, благослови! — задыхаясь от гонки, выпалил я, успев заметить, что за столом с Флавианом сидит мой работодатель Григорий, сын Семёна, со своим личным шофёром и телохранителем — детским другом Игорем, добрейшей души двухметровым гигантом с совершенно «зверским» выражением лица, изуродованного ожогами после пожара в подби-

том «духами» БМП где-то в районе Газни в Афганистане в 84-м. Несколько раз заходившие в девяностых годах в офис к Григорию на предмет предложения «крышевания» «крутые бандюганы», столкнувшись в приёмной с Игорьком, каждый раз долго извинялись, оправдываясь, что ошиблись дверью.

— Бог благословит велогонщика Алексия! На тебя, никак, собаки напали?

— Нет, отче, я просто с велика упал! Григорий, Игорь — здравствуйте! Семёныч! Я обработанную заявку уже отправил Нине Павловне, в пять с чем-то утра.

— Спаси тебя Господь, Алексей, опять выручил! Нина Павловна уже звонила, всё как всегда сделано на отлично.

— Батюшка! Доставай епитрахилий! Хочу исповедать грех осуждения начальства, которое меня в страсть тщеславия вгоняет!

— Алексей! Подожди ёрничать, у Григория к тебе серьёзное дело есть. Гриша, скажи сам!

— В общем, брат Алексей, придётся тебе поехать в ответственную загранкомандировку.

— Куда, Семёныч?

— В Грецию, на Святую Гору Афон, в качестве сопровождающего нашего батюшки. Игорь тоже поедет с вами, а я, к великому сожалению, не смогу в этот раз, придётся лететь в Женеву, разгребать проблемы по

бизнесу. Вот так! Отдавай паспорт Игорю, он сейчас поедет оформлять визы для всех вас.

— Сесть можно?

— Давно пора, садись.

— Ну, вы, отцы и братия, даёте! Это же вроде как человеку объявить, что завтра Рождество, Пасха и Троица вместе, плюс его собственный день рождения и именины!

— А кому сейчас легко? — засмеялся Флавиан. — Твоя любимая поговорка?

— Ну да, отче... А как же так вдруг-то?

— Просто в Епархиальном управлении, Лёша, неожиданно моё прошлогоднее прошение об отпуске и паломничестве на Святую Гору удовлетворили, кто-то из авторитетных отцов переменил время отпуска, и сюда мне на замену отца Варнаву отпустили. О чём меня вчера вечером секретарь Епархии и известил.

— Когда летим, отче?

— Через три дня, Лёша. Ктитор наш, брат Григорий, все ресурсы и финансы на срочное оформление поездки бросил, он же всю поездку и оплачивает, всем нам троим, спаси его Господь!

— Да что вы, отче, не за что, — Григорий встал, — Бог средства даёт, а я ими лишь управляю, это Он ваш Ктитор! Благословите, отче, в путь, хочу по дороге к папке заскочить на минутку, отдать заказанные им «штилёвские» цепи и «звёздочку» для бензопилы.

— Бог благословит, Гриша, Ангела Хранителя в дорогу, отцу поклон! Игорь! С Богом! Ждём звонка!

Дома Иришка ахнула:

— Лёшка! Неужели на настоящий Афон? Который в Греции? Это же твоя хрустальная мечта! А на вершину подниматься будете?

— Я думаю, поднимемся, а как же без вершины!

— Везун ты, Лёшка!

— Да, Ирочка, сбывается то, чего и не думал, даже не верится! И почему вдруг Господь меня туда направляет? Что я должен оттуда привезти?

— Там увидишь, Лёша! Молись, чтоб добраться благополучно!

— Как уж Бог благословит, Ириша!

Бог благословил во всём!

Бывая много раз авиапассажиром в своей прошлой «дофлавиановской» жизни, я ни разу не проходил все аэровокзально-таможенно-посадочные процедуры с такой лёгкостью и быстротой. Чуть дольше обычного всматривалась пограничница в искалеченное Игорево лицо, сверяя с фотографией в свеженьком загранпаспорте, потом, вздохнув, брякнула штамповкой и... вот мы уже в самолёте.

Три часа полёта пролетели как три минуты. Флавиан, закрыв глаза, молился по чёткам, Игорь спал

сном младенца, я лихорадочно изучал пару книжек-путеводителей по Афону, мысленно составляя маршрут и список святынь, которые непременно надо будет посетить. Список получался огромным, особенно если учесть местонахождения этих святынь в монастырях, расположенных в противоположных концах и по обоим берегам полуострова.

Очевидно, учуяв исходящий от меня «дым кипящих мозгов», Флавиан приоткрыл глаза, обозрел разваливающиеся с моих колен путеводители и блокнот с фломастерами, вздохнул:

— Лёш! Ты не напрягайся! Если даст Бог добраться, там Пресвятая Владычица Сама всё устроит! Она там Хозяйка, и очень гостеприимная, к тому же лучше нас знает, что и где для нас повидать полезней! Лучше помолись Ей как Путеводительнице, и предадимся на волю Сына Её.

Я послушался.

Аэропорт в Салониках встретил нас жаром раскалённого взлётного поля, быстро подошедший автобус бесшумно доставил пассажиров к таможенному терминалу.

Черняво-смуглые греки-пограничники, не скрывая весёлого недоумения, разглядывали наш колоритный покровский десант, торжественно шествовавший к пункту паспортного контроля. Впереди, словно престарелый бегемот, вразвалочку на своих артритных ногах,

опираясь на резную «семёновскую» палку, нёс могучую веригу своего тела батюшка Флавиан, казавшийся совсем необъятным в свободно развевающемся летнем подряснике из небелёного льна.

Его седая львиная грива фонтаном выбивалась из-под полей широкополой соломенной шляпы, торжественно врученной батюшке перед выездом заботливой матерью Серафимой вместе с мешком различных сердечных лекарств и подробно расписанной инструкцией по их употреблению. Всё это сопровождалось суровым взглядом в мою сторону — «Алексей! Проследи»!

Следом, с улыбкой радостного Франкенштейна в своей излюбленной десантной тельняшечной маечке, мягкой походкой ленивого тигра в фирменных горных кроссовках шествовал Игорь. Солнышко поигрывало на его загорелых плечах, бугрящихся узлами накачанных мышц и украшенных с одной стороны татуированной эмблемой «Войск Дяди Васи» и сеткой шрамов-швов с другой.

Замыкал шествие ваш покорный слуга в стильной бизнесменской рубашке с короткими рукавами, черных брюках с наглаженными до бритвенной остроты стрелками (спасибо, жена! — «Лёшенька! Ведь в европейскую страну летишь! Потерпи хоть до гостиницы без своих тёртых джинсов»!) и сверкающих, как «Мерседесы-Брабусы», лакированных штиблетах от Карло Пазолинни, купленных ещё во время нашей

исторической встречи с Флавианом в обувном магазине (см. выше).

Как-то быстро мы проскочили таможню, проворные ребята из «Музинидиса» в жёлтых майках отконвоировали нас в автобус (с кондиционером! Ура!), пару часов до курортного приморского посёлка Калликратия пролетели незаметно за разглядыванием незнакомой греческой действительности, проносящейся за тонированными окнами мимо.

Небольшой уютный отельчик, с боем добытый Игорем номер на первом этаже для Флавиана (с его комплекцией, да по этим тесным лестничкам лазать?), ужин в таверне армянки Сильвы на набережной (о! морские окуни-дорады, приготовленные на углях и политые ароматным оливковым маслом и лимонным соком! — как пить дать, не обойдусь без проблем на мытарстве чревоугодия...), плохой сон на новом месте, ранний подъём, тесный микроавтобусик с греческим джигитом за рулём и ... Уранополис! Осталось получить «диамонитирион» — афонский паспорт — и на паром!

Господи! Или мне всё это просто снится?

Внезапно подувший свежий морской ветер надул рваных дождевых облаков, заморосило. Под эту лёгкую морось мы и взошли на паром, называющийся «Сотирос» — «Спаситель», по узким железным лестничкам влезли на второй этаж, на пассажирскую палу-

бу, вошли в кают-компанию, или как уж она там правильно называется, словом, в закрытое помещение, наполненное гомоном греческих паломников.

Игорь ловко добыл Флавиану несколько маловатый для его размеров стул — «звиняйте, батько, других немае!», мы сгрудили свои рюкзаки и расположились на каком-то ящикообразном диванчике.

Зашумел мощный двигатель, забурлила вода под винтами... Поплыли!

Долго высидеть в помещении у меня не хватило сил. Я вытащил из бокового рюкзачного кармана свою видавшую многие турпоходы штормовку, натянул её на себя, оглянулся на неторопливо перебиравшего с закрытыми глазами чётки Флавиана, Игоря, с интересом изучавшего один из моих афонских путеводителей, накинул на голову капюшон и вышел на палубу.

Свежий ветер окропил моё лицо мелкими дождевыми каплями, пахло морем, но запах этот заметно отличался от черноморского, цвет воды прозрачно-тёмно-голубой с лёгким оттенком индиго, тоже непривычен был завсегдатаю крымских курортов. Прямо над головой и рядом, чуть дальше длины протянутой руки, недовольно покрикивая и, очевидно, ожидая подачки, парили бакланы.

Слева по борту тянулся поросший леском каменистый берег, периодически вспыхивающий белыми пятнышками монашеских домиков-келий, часто —

полуразрушенных, небольшие огороды перемежались с садами оливковых деревьев.

Паром, деловито рассекая воды, подплывал к возникающим по пути монастырским пристаням — арсанам, снайперски точно опуская на их узкие бетонные полосы широченный носовой трап.

Иваница, пристань Зографа, Дохиар, Ксенофонт... — узнавал я знакомые мне по фотографиям монастыри.

И вот, наконец-то! Из-за очередного поворота показалась бухта русского монастыря «Пантелеимон». Островерхая колокольня трапезной, голубой фронтон с куполами Покровского храма, множество окружающих церкви внушительных зданий вызвали ощущение развалившегося на берегу отдохнуть, задремавшего могучего богатыря.

Посреди арсаны, словно вбитый гвоздик, чернела фигурка в длинном тёмном одеянии, по приближении оказавшаяся невысоким пожилым монахом в застиранной рясе и такого же вида греческой кастрюльке-скуфье. Сдвинутые густые седеющие брови, растущая из-под самых глаз густющая борода и глубоко посаженные глаза придавали ему грозный вид какого-нибудь славянского Перуна (Господи, прости за подобное сравнение!). Он выждал, пока наша группа, состоящая из десятка российских православных мужчин (не считая пару деловито направившихся к монастырю монахов,

прибывших на этом же пароме), сгрузится на пристань со своими рюкзаками и спортивными сумками, затем, окинув нас строгим взглядом, объявил:

— Меня зовут отец А-ий! Сейчас вы, паломники, пройдёте в архондарик, зарегистрируетесь у архондаричьего и оставите там свои вещи. После того, как вас угостят кофе с лукумом, вы придёте вон в те ворота на территорию монастыря и там, на площади перед собором святого Пантелеимона, ровно через час я буду вас ждать! Я проведу вам ознакомительную экскурсию по монастырю, вы подадите сорокоусты и остальные поминания. Итак! Меня зовут отец А-ий! Я жду вас ровно через час!

Я затрепетал.

В архондарике нас встретил худой, в очках, простуженного вида монах, похожий на моего старого экспедиционного приятеля Витьку-Маркиза, романтика-архивариуса. Он показал нам стеллажи в гулком вестибюле, куда мы положили вещи, собрал паспорта и «диамонитирионы» и пригласил нас на время оформления пройти в гостевую трапезную, чтобы отведать традиционное афонское угощение — чашку крепкого кофе (Флавианову чашку, памятуя заветы матери Серафимы, я, естественно, реквизировал в свою пользу), маленькую стопочку ракии — «узы» — анисовой настойки, запотевший стакан холодной воды и очень нежный рассыпчатый лукум.

Подавал нам всё это молодой высокий инок, тоже в очках, с совершенно по-детски радостным и приветливым лицом и добродушной улыбкой. Его искреннее желание услужить и утешить выражалось всем его видом: и лицом, и движениями, и мягким голосом с похожим на прибалтийский акцентом.

— Отче честный! — решил я утолить своё любопытство. — Как ваше святое имя?

— Г-й, — так же доброжелательно ответил инок, — монах Г-й.

— А вы, отец Г-й, случайно не из Прибалтики будете?

— О, да! Почти из Прибалтики, немножко западнее. Я из Дании, датчанин.

И, продолжая мягко улыбаться, он слегка поклонился нам и отошёл к соседней группе паломников пополнить их блюдо лукумом.

Мы с Флавианом и Игорем переглянулись.

— Однако! — заметил я.

— Да! — подтвердил Игорь.

— Афон! — резюмировал Флавиан.

Едва успели мы прикончить: Флавиан — третий стакан воды, я — вторую чашку кофе и три четверти блюда лукума, Игорь — всего понемножку, как явившийся отец К-л призвал всех получать ключи от келий.

Флавиану досталась одноместная, нас с Игорем поместили в двухместной. Успев раньше Игоря захватить со стеллажа Флавианов рюкзак, я понёс его к доставшемуся нашему батюшке жилищу, оказавшемуся через одну дверь от нашего, и, подождав, пока Флавиан справится с замком и распахнёт дверь, внёс внутрь свою ношу.

Едва я вслед за Флавианом перешагнул порог его кельи, как меня обдало волной характерного узнаваемого благоухания.

— Миро? — удивлённо посмотрел я на Флавиана.

— Миро! — не менее удивлённо подтвердил он.

— Может, кто флакон с миром незакрытый здесь забыл? — предположил подошедший Игорь.

Однако наши поиски в аскетическом интерьере гостевой кельи, состоящем из кровати (типа самой дешёвой «икеевской»), стола, стула и вешалки ничего не дали.

— Иконы! — озарило меня.

Но висевшие над кроватью небольшие «софринские» иконки Богородицы Казанской и Великомученика Пантелеимона были абсолютно сухими и не пахли ничем.

Аромат не ослабевал. Мы недоуменно переглянулись.

— Афон! — пожав плечами, сказал Флавиан.

Грозный отец А-ий уже ждал нас на маленькой площади между трапезной и главным храмом монастыря (по-гречески — кириаконом) — собором святого

Пантелеимона, посверкивая пронзительным взглядом из-под мохнатых бровей.

— Отцы и братие! Сейчас я проведу вам обзорную экскурсию по монастырю, затем в Покровском храме вы сможете заказать сорокоусты, поминовения на год и прочие поминания. Заказать сорокоуст у нас стоит дорого, но...

Тут я отвлёкся от объяснений отца А-ия о разновидностях и стоимости поминовений в Пантелеимоновом монастыре, причём отвлекающим фактором послужило не какое-либо внешнее впечатление, а возникшее где-то в глубинах моего существа, казалось бы, даже и отдалённо знакомое, но вместе с тем и совсем новое, причём нарастающее, ощущение. Я попытался проанализировать и понять его.

Как-то хорошо мне было внутри. Дышалось как-то по-другому. Но не от воздуха, воздух — как воздух, свежий морской, конечно, но дело не в нём. Что-то как будто растворено, что ли, было в этом воздухе. Не запах, нет. Что-то тоньше запаха, нематериальное что-то. Но реально ощутимое, наполняющее грудь непривычным каким-то ощущением, хорошим таким, тихо-радостным.

Очнувшись, я обнаружил, что вся наша небольшая группа уже вошла в собор. Я кинулся следом.

Вроде бы храм как храм: росписи не слишком высокого художественного достоинства, высокие деревянные кресла-стасидии по всему периметру, мощные

низко висящие паникадила, откуда-то издалека раздаётся голос отца А-ия, строго что-то вещающий. И, в то же время, что-то здесь не как в других известных мне церквах, что-то присутствует особенное. Густота какая-то, я бы сказал — прозрачная густота.

Это ощущение. Лично моё. Может, я, конечно, чего не так воспринимаю, но уж раз взялся рассказать...

Вспомните, когда в тёмное помещение проникает из окна луч яркого света, в нём хорошо видны плавающие и перемещающиеся в воздухе мириады мельчайших пылинок, невидимых в темноте. Причём чем более насыщен воздух пылью, тем труднее дышится в таком пространстве. А тут...

У меня возникло ощущение обильной насыщенности пространства храма какими-то невидимыми «пылинками», проникающими в меня с дыханием, но не затрудняющими его, а, напротив, «вентилирующими» всё моё существо, оживляющими и насыщающими его. Эти «пылинки» были живыми и добрыми. Я бы даже сказал — любящими, или — любвеносными. В общем, вот так я это ощутил.

Приложившись к чудотворной иконе святого великомученика Пантелеимона (его честную главу обещали вынести из алтаря для поклонения после литургии в воскресный день), мы отправились вверх по лестницам братского корпуса в расположенный на

верху храм Покрова Пресвятой Богородицы. По дороге я успел выпить воды из крана-источника, находящегося в нише стены, и приложился к уже зацелованному братией и паломниками локотку преп. Силуана Афонского на стенной фреске промежуточной площадки. Тут я, задержавшийся со своим водопитием, увидел поддерживаемого под руку Игорем, задыхающегося от подъёма по крутым ступенькам Флавиана, левой рукой уцепившегося за перила и еле переводящего дух. Я подскочил.

— Отче! Ты как? Лекарство нужно? У тебя с собой? Воды принести?

— Всё в порядке, Лёша! Чуть-чуть задохнулся, лекарства я в келье оставил, обойдусь... Вы поднимайтесь в храм, а то всё интересное прослушаете, я потихоньку догоню...

Мы с Игорем переглянулись, он подмигнул мне и тихонько, за спиной Флавиана, передал ключ от его кельи. Под предлогом внезапно настигшей меня естественной потребности я тут же рванул в архондарик.

Обернуться за Флавиановыми лекарствами вышло меньше чем за пять минут, Флавиан с Игорем за это время одолели ещё два лестничных пролёта и приближались к последнему подъёму перед храмовым этажом. Я посмотрел на Игоря, он успокаивающе кивнул, в ответ я показал пальцем на оттопырившийся лекарствами карман и купленную ещё на пароме не-

распечатанную пластиковую бутылочку с питьевой водой.

Флавиан, так и не заметивший наших интриг, пыхтя и отдуваясь, всё-таки одолел последний лестничный пролёт, перевёл дыхание на площадке, и мы все вместе вошли в застеклённые двери Покровской церкви. Флавиан, изнеможденный трудным подъёмом, присел в ближайшую стасидию, махнув нам с Игорем рукой в сторону отошедшей к центру храма группы, возглавляемой нашим грозным экскурсоводом. Мы подошли к ней.

— ... и сейчас, пока в соборе святого Пантелеимона проводятся реставрационные работы, все богослужения: и будничные и праздничные — совершаются в этом храме! А теперь вы можете пройти к «свечному ящику» и заказать сорокоусты и другие поминания! Они у нас стоят дорого, но...

Я не стал вдаваться в тонкости здешнего порядка приёма поминовений и, отдав свои записочки исполнявшему обязанности казначея нашей покровской «команды» Игорю, пошёл поглазеть по храму и поприкладываться к его святыням.

— Лёша! Подойди-ка сюда! — тихонечко позвал меня Флавиан откуда-то слева. — Смотри, глава преподобного Силуана Афонского! Давай приложимся и помолимся ему, чтобы наше паломничество на Святой Горе дало нам плод духовный во спасение! Он для меня

особо значимый святой, сразу после пострига в Лавре мне подарили книгу его поучений, и глава «О монахах» стала для меня «инструкцией по монашеской жизни», да и до сих пор остаётся...

Мы с благоговением приложились к честной главе великого подвижника, стоящей в отдельном серебряном ковчеге, между двух таких же небольших ковчегов с мощами святых угодников Божьих, на некоем подобии престола, покрытом сверху сенью.

— Православные греки-афониты говорят, Лёша, что Россия дала миру в последние времена двух столпов монашества вселенского масштаба: в девятнадцатом веке — преподобного Серафима Саровского, в двадцатом — преподобного Силуана Афонского.

— А вы, отче, обязательно мельницу посетите, где преподобный Силуан подвизался, — обратился к Флавиану незаметно подошедший сбоку невысокий сухопарый монах, лет так от сорока пяти до пятидесяти, с густой седеющей бородой и умными карими глазами, — там домовая церковка, где преподобному Силуану Сам Господь явился, помолитесь там на святом месте.

— Спаси вас Христос, отче! А вы, часом, не отец К-ма будете?

— Он самый, а вы отец Флавиан? Благословите! Мне о вас звонили из России, что приедете, монахиня С-ия из Т-ска, просила встретить и помочь, в чём будет потребность. Кстати, как она там?

— Слава Богу! Подвизается в звании уставщицы правого клироса в своём монастыре, сестёр уставу и пению обучает, из храма почти не выходит. Сёстры её любят и уважают за терпение к их немощам, да и мать настоятельница её очень ценит.

— Да она и раньше, в миру, клиросом жила — Ангельским служением... Слава Богу, рад за неё! Чем могу помочь, отче? Пойдёмте, выйдем на балкон!

Мы, помолившись и поклонившись, вышли из храма. Прямо напротив дверей Покровской церкви оказался выход на неширокий, но длинный балкон, с которого открывался превосходный вид на монастырь и часть побережья.

— Расскажите, отец К-ма, как моим бойцам, — Флавиан показал на меня и подошедшего Игоря, — на вершину подняться, мне с моими ногами и тушей об этом и мечтать не приходится, а ребятам бы надо.

— Очень хочется! Можно прямо сегодня? — не утерпел я.

— По такой погоде на вершину не ходят, только недавно дождь перестал, а там, на горе, всё в облаках пока. Они, если сейчас пойдут, то, поднявшись метров на пятьсот в гору, дальше уже в сплошной воде идти будут, да и с дороги сбиться могут в тумане, тем более что в первый раз... А там пропасти! Нет, не стоит им сегодня идти!

— Отец К-ма, — вступил в разговор Игорь, — мне говорили, что здесь можно арендовать машину типа джипа, чтобы по монастырям и святым местам поездить, как это можно сделать?

— Машину? В Дафни такси есть, по пятьдесят евро в час, да и монастыри некоторые свои машины сдают в аренду паломникам... — отец К-ма задумчиво посмотрел во двор.

— Подождите-ка... Кажется, вам «белый рояль в кустах» припасён! Пойдёмте-ка вниз!

Внизу, во дворе, отец К-ма подошёл к какому-то молодому монаху с редкой рыжей бородкой и множеством ярких веснушек на круглом лице, стоящему у неработающего фонтана возле трапезной.

— Сергий, здравствуй! Ты здесь как оказался?

— Здравствуй, отец К-ма! Двух паломников из нашего скита к вам в Пантелеимон привёз.

— А ты их обратно когда повезёшь?

— Я их больше не повезу. Они сейчас вещи из машины заберут и на пароме в Уранополь отчалят, у них поездка закончилась.

— Так ты свободен?

— Вроде так. А что?

— Да вот у меня для тебя пассажиры есть, возьмёшь?

— Как благословят!

— Сейчас решим этот вопрос!

Отец К-ма достал из кармана безрукавки (полурясы — как её называют на Афоне) мобильный телефон, набрал номер.

Мы с Игорем удивлённо переглянулись — и здесь цивилизация!

— Отец А-н, благослови! Это тебя монах К-ма беспокоит из Пантелеимона! У тебя сейчас машина с послушником Сергием освободилась, благословишь моих паломников повозить? Цена та же? Спаси тебя Господь!

Он передал трубку Сергию.

— Понял, отче! Благословите! — послушник повернулся к нам. — Куда поедем?

— Сначала к Иверской, конечно, Хранительнице Афона, — глаза Флавиана засияли, — ну и удружил ты нам, отец К-ма! Спаси тя Христос!

— Это Матерь Божья так распорядилась, отец Флавиан, я здесь ни при чём, тут Она всем управляет. Значит, такова воля Божья о вас! Езжайте с миром! Увидимся!

Пока Флавиан вразвалочку дохромал до стоящей снаружи у монастырского крыльца «Мицубиси L200» (сердце какого реального джипера не дрогнет при произнесении этого легендарного имени!), мы с Игорем уже успели «шустрой мышью» обернуться в архондарик и обратно за своими и Флавиановыми вещами, могущими понадобиться в поездке, —

штормовками, фотоаппаратами и пластиковыми бутылками с водой.

Когда, запихнув Флавиана на тесноватое для него переднее сиденье, мы залезли на задние, раскорячив наши отнюдь не короткие коленки на стандартно неширокой пространстве заднего пикапского сиденья, послушник Сергий подставил Флавиану мозолистые ладони:

— Евлогите, папас (благословите, отче)!

— О кириес (Бог благословит)! — ответил Флавиан.

ГЛАВА 12. **СВЯТАЯ ГОРА: ПРОДОЛЖЕНИЕ**

Кто на Афоне не бывал — тот джиперского драйва не видал!

Я как «реальный джипер» (пусть ещё с небольшим стажем) убедительно заявляю, что «L200» плюс послушник Сергий за рулём на крутых горных дорогах Афона будет покруче любого «Париж-Дакара»! Раллисты с джип-триальщиками «сидят и курят»!

Так ездить по каменистым впадинам и кручам могут только православные, явно рассчитывающие, что Ангел Хранитель не прикроет в ужасе своих глаз белоснежным крылом при виде несущейся по краю пропасти с фонтаном мелких камешков машины, а крепкой невидимой рукой довернёт в нужный момент рулевое колесо на тот градус, который необходим, чтобы не вылететь с дороги в пропасть или не снести ненароком какую-нибудь скалу, внезапно оказывающуюся в самом неподходящем месте. Увидев в зеркало заднего

вида, как я в очередной раз на повороте, зажмурившись, вцепился в дверные поручи, послушник Сергий миролюбиво заявил:

— Да вы не бойтесь! Умереть на Афоне — ещё надо заслужить!

Решив про себя, что умереть на Афоне уж я-то точно не достоин, я несколько успокоился, расслабился и даже начал получать некоторое удовольствие от нашего «ралли».

— Батюшка! — послушник Сергий повернулся к Флавиану. —Вы что, кроме Иверона, хотели бы сегодня посетить?

— Хотелось бы Андреевский скит, там глава моего первого небесного покровителя Апостола Андрея, я ведь в миру Андреем был, Великую Лавру, конечно, ну, и что успеем...

— Понял, батюшка! Тогда благословите, я сам маршрут рассчитаю, чтобы нам побольше успеть захватить?

— Бог благословит, брат Сергий! Вези нас, как сам решишь!

— Тогда, отче, маленький крючок сделаем, в скит Ксилургу заедем, в первое место, где на Афоне русские поселились, тут почти по дороге будет!

Сергий сходу развернул пикап на одной из многочисленных горных развилок, газанул, и вскоре мы уви-

дели справа внизу зелёный купол с крестом на белом восьмиграннике, возвышающийся в гуще леса над кронами деревьев. Ещё через пару минут, спустившись на узкую мощёную камнем дорогу, мы подъехали к воротам явно не пышущего богатством скита.

— Сейчас отца П-а побеспокоим! Он, кстати, уже тридцать лет на Афоне, хороший батюшка, понимающий, очень строгой жизни.

Сергий сунул руку в прорезь ворот, дёрнул какую-то верёвку, внутри прозвенел колокол.

Спустя некоторое время, раздался голос:

— Кто там?

— Отец П-л, это я, Сергий, с паломниками из России! Благослови вас посетить!

Через пару минут дверь в воротах открылась.

— Заходите! Бог вас благословит!

За дверью нас встретил среднего роста, сухощавый монах лет пятидесяти с небольшим, в сером, с расстёгнутым воротом, подряснике, подпоясанном нешироким кожаным поясом, с густой седеющей бородой и внимательным взглядом улыбающихся серо-голубых глаз из-под надвинутой почти на самые брови видавшей виды чёрной вязаной шапочки.

Обменявшись священническим приветствием с Флавианом и благословив нас с Игорем, отец П-л повёл нас к низенькому, приземистому, похожему на хижину, храму.

— Это соборный храм Успения Божьей Матерн, — пояснил он, — один из древнейших храмов Афона.

Мы вошли. Внутрн храма было светло, легко и как-то по-деревенски просто. Что-то очень родное, русское чувствовалось во всём облике церкви, при том, что многое: ннзкий двухрядный иконостас, стасиднн по стенам, епнтрахиль, внсящая на правом столбе Царских врат, серебряная «перчатка» на нконе великомученика Днмнтрия Солунского — было нсключительно афонским. И ещё что-то, как и в «Пантелеимоне» в кириаконе, ощущение благодатного какого-то прнсутствия, что лн...

Флавиан с отцом П-м вышли из алтаря, где Флавиан, по обычаю, приложился к святому престолу. Мне ужасно захотелось сфотографировать уголок иконостаса с клнросом, где на потёртой стасидии прилажен был какой-то самодельный аналой, на котором стояла то лн Псалтирь, то ли Минея. Рука уже потянулась к фотоаппарату и тут... Я вспомннл, что на территории афонскнх монастырей без особого благословения фотографнровать не разрешают, и вздохнул.

Внезапно отец П-л посмотрел на меня, улыбнулся н мягко сказал:

— Да вы фотографнруйте, пожалуйста! Я благословляю!

Я слегка оторопел от неожиданности, потом решил не терять время на размышления и, успокоив себя фла-

виановским — «Афон!», — начал щёлкать купленной специально перед поездкой цифровой «Сонькой» направо и налево. Игорь быстренько последовал моему примеру.

— Намолено здесь! — вздохнул Флавиан, глядя на отца П-а.

— Так ведь сколько веков уже! — улыбаясь, ответил отец П-л. — Пройдёмте в костницу, поклонитесь отцам, здесь подвизавшимся.

Мы вышли из храма, отец П-л повёл нас куда-то за алтарь, мы спустились по каким-то ступеням и оказались перед открытой дверью в небольшое помещение со сводчатым потолком, куда мы и вошли.

Помещение оказалось комнатой метров в десять площадью со стоящим у восточной стены аналоем, увенчанным удобной подставкой под книгу и покрашенным вместе с этой подставкой коричневой масляной краской, какой в наших деревнях обычно красят полы.

Слева от аналоя из стены выступало некое подобие стола, сложенного из того же материала, что и сама стена, покрытое деревянной столешницей, выкрашенной той же краской, что и аналой.

На этом столе стояло подобие этажерки из двух полок, заполненных человеческими черепами, часть которых, не поместившаяся на этажерке, лежала рядом на столешнице.

— Ты смотри, сколько жёлтых! — удивился Флавиан — Не меньше половины!

— А в чём разница? — удивившись удивлению Флавиана, не выдержал я. — Черепа, они и есть черепа!

— Разница в том, Алексей, — с улыбкой ответил отец П-л, — что по афонским традициям, белый цвет костей усопшего монаха, чьи останки после трёх лет пребывания в земле выкапываются и омываются вином, свидетельствует о спасении его души и пребывании с Господом во Царствии Его.

А вот такой медово-восковой цвет бывает у костей подвижников, сугубо потрудившихся в духовном подвиге и стяжавших у Господа особую милость. Как видите, Ксилургу богат такими насельниками!

Мы пропели по «зде лежащим, и по всей горе Афонстей подвизавшимся, отцем и братиям нашим» заупокойную литию (оказалось, что у Игоря неплохой баритон, плюс знание богослужений). Флавиан возгласил им «вечную память», и мы покинули костницу.

После того, как мы осмотрели ремонтирующиеся храм святого Иоанна Рыльского и верхний храм равноапостольных Кирилла и Мефодия, невысокий черненький послушник подал нам в трапезной традиционные кофе с лукумом и холодную воду. Едва успели мы за разговором допить свои чашечки с ароматным коричневым напитком (в этот раз Флавианова чашка до-

сталась Игорю), как отошедший от окна послушник позвал отца П-а:

— Батюшка! Ваши гости пришли!

— Пришли? Ну, надо угостить ребят! — и обернувшись к нам, добавил: «Пойдёмте, взгляните, кто нас навещает!» И, набрав полную горсть мелко нарезанных сухарей, направился из трапезной к воротам.

Мы последовали за ним.

За воротами, явно поджидая отца П-а, стояли два невысоких, коренастых, лохматых кабана, около ног которых прохаживалась парочка симпатичных полосатеньких поросят.

— Дикие?! — вырвалось у меня.

— Дикие, — спокойно ответил отец П-л.

— Лёша, не подходи близко, — тихим ровным голосом проговорил мне старающийся казаться спокойным Игорь, — в период, когда у кабанов полосатики, они особенно агрессивны, порвут как грелку, это я тебе как охотник говорю...

Однако «особенно агрессивные» кабаны вели себя совершенно спокойно, я бы даже сказал — культурно. Если кто видел, как набрасываются на еду домашние свиньи, визжа и отталкивая друг друга, тот смог бы оценить, что «гости» отца П-а вели себя просто как аристократы. Не торопясь, уступая друг другу, они деликатно подбирали у ног монаха подкладываемые им сухарики, лишь один раз наиболее нетерпеливый

поросёнок выхватил сухарик прямо из руки улыбающегося батюшки, задорно хрюкнув и виляя хвостиком.

— Четверо взрослых было недавно, — выпрямившись и потирая поясницу, сказал отец П-л, — но сербы-строители, что работают на реставрации соседнего монастыря, неделю назад застрелили двоих и съели.

— Живодёры! — не выдержав, возмутился я.

— Да их тоже можно понять, бедолаг, питаются они на монастырской кухне, а монахи мяса сами не едят и другим не готовят. Вот рабочие-то и соскучились по мясной пище, ну и сбраконьерничали, прости их Господи!

Угостившиеся хрюшки не уходили, а продолжали спокойно расхаживать у наших ног по небольшой мощёной площадке перед воротами. Вспомнились мне жития святых: Серафим с медведем, Герасим со львом...

Словно поймав мои мысли, отец П-л улыбнулся:

— К преподобному Серафиму медведь приходил, к Герасиму лев, а ко мне Господь свиней посылает, чтобы мою свинскую сущность обличить! Вот видите, они меня за своего принимают, — показал он пробующего на вкус край настоятельского подрясника шустряка-поросёнка, — «якоже свиния лежит в калу, тако и аз греху служу»...

Мы с Флавианом переглянулись.

— Афон! — вздохнул Флавиан.

Через полчаса мы уже подъезжали к монастырю Ватопед.

— Только бы нам отца Серафима найти! — Сергий, энергично крутя баранку, входил в очередной поворот, выбрасывая из колёс веер мелких камней. — Ангел, а не человек! Все монахи отдыхают после ночной службы, а он всегда придёт по первому зову и святыни для поклонения вынесет, и молитовку над тобой почитает, а какая любовь от него идёт! Даром что француз!

— Француз?

— Ну да, француз. Бывший католик, безнадёжно болел раком, зачем-то приехал сюда, я уж и не помню причину. Здесь в Ватопеде исцелился от рака у чудотворной иконы Богородицы, остался в монастыре, принял православие и стал монахом. Да каким! Любовь от него так и льётся, чисто ангел, а не человек! Даже имя у него — Серафим — «пламенеющий любовью»! Только бы нам его найти!

Нашли мы отца Серафима сразу, он, словно бы ожидая нас, стоял недалеко от ворот, разговаривая со старым, сгорбленным монахом-греком в белом кухонном переднике. Он оказался худеньким, я бы даже сказал — утончённым, с седеющими черными волосами, негустой бородкой и глубокими, светящимися добротой и любовью иконописными глазами.

Поскольку греческого мы не знали, а отец Серафим — русского, разговор пошёл на английском, переводил Флавиан.

— Вы подождите немного, — извиняющимся тоном произнёс отец Серафим, сопровождая свои слова поистине ангельской улыбкой, — я сейчас принесу ключ от церкви, где хранится Святой Пояс Божьей Матери, и мы пройдём туда вместе!

Мы расположились в тени колоннады напротив входа в трапезную, неторопливо оглядывая внутренний двор Ватопедского монастыря.

— Интересно, — решил я прервать молчание, — а Ватопед брал деньги у Евросоюза? Я читал, что Евросоюз, пытаясь получить влияние на Афоне, инвестирует большие суммы денег в реставрацию афонских монастырей.

— Ватопед не брал, — потянулся послушник Сергий, — у них своих благотворителей хватает, принц Чарлз, например...

— А принц Чарлз-то с какой стати? — удивился Игорь. — Он же, вроде, католик?

— Не католик, а англиканин. Был. А потом стал православным, часто ездит на Афон паломничать, у него здесь келья своя в Ватопеде и в Хиландаре сербском тоже. Он обоим монастырям мощно деньгами помогает, хиландарцам недавно, после пожара ихнего, громадные какие-то деньги отвалил, спаси его Господи!

— Ничего себе! — не выдержал я. — А что же об этом в прессе нигде не было, они ведь за каждым его чихом следят!

— Наверное, масоняры сверху разрешения не дали, королевскому дому не выгодно, поди, чтоб весь мир узнал, что наследник престола — православный, — откликнулся Сергий, — белая ворона в их масонском гадюшнике!

— Бывает же такое! — подивился Игорь.

— Афон! — подытожил Флавиан.

— А я не понял, брат Сергий, что такое мутят со своими деньгами на Афоне евросоюзовцы, — поинтересовался Игорь, — в чём суть интриги-то?

— Да простенько всё, на самом деле! Хотят масоны ликвидировать такой вселенский оплот православия, как Афон, чтоб прекратилась здесь монашеская молитва, чтоб рухнул ещё один забор на пути антихриста! Хотят превратить монастыри в музейно-гостиничные комплексы, экзотическую такую зону отдыха. Вот и пытаются своими отработанными в веках методами действовать — хитростью и деньгами.

Предложили они Протату — Афонскому «парламенту» — аж двадцать миллиардов евров, не миллионов — миллиардов! Разделите, мол, между всеми двадцатью монастырями на восстановление архитектурных памятников! А условие одно — пустить женщин на Афон, «прекратить дискриминацию по половому признаку», этого они уже давно добиваются...

— А почему же их сюда не пускают, — удивился Игорь, — у нас же в Троице-Сергиевой Лавре пускают

и в других монастырях тоже, причём и верующих, и просто туристок?

— В первые века здесь тоже женщины бывали, молиться приходили. А потом Матерь Божья запретила. Как раз здесь, в Ватопеде это было. Тут такая икона Богоматери есть — «Антифонитриа» — «Отвечающая». Так вот, когда дочь императора Феодосия Великого Планида, кстати, очень благочестивая христианка, в очередной раз приехала сюда и хотела войти в храм, икона заговорила и сказала, что здесь живут только монахи и ей нельзя сюда входить, чтоб не давать повода врагам Христа говорить, что к монахам ходят женщины. Вот тогда и вообще всем женщинам запретили вступать на землю Афона. С тех пор по Афону лишь одна Женщина ходит — Пречистая Дева Богородица!

— Батюшка! — обратился я к Флавиану. — А в чем же духовный смысл этого запрета, ведь дело же, наверное, не только в защите монахов от клеветы язычников, всё равно ведь оклевещут?

— Да, как говорит брат Сергий, простенько всё! Ты представь себе, что по этой площади перед нами бродят толпы полуголых туристок, в шортах, миниюбках, шумят, хохочут, щёлкают фотоаппаратами. Что тогда с молитвенной жизнью монахов станет? Тогда уже не до чистой молитвы будет, а, дай Бог, от блудных помыслов отбиться! А ведь против монашеского мо-

литвенного подвига сатана сильнее всего и восстаёт, против чистой молитвы! Очень уж она его обжигает! А прервётся молитва на Афоне — конец мира недалёк. Такого вселенского центра противостояния дьяволу больше нет во всём мире.

— Именно так, отче, — подтвердил Сергий, — из-за туристов в прошлом году из Великих Метеор последних несколько монахов к нам на Афон перебрались. Нет больше в Метеорах монахов, остался музей...

— Ну, и что Протат? — вспомнил Игорь. — Не взял эти двадцать миллиардов?

— Не взял, — ответил Сергий, — представители всех двадцати монастырей отвергли. Только «еврики» не успокоились, они решили штрейхбрейхера найти и предложили по миллиарду каждому монастырю отдельно, кто пустит женщин на свою территорию.

— Отказались?

— Да, пока все, даже самые бедные монастыри отказались.

— Слава Богу!

— Yes! Slava Bogu! — подтвердил незаметно подошедший отец Серафим, сверкая своей удивительной счастливой улыбкой. — Slava Bogu!

Он повёл нас под прохладными сводами галереи и ввёл в храм, словно обрушившийся на меня могучим потоком намоленной веками благодати, которая пронизала всю мою затрепетавшую от этого ощущения душу.

Мы переглянулись между собой, и я понял, что Флавиан с Игорем испытывают такое же трепетное чувство благоговения перед Божьим присутствием, что и я.

Распахнулись Царские врата алтаря, и в них показался облачённый в епитрахиль поверх монашеской мантии отец Серафим с драгоценным ковчегом в руках. Мы встали на колени перед великой святыней — Святым поясом Той, Которая носила в Себе Спасителя мира.

Отец Серафим бережно возложил по очереди, начав с Флавиана, на наши склонённые головы ларец с бесценным сокровищем, вполголоса читая с благоговейной интонацией молитву на греческом языке. Затем, совершив земные поклоны, мы приложились к Святому поясу Богоматери, и отец Серафим вынес нам ковчег с главой святителя Иоанна Златоустого.

— Смотрите! — переводил Флавиан слова отца Серафима. — Под верхней крышкой мы видим лишь обнажённую кость честной главы святителя, а вот здесь, — он открыл небольшую серебряную дверку сбоку ковчега, — вы видите нетленное ухо святого, в которое по преданию подсказывал Златоустому его вдохновенные слова сам Апостол Павел!

Ухо действительно было нетленным, желтовато-оливковым по цвету, несколько усохшим, но абсолютно целым.

— Ухо же хрящ! — взволнованно прошептал Игорь. — Он же разлагается в первую очередь, это же чудо!

— Yes! Yes! It is the miracle! Chudo! — подтвердил отец Серафим, сияя радостью приобщённости к этому Божьему Чуду.

Мы с волнением приложились к честной главе святителя, чья Божественная литургия уже много веков совершается по всему православному миру и чьи вдохновенные писания раскрывают читающему их тайны неисчерпаемой Любви Творца к Своему творению...

Когда любвеобильный отец Серафим, унеся в алтарь святыни и закрыв Царские врата и завесу, вышел к нам боковыми дверями, Флавиан что-то спросил его на английском, и тот, кивнув, повёл нас куда-то по переходу, затем открыл дверь в какую-то церковь, и мы увидели большую икону Богородицы в серебряной с золотом ризе.

— Икона Божьей Матери «Парамитиас», — переводил Флавиан рассказ отца Серафима, — у нас на Руси её называют «Отрада» или «Утешение». Эта икона явила чудо любви Божьей Матери к монахам Ватопедской обители двадцать первого января восемьсот седьмого года.

Большая шайка пиратов, которые несколько столетий являлись самой серьёзной угрозой афонским монастырям, периодически нападая и разграбляя их, не щадя жизни монахов, в темноте ночи подкралась к стенам Ватопеда и спряталась в окружающей монастырь растительности. Они ожидали утреннего открытия ворот

монастыря, чтобы внезапно ворваться и разграбить монастырские богатства.

В это время братия после ночного бдения разошлась для отдыха по кельям, лишь один настоятель перед этой иконой совершал своё молитвенное правило. Внезапно он увидел, что святая икона ожила, и лик Божьей Матери с тревогой повернулся в его сторону.

«Не открывайте сегодня ворота монастыря, чтобы вам не погибнуть от разбойников, но поспешите на стены и отразите их нападение», — раздался от иконы голос Пресвятой Богородицы.

Настоятель, не веря своим глазам и ушам, взирал на оживший чудесный образ. Лик младенца Христа нахмурил брови и со строгостью произнёс: «Нет, Мать Моя, не говори им этого, за их нерадивую жизнь им надлежит быть наказанными!» — и, говоря это, Спаситель поднял правую руку, прикрывая ею уста Своей Матери.

Но исполненная человеколюбия Пресвятая Дева отвела своею рукою десницу Богомладенца и, отвернув от Него свой лик, ещё дважды повторила настоятелю свой призыв об опасности.

Потрясённый чудным видением, настоятель бросился поднимать братию на оборону обители, и нападение пиратов было отбито. Услышав рассказ своего игумена о спасшем их чуде, монахи собрались в церковный

придел, где находилась святая икона, и обнаружили, что изображение на ней изменилось. Написанный по традиционным иконописным канонам образ Пресвятой Богородицы с Богомладенцем на руках остался таким, каким увидел его настоятель — Богомладенец, пытающийся прикрыть своей десницей уста Богоматери, и Она, отвернувшая от Него Свой лик и Своею рукою отводящая вниз руку Своего Сына, мешающую ей проглаголать спасительный призыв.

С тех пор эта святая икона пользуется особым почитанием в Ватопедском монастыре. Перед нею постоянно горит большая неугасимая лампада, ежедневно служатся молебны, и все монашеские постриги совершаются перед этим чудотворным образом.

Слушая мягкий английский говор отца Серафима, вникая в смыл переводимого отцом Флавианом рассказа, я не сводил взгляда с исполненного любовью и тревогой лика Богородицы, дерзнувшей противопоставить Свою материнскую любовь ко грешным человекам справедливому правосудию Своего Божественного Сына. «Милость выше справедливости... Любовь прокрывает всё...» — вспомнились мне слова Флавиана, сказанные им некоторое время назад во время нашей беседы о молитве.

Я внимательно вглядывался в дивный по красоте образ Пречистой Девы.

Он был живым.

Нет, не подумайте, что я удостоился, подобно вышеупомянутому настоятелю монастыря, чуда видения ожившей иконы, изображение оставалось неподвижным. Но, подобно тому, когда мы видим цветок, в своей неподвижности наполненный оживляющей его красоту природной силой, так и образ Богоматери не был мёртвой высушенной доской, покрытой красочным слоем. Где-то в глубине иконы (да, да! икона явно была «трёхмерной») ощущалось присутствие, я бы даже сказал, — движение — неисчерпаемой Жизненной Силы — Силы Божественной Любви.

Эта Сила лучилась в сострадательном взгляде глубоких миндалевидных глаз Богоматери.

Этой Силой, словно живая смуглая кожа, дышала вся поверхность не скрытого серебряно-золотой ризой лика Приснодевы.

Эта Сила словно бы выдавливала изнутри чеканные выпуклости драгоценного оклада и заставляла трепетать моё взволнованное этим необычным ощущением сердце.

Не встречал я раньше такой иконы. А может, и встречал, но по греховности своей, по грубости покрывающей душу корки страстей ни разу не чувствовал того, что здесь в Своём Уделе подарила мне почувствовать Хозяйка Афона.

Я стоял перед Отрадой и Утешением всего человечества, я чувствовал, что эта святая икона распахну-

лась передо мной, словно окно из затхлой комнатки земной жизни в безграничную Вечность Неба, и могучий поток чистого благоухающего неземными ароматами воздуха хлынул на меня из этого «окна», и вся душа моя наполнилась молитвой, молитвой без слов, без прошений, без мысленной работы ума. Молилось всё моё существо, тело, ум, душа, сердце, молилось жадно, взахлёб, как бы превратившись целиком в одни восторженные лёгкие, пульсирующие дыханием молитвы. Я чувствовал, что — Там меня любят, ждут, слышат, обо мне заботятся, что сейчас я могу просить всего, чего захочу, и я получу просимое! Но мне не о чем было просить. В тот момент у меня было больше, чем всё, больше, чем я мог бы представить себе своим убогим воображением. Я чувствовал что — Там всё про меня знают, что мне незачем и нечего желать. Кроме одного. Чтобы всегда пребывать в такой молитве. Я понял, что значит — «Царствие Божие внутрь вас есть», Оно было внутри меня, и я был в Нём.

Не знаю я, как это передать словами, как глухонемому рассказать глухонемым на языке жестов о красоте услышанной им на краткое мгновение музыки.

Я посмотрел на Игоря и увидел, как по его изуродованной шрамом щеке текут слёзы. Я обрадовался. Значит, и он получил свой Подарок, и ему открылось Небо. Слава Тебе Боже за всё!

Владычице, Мати Божия, благодарю Тебя!

ГЛАВА 13. **СВЯТАЯ ГОРА: ПРОДОЛЖЕНИЕ**

Иверон встретил нас суровостью пирга — сторожевой башни, пустотой двора и замершей какой-то, тревожной тишиной. Словно обороняющаяся крепость в краткий период передышки между боями. Мы, неторопливо оглядываясь, вышли на центральную площадь с круглой водосвятной беседкой, тёмными шипами устремлённых в небо кипарисов и махиной красно-коричневого храма посередине. Сергий повёл нас вокруг храмовой стены, и, обойдя угол, мы оказались перед небольшой белой часовней с пристроенным к ней застеклённым притвором.

— Иверская часовня, — сказал нам Сергий, — посидите в притворе, я пойду, поищу кого-нибудь, кто откроет нам «Иверскую»!

Мы зашли в притвор. Прямо на противоположной от входа стене была нарисована фреска, изображающая Страшный Суд, слева стояла большая деревянная стасидия, с точёными балясинками, справа, в облицо-

ванной светло-сиреневатым мрамором стене находилась закрытая небольшая двухстворчатая деревянная дверь, вся поверхность которой была покрыта инкрустированным перламутровым орнаментом. Некоторые перламутровые вставочки были утрачены, но всё равно было понятно, что в центре каждой створки главной фигурой орнамента было «Процветшее Древо Креста Господня». Мы присели на каменную скамью, выступающую из стены и покрытую толстой крашеной в коричневый цвет доской.

— А ведь за этой стеной, ребята, Знамение Времён, — обратился к нам Флавиан, — Иверская икона, Хранительница афонского монашества! Представляете, чудесным образом приплыла она на Афон, вон, кстати, на стене изображение обретения «Иверской», и также чудесно, по воде она покинет Святую Гору. И тогда монахам надо будет покидать Афон и разбредаться кто куда, где найдётся хоть какое-нибудь пригодное для молитвы место, там они и осядут до Второго Пришествия Господня.

— А Афон как же, батюшка, — спросил Игорь, — что ж, все монастыри со святынями антихристу на поругание достанутся?

— Ну, святыни-то, какие смогут, монахи, наверное, с собой разберут, а Афон, как здешние монахи говорят, под воду уйдёт, со всеми монастырями. Землетрясение здесь будет небывалое по силе, и во многих

местах вода с сушей местами поменяется. Эти катаклизмы даже в Евангелии предсказаны: «...И будут глады, моры и землетрясения по местам».

— А скоро это будет, отче? — поинтересовался я.

— Господь знает, Лёша, человекам это не открыто. Однако, глядя на то, как современная цивилизация стремительно сатанизируется, можно думать, что времени ей осталось не так уж и много...

— Это вы про ИНН, паспорта и пластиковые карточки, отче? — вновь спросил Игорь.

— Да нет, информационно-технические технологии тут ни при чём. Страшен не прибор, а тот, кто на его кнопки нажимает. Страшно смотреть, как сами люди всё больше апокалиптическому стандарту начинают соответствовать.

— Какому стандарту? — удивился Игорь.

— Описанному в Евангелии: «Многие лжепророки восстанут, и прельстят многих», «и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь», «в последние дни наступят времена тяжкие... Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся».

— Да, батюшка, это же прямо коллективный портрет большинства наших современников... — не удержался я.

— Ну, может, ещё и не большинства, но уже весьма значительной части. Когда большинство такими станет, наверное, антихрист и появится. Сейчас война идёт за каждую душу, каждый молитвенник может на баланс духовных сил повлиять, каждый праведник в миру, каждый монах.

— А монашеская молитва сильнее мирской? — взгляд Игоря устремился на Флавиана.

— Во всяком звании: и в мирском, и в монашеском, и в священническом — есть свои подвижники, один Господь может силу их молитвы измерить, нам этого не дано. Разница между монашеской и мирской молитвой скорее «количественная», а не «качественная».

Мирянину приходится больше сил и времени на земные дела тратить и в оставшееся свободным время по мере сил подвизаться в молитве. Это, не считая, конечно, непрестанной молитвы Иисусовой, которую опытный христианин почти со всяким мирским делом совмещать приспособляется. Причём через такую непрестанную молитву некоторые миряне удивительных дарований от Бога сподобляются. Например, схимонахиня Сепфора, ещё будучи мирянкой, отягощённой семьёй, уже дары прозорливости и молитвенной помощи людям стяжала через смирение и непрестанную молитву.

А для монаха молитва и есть самая главная работа и дело всей жизни. Она же, при достижении определённого к ней навыка, становится и главным монашеским утешением и радостью, а затем и потребностью жизненно необходимой, как дыхание, как пища.

Известны в истории Церкви и миряне, которые своей пламенной молитвой выше многих монахов поднимались. А бывают и монахи, ничего на поприще молитвы не достигшие. Так что, в конечном итоге, сила молитвы зависит от личного желания эту молитву стяжать и приложенного к тому старания каждым конкретным человеком, без разницы — что монахом, что мирянином. Хотя, конечно, сама монашеская форма жизни к стяжанию молитвы более располагает, чем мирская. Собственно, ради этого — молитвенного общения с Богом — в монахи и уходят из мира.

— Ясно... — задумчиво протянул Игорь.

Вошёл Сергий, пропустив впереди себя в дверь невысокого плотненького, достаточно молодого греческого монаха, который оглядел нас несколько недоверчиво, а Игоря — с лёгким испугом. Тем не менее, он открыл нам инкрустированную дверь в часовню, сразу же строго предупредив — «not foto»! Мы, смиренно покивав главами, вошли.

В помещении часовни царил мягкий сумрак, пронизываемый лучами рассеянного света, струящегося из подкупольных окон. Один из лучей освящал стоящую

слева по диагонали от входа Иверскую икону Богоматери. Она была высокая и узкая, покрытая потемневшей от времени чеканной ризой, от которой веяло древностью и царственным благородством.

Лик Пречистой Девы был смугл и отрешён. Матерь Божья, не замечая стен часовни, горящих лампад, поклоняющихся Ей паломников, Своим взором словно пронизывала вечность, одновременно озирая прошлое, настоящее и будущее и духом пребывая в безграничном вневременном пространстве.

Господи! Я и не заметил, что ощущение реального пребывания здесь рядом, в этой часовне, Пресвятой Владычицы пришло ко мне настолько незаметно и естественно, что я даже не успел удивиться его возникновению. Просто я вдруг почувствовал, что Матерь Божья находится сейчас здесь. Сама. В этой самой часовне. Среди нас. Просто и обыденно. Словно проживая в этом монастыре или вообще где-то здесь, рядом, на Афоне, Она зашла сюда только что перед нами, или даже вместе с нами, и остановилась, задумавшись, узрев нечто привлекшее Её внимание там, в другом измерении вечности.

Мне захотелось тихонько шепнуть: «Ребята! Тихо! Внимание! ОНА САМА здесь!»

Но я промолчал, наблюдая, как Флавиан с Игорем и Сергий кланяются и прикладываются к чудотворному образу, молятся, ставят свечи, как нетерпеливо

перебирает чётки занявший стоявшую у входа стасидию греческий монах, очевидно, отвлечённый послушником Сергием от какого-то важного для него занятия ради открывания нам часовни. Я побоялся нарушить их молитвенный настрой или отвлечь Пречистую Игумению горы Афонской от Её задумчивого созерцания, или просто самому потерять это необычное тихое счастье нахождения рядом с Той, на Которую «трепещут взирая Ангелы». Я молча, стараясь не спугнуть это дивное ощущение, совершил поклон перед Иверской, тихонько поцеловал край иконы, также тихонько поставил свечу, ещё раз поклонился и вышел наружу. Флавиан посмотрел на меня.

— Лёш! Ты как?

— Слава Богу! Всё в порядке. Потом как-нибудь попробую рассказать, когда «переварю».

— Хорошо, — кивнул Флавиан и повернулся к закрывавшему дверь греку, — Евхаристо поли (большое спасибо)!

— Паракало (пожалуйста) — кивнул он и засеменил к келейному корпусу.

Мы остановились около мраморного источника на стене архондарика, напились вкусной прохладной воды из висящего на цепочке ковшика.

— Отче! Вы на вечерню в Пантелеимон хотите попасть или в другой какой-нибудь монастырь? — спросил Флавиана послушник Сергий.

— А мы успеем в Пантелеимон?

— К повечерию успеем! Даже можем по дороге заехать к источнику на берегу, где Иверская к Афону приплыла.

— Тогда поехали!

— Вот! Это было здесь, — послушник Сергий показал рукой на несколько каменных сооружений, к которым мы подъехали, спустившись на самый берег моря, — вот на этом месте, где стоит памятник с крестом, была вынесена на берег Иверская икона.

— Её привезли на корабле? — спросил слабо осведомлённый в истории Афона Игорь.

— Нет. Она приплыла сюда Сама, — ответил за Сергия Флавиан. — Это было в девятом веке. Примерно за двести лет до этого, в последний период иконоборчества при императоре Феофиле-иконоборце, к одной вдове, жившей с сыном недалеко от города Никеи, пришли воины, посылаемые властями для розыска и уничтожения святых икон. Они обнаружили у неё в домовой церкви очень почитаемую вдовой икону Божьей Матери, увидев которую, один из воинов ударил её копьём, попав в нижнюю часть ланиты — щеки Богородицы. К ужасу воина и всех присутствовавших, из раны потекла кровь. Иконоборцы в страхе покинули дом вдовы, но она, понимая, что они могут придти опять, решила предать

икону воле Божьей. Вместе с сыном, тайно, вдова отвезла икону на морской берег и опустила в воду, молясь Богоматери, чтобы Она Сама сохранила свою икону невредимой. И вот, во свидетельство промысла Божьего о чудотворной иконе, она встала в воде в вертикальное положение и поплыла, уносимая морскими волнами.

Через какое-то время сын этой благочестивой вдовы ушёл на Афон, где принял монашество и окончил свои дни в подвигах поста и молитвы. Он-то и рассказал инокам об истории с чудотворным образом.

Через пару столетий иноки многих обителей, расположенных на восточном побережье Святой Горы, увидели в море напротив Иверского монастыря поднимающийся до неба огненный столп, неисчезающий в течение нескольких дней. Множество монахов с разных монастырей собралось здесь лицезреть это чудо.

Оказалось, что столп огня поднимался от стоящей на воде иконы Божьей Матери, по описанию схожей с той, про которую рассказывал сын Никейской вдовы. Монахи на лодках пробовали подплыть к иконе, но она каждый раз удалялась от них.

Неподалёку от Иверского монастыря, в уединённой келье, подвизался благочестивый инок Гавриил, родом из Иверии. Ему явилась Сама Пречистая Дева и повелела пойти пешком по морю и принести чудот-

ворную икону на берег. Что он и сделал. В этом самом месте.

— Точно, батюшка! Памятник с крестом поставили как раз на том месте, где он вышел на берег с иконой, — поддержал Сергий — а вот тут, — он указал на небольшую часовенку с крышей, покрытой, подобно многим афонским строениям, черепицей из каменной плитки, — забил источник с целебной водой! Пойдёмте, попьём святой водички! Кстати, заметьте — он находится ниже уровня моря, и, хотя и расположен в десятке метров от кромки берега, вода в нём пресная!

Мы подошли к часовенке, открыли напоминающие наши дачные калитки из решётчатой вагонки дверки и спустились на несколько ступенек вниз, где над аркой входа в саму нижнюю часовню висели два изображения Иверской иконы (поменьше — литографическое и побольше — писаное), осеняемые свисающей на шнуре и закрытой в стеклянный фонарь лампадой. Арка была низкая, и войти в неё можно было, только поклонившись висящим над ней иконам. Внутри, в глубине стены было углубление, которое, как чаша, наполнялось бьющим со дна родничком. Рядом на стене висела на гвоздике типичная для многих афонских источников кружка из нержавейки. Мы по очереди спустились к источнику и, становясь на колени, пили из этой кружки холодную родниковую воду. Абсолютно пресную!

— Батюшка! Надо трогаться, если хотите к началу повечерия успеть, вечерню мы пробудем в пути! — позвал нас брат Сергий, увидев, что нам трудно самим оторваться от святого места.

Сделав ещё несколько беглых снимков на прощанье, мы загрузились в «мечту вездепроходца» и тронулись в сторону Пантелеимона.

Обратной дорогой ехали в тишине. Сказывалась эмоциональная перегрузка от обилия впечатлений. Флавиан молился по чёткам, я пробовал ему подражать, Игорь задумчиво глядел в окно. Послушник Сергий, включив в начинающихся сумерках фары, внимательно следил за дорогой, не переставая, однако, «утирать нос» бывалым раллистам.

— Сергий, притормози! Смотрите! Гора — крылатая! — голос Игоря вывел меня из состояния самоуглублённости, близкой к дремоте. Сергий затормозил, мы вышли из машины.

Зрелище, открывшееся нам, было кинематографически красивым, даже, пожалуй, — мистическим. На фоне быстро темнеющего серо-голубоватого неба, возвышаясь островерхим синим шлемом над исчерна-зелёными лесистыми холмами, парила вершина Святой Горы. Прямо над ней, в высоте, светилась новой никелевой монеткой маленькая яркая луна. С двух сторон великанского могучего «шлема», как бы из самой поверхности его, вырастали громадные облачные пласты,

похожие на крылья мифической птицы или крылья Ангела.

— Словно Ангел Хранитель Афона осенил его своими крылами, — озвучил мою мысль Флавиан.

Мы постояли немножко молча, любуясь чудесным зрелищем, затем, вздохнув каждый о чём-то своём, залезли в машину и продолжили путь, не забыв запечатлеть «Ангельские крылья» своими цифровыми камерами.

К Пантелеимону подъехали в почти полной темноте. Договорившись созвониться, отпустили послушника Сергия, быстро канувшего красными огоньками «габаритов» своего внедорожника в темноту горного леса. Добрались до архондарика.

Едва мы успели зайти в свои кельи и переодеться, как из глубины длинного гулкого коридора, раздался звон небольшого ручного колокола, подобного тем, которыми звонят нарядные девочки-первоклашки в конце торжественной линейки первого сентября, сидя на плече у какого-нибудь верзилы-старшеклассника.

Громкий ритмичный звон, приближающийся к нашим дверям, сопровождался регулярными покрикиваниями нашего утреннего знакомца инока-датчанина: «Повечерие! Повечерие!» Мы с Игорем постучались в дверь к Флавиану:

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

— Аминь! Заходите, братие! — Флавиан лежал на скромном гостиничном ложе. — Идите, ребята, на службу, не ждите меня! Я только что лекарств напился, отлежусь чуть-чуть и тоже в храм приползу. Идите, молитесь с Господом!

— Хорошо, отче! Евлогите!

— О кириес! С Богом, братие!

Мы вышли из кельи.

ГЛАВА 14. СВЯТАЯ ГОРА: ПРОДОЛЖЕНИЕ

Афонская ночь, подобно большинству ночей в южных странах, наступившая быстро, была густо темна. Мы с Игорем, подсвечивая себе под ноги фонариками, поднялись по мощёной каменными плитами дорожке и вошли под арку монастырских ворот. Вокруг было темно и тихо.

Впереди, еле различимая в темноте, прошелестела развевающейся мантией фигура какого-то монаха, торопящегося в Покровский храм. Вслед за ним и мы поднялись по лестницам, не забыв приложиться к настенным образам Пресвятой Богородицы и преподобного Силуана Афонского на промежуточной площадке.

В храме уже читали начало Малого повечерия, высокий голос чтеца раздавался в большом пространстве храма как бы издалека, из не-отсюда, как будто даже несколько сверху. Всё пространство церкви было погружено в темноту, мерцали лишь огоньки лампадок перед святыми образами, тускло поблескивающими в

их слабом изменчивом свете золотом окладов. Две небольшие керосиновые лампы на клиросах бросали из-под абажуров неяркие лучи на священные книги, лежащие на восьмигранных аналоях. Ни стен, ни потолочных сводов не было видно совсем, лишь едва различимые высокие деревянные стасидии с чернеющими в них силуэтами молящихся монахов обозначали собой периметр церкви. Возникало удивительное ощущение бескрайности окружавшего нас космоса, словно не на земле, не в рукотворённом храме шла Божественная служба, но в каком-то вечном незыблемом духовном пространстве, растворяющемся в бесконечности, совершалось, такое же космическое по значению, действо.

Мы с Игорем, стараясь бесшумно ступать по крашеным доскам церковного пола, приложились к лежащим на центральном аналое иконам и, по безмолвному согласию, разошлись по стасидиям. Мне досталось место прямо напротив главы преподобного Силуана, где прошедшим утром мы познакомились с отцом К-й.

Сиденье стасидии было поднято, я встал в неё, опершись предплечьями на высокие подлокотники, и прислушался. Кажется, читали канон Иисусу Сладчайшему. Я постарался следить за чтением, присоединяясь умом к звучащим с клироса словам молитв. Однако надолго моего внимания не хватило, возможно, сказались усталость и перевозбуждение прошедшего дня, но я стал терять нить церковной молитвы, перио-

дически «отключаясь» и уплывая мыслями в пережитые днём события. Тогда, достав из кармана подаренные Флавианом чётки, я решил попробовать сосредоточиться на молитве Иисусовой. Нащупав большим и указательным пальцами левой руки первый после крестика узелок, я, бесшумно шевеля губами, неторопливо мысленно произнёс:

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй мя, грешного!

Затем, помолчав немного, как бы прислушавшись к эху произнесённой молитвы, отозвавшемуся из глубины души, перехватил пальцами следующий узелок:

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй мя, грешного!

Опять прислушался, внутри меня замерла какая-то тишина ожидания. Следующий узелок:

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй мя, грешного!

Я почувствовал необходимость ещё более замедлить ритм слов направляемых мною ко Господу, вдруг ощутив всю необъятность этой короткой молитвы.

— Господи! — это обращение вырвалось из сердца как зов доверия преданной души к любящему и любимому Господину.

— Иисусе Христе! — Святейшее Имя торжественным гимном прозвучало в сознании, одновременно отозвавшись где-то в глубине сердца.

— Сыне Божий! — чувство восхищения и любви к воплотившимся, ради меня, в Плоть, Сыну Бога и Богу, тёплой волной наполнило грудь.

— Помилуй мя... — я вдруг почувствовал, что у меня есть надежда на помилование! Что Он Сам хочет меня помиловать!

— ... грешного! — это слово ударило меня, придавило своей свинцовой мёртвостью. Но оно не отняло у меня только что родившейся надежды, нет! Оно лишь окатило сознанием той раздавливающей своею тяжестью глыбы греха, из-под которой предстояло вызволить меня Всесильному Спасителю.

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй мя, грешного! — вновь повторил я, заново переживая всю гамму охвативших меня ощущений, из которой чувство осознания своего погибельного греховного непотребства вышло на первое место.

— Господи! — сколь счастлив должен быть слуга такого Величайшего Господина! И сколь недостоин я даже называться именем Его раба!

— Иисусе Христе! — Сладчайшее Имя обожгло моё искорябанное страстями сердце, обнажая немощное и удобопреклонное ко греху его естество.

— Сыне Божий! — жалобно воззвала душа, наполняясь подступающими слезами.

— Помилуй мя, грешного! — слёзы прорвались наружу, и мне пришлось приложить волевое усилие, что-

бы не смутить других молящихся своим горестным всхлипыванием.

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного! — тонким ручейком потекла из сердца сокрушённо-покаянная молитва.

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного! — тихое умиление проникало в освящённую надеждой душу.

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя...

— Лёша! — Флавиан тихонько тронул меня за плечо. — Пойдём отдыхать, служба уже закончилась.

— А? Что? Закончилась? — возвратился я к реальности бытия (или, наоборот, — из реальности молитвенного общения с Богом в ирреальность земной жизни). — А я только начал молиться...

— Это хорошо, брат Алексий, значит, и вправду начал. Пойдём, отдохнём немного, до полунощницы не так много времени осталось.

Мы вышли из церкви. Прямо напротив церковных дверей в десятке метров сверкнул звёздами ночного неба выход на балкон.

— Отче! Ну, на минуточку, а?

— Давай, выйдем!

Мы вышли на балкон. Темнота ночи густым покрывалом укутывала монастырь, силуэты зданий едва

угадывались с высоты балкона. Лишь редкие светлячки лампадок у святых икон поблескивали в нескольких местах. Луны не было видно, звёзды мерцали неярко. Тишина лишь чуть-чуть размывалась недалёким шёпотом моря.

— Хорошо здесь! — выдохнул я.

— Хорошо! — подтвердил подошедший Игорь.

— Афон! — вздохнул Флавиан.

— Полунощница! Полунощница! — звонкий голос брата Г-ия, сопровождаемый звонами ручного колокола, похожими на звук корабельной рынды, вывел меня из состояния забытья, с натяжкой могущего быть названного сном. Я подскочил со своего спартанского ложа и протёр руками глаза.

Игорь уже встал и успел вернуться из душа с блестящими влажными волосами и полотенцем на шее. Весь вид его улыбающегося сквозь глубокие шрамы лица выражал глубочайшее удовлетворение. Я спросил его:

— Хорошо тебе здесь, Игорь?

— Знаешь, Лёха, я чувствую себя сейчас, как когда-то в молодости в Афгане: рядом война — чувства обострены, кровь играет, каждая минута жизни может быть последней, и потому проживаешь её с особым наслаждением. Это не то, что на диване в офисе «загорать» или хозяйским «Мерином» московский асфальт утюжить. Здесь, Лёха, — настоящая жизнь, настоящая

мужская работа, здесь Бог так близко, что кажется, Его можно руками потрогать! Счастливые здесь монахи, Лёха!

— Ну, Игорёк! Счастье-то это такой кровью оплачивается! Я об афонской монашеской жизни немало прочёл, искушения здесь — ого-го! Бывает, что и с ума сходят!

— А в миру, Лёха, с ума ещё больше сходят, от «жиру» да от безделья! И вообще, кто сказал, что счастье положено бескровно, на халяву получать? Я ведь, Лёха, «боец по жизни», и здесь сразу таких же — «своих», «бойцов» — учуял, настоящих ребят, серьёзных. Здесь, Лёха, — жизнь!

— Эдак, ещё останешься! А кто Семёныча оберегать будет?

— Не знаю, Лёха, не знаю... А если что, так лучше Бога никто никого не убережёт! Пошли молиться! Батюшка наш уже полчаса как в храм ухромал!

«Моя» стасидия напротив главы старца Силуана была свободной, и я быстренько нырнул в неё. Через минуту раздался «предначинательный» возглас, и служба началась. Простояв примерно до середины семнадцатой кафизмы, я почувствовал некоторое утомление (всё-таки непривычно мне спать по три с небольшим часа за ночь) и, опустив сиденье, сел, опершись руками на подлокотники.

Ровное чтение семнадцатой кафизмы убаюкивало меня, я снова достал чётки. Первая сотня молитвы Иисусовой проскочила почти незаметно, «на автомате», мысли всё время путались, отлетали куда-то, сердце даже не успело хоть чуть-чуть разогреться.

— Господи! Помоги мне молиться! — воззвал я мысленно. — Я в таком месте, а молитва не идёт! Господи, помоги мне не впустую пробыть здесь, не дай мне остаться совсем без молитвенного плода!

Вторая сотня прошла получше, внимание уже не так ускользало от слов молитвы, на душе «потеплело».

Третью сотню я начал, собрав в кулак всю свою волю и заставляя себя мысленно «вычеканивать» каждое слово молитвы, стараясь и в сердце вызывать чувства, соответствующие смыслу произносимых слов. Несмотря на всё сильнее нападавшую на меня дремоту, молитва, слава Богу, пошла хорошо, сердце согрелось, и тёплое умиление стало наполнять мою душу.

И вдруг сверкнула мысль: «Сейчас я должен здесь помолиться за всех»!

За всех? Как?

Ответ прозвучал в голове — «Молитвой Иисусовой»!

Тут я вспомнил, как однажды спросил Флавиана: можно ли молиться молитвой Иисусовой по чёткам за жену, за детей или за кого-нибудь другого — и получил благословение и совет, как это делать. Я передвинулся

поглубже в стасидию, упёрся в подлокотники локтями, закрыл глаза и взялся за узелки.

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй и спаси жену мою Ирину! — молитовка потекла ровно, на сердце было тепло и спокойно, тихая радость пришла в душу и осветила её. Чувство, будто моя Иришка, любящая и кроткая, встала тут, рядом со мной и присоединилась к моей молитве, было почти осязаемым, словно наша любовь соединила наши души в единое существо сквозь разделяющие нас телесно почти полторы тысячи километров. Сотница узелков пробежала незаметно.

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй и спаси деток моих: Стефана, Елену, Марию, Кирилла и Иулию! — начал я новую сотницу, ощущая в сердце всё те же — теплоту и радостный трепет.

Где-то рядом шло богослужение, я слышал священные песнопения и чтение с клиросов, и они не препятствовали моему внимательному углублению в молитву Иисусову, ибо и я тоже принимал участие в этой общей церковной молитве. Она не совершалась отдельно от меня, где-то в параллельном пространстве, вне моего личного разговора с Богом. Но, напротив, моя слабенькая молитовка, словно тоненький весенний ручеёк, вливалась в общий молитвенный поток, состоящий из молитв священников и диаконов, певчих и чтецов, и всей общности монашеского братства, подобно

мне, застывшего в стасидиях со склонёнными головами и ритмично передвигающимися в пальцах узелками чёток. Этот единый мощный поток церковной молитвы, вбирая в себя все струящиеся из сердец молящихся, различные по силе и напору ручейки, могучим столпом возносился к Престолу Творца, низводя неисчерпаемым водопадом ответные потоки Любви и Милости Божьей на всех предстоящих и молящихся здесь и на весь открытый для принятия благодати Святого Утешителя Духа страждущий мир.

Я сознавал, что всё, что я понимал и чувствовал в этот священный «момент истины», есть богооткровенный дар, ни в коей мере не относящийся к моей греховной личности и никак не связанный с моими убогими потугами в духовной и молитвенной жизни. Это была благодать Удела Пречистой Божьей Матери, это было сокровище, накопленное многими веками непрестанной молитвы афонских подвижников, и я просто оказался «в нужное время и в нужном месте», чтобы, подобно ребёнку на Рождественской ёлке, получить незаработанный им подарок, оплаченный трудами родителей.

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй и спаси отца моего духовного — иеромонаха Флавиана! — потекла шестая сотница, наполняя слова молитвы чувством искренней любви и благодарности к дарованному Господом духовному отцу, через которого

Спаситель призвал из пропасти погибели и повёл ко спасению мою захлёбывающуюся во греховной трясине душу.

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй и спаси всех сродников моих! — седьмая сотница всколыхнула во мне духовную ответственность за «ближния рода моего», напоминая про нуждающихся в молитвенной поддержке двух тётках, дяде, двоюродных братьях и сестре, племянниках и всей моей обычно забываемой в суете будней родне.

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй и спаси всех благодетелей моих! — восьмую сотницу я посвятил молитве за Семёна, Нину и их щедрых на добро сыновей, мать Евлампию, мать Серафиму, Армена, Юру, Витьку Бухгалтера и прочих, памятуемых мною и забытых людей, чьими руками мне многократно подавал Господь неисчислимые Свои щедроты.

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй и спаси всех ненавидящих и обижавших меня! — отозвалась болью в сердце девятая сотница. Я даже не ожидал, что когда-нибудь смогу так искренне, от всего сердца, простить всех тех, кто с раннего детства причинял мне страдания. Простить, пожалеть и испрашивать им прощения от Господа. Слава Господу за этот дивный благодатный дар!

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй и спаси всех православных христиан! — потянулись

узелки десятой сотницы, завершая полноту охватываемого моей молитвой человеческого пространства.

Завершив эту сотню Иисусовых молитв, я ощутил некоторое утомление, причём утомление не телесное, так как тело, несмотря на несколько часов, проведённых в практически обездвиженном состоянии, на удивление, оставалось бодрым и полным сил. Утомление было, скорее, — умственно-душевным, ибо именно напряжённая работа ума и сердца, укрепляемых благодатной Божественной помощью, удерживали моё внимание в неразрывном молитвенном общении с Господом во всё время прошедшего ночного бдения. Я поднял голову, открыл глаза и прислушался.

— Со страхом Божиим и верою приступите, — возгласил откуда-то со стороны алтаря диакон.

Оказывается, уже пролетели полунощница, утреня, часы и завершалась Божественная литургия. Вроде бы, только чуть-чуть помолился... Только начал по-настоящему душевный разговор с Господом, только-только стал слышать Его тихий голос в моём пульсирующем молитвой сердце, с каждым ударом выталкиваемой крови повторяющем: «Господи... Господи... Господи...»

Тут я поймал себя на том, что, размышляя о происходящем и наблюдая, как в лучах проникающего в окна храма рассветного солнца к Святой Чаше благоговейно подходят причащающиеся монахи, я не перестаю мо-

литься. Отдельно от рассудочной работы ума, на каком-то другом его «этаже» продолжалась непрерывная, совместная с работой сердца молитва — «Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй мя грешного!»

Я затрудняюсь передать это словами, ибо наши привязанные, в основном, к видимо-слышимо-осязаемым предметам слова не способны охватить и описать сокровенные движения Божественной благодати, производимые ею в человеческой душе. Испытавший поймёт, а не испытавшему вряд ли стоит и пытаться объяснять, лучше просто пожелать и помолиться, чтобы каждый, восхотевший ощутить «Царство Божие внутрь себя», получил от Господа подобное утешение.

Служба кончилась, но молитва внутри меня не прекращалась.

Мы по очереди подошли прикладываться к кресту. Молитва не прекращалась.

Мы брали с блюда антидор, ели его, запивая святой водой, зачерпывая её маленькими кружечками из большой чаши. Молитва не прекращалась.

Мы вышли из церкви во двор монастыря, где стояли группами, ожидая чего-то, монахи. Молитва не прекращалась.

Из собора Пантелеимона вышла процессия с панагиаром, возглавляемая древним старцем-игуменом в фиолетовой мантии, и направилась в двери монастырской трапезной, всё увеличиваясь за счёт

присоединяющихся к ней в порядке старшинства монахов и паломников. Молитва не прекращалась.

Трапеза, сопровождаемая уставным чтением жития дневного святого, проходила в гулком зале громадной трапезной в благоговейном молчании, подобная богослужению.

Мне подумалось — вот образец соединения духовной и телесной пищи, от Бога подаваемой, с молитвой и благодарением принимаемой, усвояемой умом, душою и телом и благотворно питающей всё человеческое существо, принося ему максимально возможную пользу.

И как же искажается весь смысл получения сего Божественного дара в некогда столь любимых мною развесёлых застольях, с реками спиртного, изощрёнными яствами, шумом, смехом, подчас похабными блудными шутками и речами... Чем насыщается душа в подобных «трапезах», какую пользу получает созданное храмом Духа Божьего человеческое тело?

Сияющий широкой добросердечной улыбкой, словно желающий охватить своею любовью всех здесь присутствующих, трапезарь отец Е-й, слегка наклонившись ко мне, спросил: «Вам налить ещё какао?» Я благодарно кивнул. А молитва не прекращалась.

Трапеза завершилась, прогремело под гулкими сводами многоголосое благодарственное моление, мы вышли на залитый утренним солнышком двор, и я остановился у молчащего фонтана. Молитва не прекращалась.

Ко мне подошли Флавиан с Игорем и отцом К-ой, мы говорили о сегодняшнем маршруте, звонили послушнику Сергию, ходили в архондарик за необходимыми вещами, что-то решали, что-то обсуждали, и я активно участвовал во всех этих процессах. А молитва не прекращалась.

Молитва перестала быть для меня работой, требующей напряжённых усилий ума и воли, она пошла сама, как дыхание, как ток крови, как естественное состояние души, пребывающей в общении со своим Творцом. Я не удивлялся этому, не пытался анализировать своё состояние и делать какие-либо рассудочные выводы, я просто принимал это ощущение вместившегося в меня Небесного Царства как дар, как данность, пришедшую просто потому, что — так надо! Так угодно Христу, Он знает для чего мне дано это Небесное счастье пребывания в благодатном единении с Богом. Я просто был счастлив, как никогда в жизни, и... слава Богу за всё!

Мы ездили по афонским дорогам, на ходу пропевая молебны, мы слушали рассказы послушника Сергия о проезжаемых нами святых местах, мы пили воду из святых источников и кофе на балконах архондариков, мы прикладывались к святыням, очереди к которым во время привезения их в Москву измерялись километрами и сутками. Мы карабкались по горной тропинке к пещере преподобного Антония Киево-Печерского,

возвышающейся на склоне горы над мятежным зилотским монастырём Есфигмен.

Мы плыли на пароме к чудотворной иконе «Скоропослушница» в монастырь Дохиар, шли пешком сквозь оливковые сады и заросли кустарника вдоль побережья к обители Ксенофонт, мы молились у памятника сожжённых католиками двадцати шести православных преподобномучеников в болгарском Зографе, отдыхали в беседке в тени чудотворной лозы, растущей из гробницы преподобного Симеона в сербском Хиландаре, наливали из нержавеющего бака освящённую языком дракона «аспидас неро» в Великой Лавре, спускались по узким ступеням вдоль отвесной скалы к пещерке преподобного Афанасия Великого. Посещали румынский скит Продром, Костамонит, Карею...

И всё это время молитва во мне не прекращалась, она жила во мне даже во сне, даже во время словесной молитвы перед мощами святых и чудотворными иконами. Счастливое детское выражение радости не сходило с моего лица, и Флавиан с Игорем лишь по-доброму улыбались, перемигиваясь в мой адрес: ишь, довольный какой!

Пять дней на Святой Горе пролетели незаметно.

Пришло время отъезда.

В ночь перед отъездом мы, по обычаю, молились за богослужением в Покровской церкви, Господь пре-

бывал с нами, невидимо, но ощутимо, укрепляя нас Своею благодатною силой. Молитва не прервалась ни на миг.

После службы и трапезы, собрав свои вещи, мы вышли на набережную ожидать паром. Погода, как и все предыдущие дни, была тихой тёплой и солнечной, лёгкий приятный ветерок едва волновал морскую поверхность, запахи прибрежной растительности перемешивались с запахом моря, наполняя грудь живительной силой Богом созданной природы. Молитва лилась из сердца ликующим звучанием всех клеточек моего существа, я упивался чудной радостью пребывания в этом земном Раю — на Святой Горе, совсем не ощущая приближающегося расставания с Афоном.

Подошёл паром, не слишком внимательные греческие полицейские небрежно полазили по нашим сумкам, проверяя — не вывозим ли мы какого-нибудь антиквариата, и мы взошли на верхнюю пассажирскую палубу. Вновь, теперь уже по правую руку, потянулись пейзажи афонского побережья, кельи, монастыри, арсаны, оливковые сады и монастырские огороды.

Я сидел на лавочке около борта, любовался красотой Афона под крики дежурных бакланов, перекрывающих своими восклицаниями мощные шумы винтов и бурления рассекаемой паромом воды.

Молитва не прекращалась во мне, и я не чувствовал никакой грусти отъезда, словно я не уезжал с Афона.

Он был со мной и во мне, я увозил его с собой с детской уверенностью, что так теперь будет всегда и что полученное мною на Афоне сокровище молитвы — есть качество постоянное, неизменное и неотделимое от моей дальнейшей жизни.

Игорь принёс стаканчики с кофе мне и пристроившемуся в тени под навесом Флавиану, вручил нам по трёхсотграммовой бутылочке «неро» — холодной питьевой воды. Я блаженствовал.

Незаметно пробежало время пути и вот, впереди на берегу, уже замелькали в зелени деревьев белые здания отелей и домов Уранополиса. Паром разворачивался, заходя к причалу, окружённому пляжем с купающимися и загорающими, стала слышна какая-то попсового звучания музыка. Мы, позакидывав на плечи рюкзаки и разобрав сумки, стали продвигаться к трапу на выход.

Паром причалил, паломники стали выходить на берег, вышли и мы. Что-то «не то» происходило вокруг. Играла пошленькая безвкусная музычка, пищала из невидимого динамика безголосая певичка, ветерок разносил знакомый по московским рынкам запашок шашлыка, смех и крики оглушали мои отвыкшие от мирских звуков уши. Наша сошедшая с парома толпа паломников, во множестве своём — бородатых, частично в подрясниках, с чётками на руках или на шее, проходившая через пляж, казалась вторжением инопланe-

тян в этом мире расторможенного веселья, среди едва прикрытых купальниками и плавками вожделеющих тел. Мне, некогда завсегдатаю крымских, а в последствии и турецких курортов теперь, после пяти дней на Святой Горе, показалось, что я попал если не в Содом и Гоморру, то уж точно — в Вавилон! Как они могут, рядом с такой святыней?! Шок, вызванный неожиданным контрастом между молитвенной тишиной и благодатной атмосферой Афона и внезапно обрушившимся на мою душу страстным грохотом мира, был настолько оглушающим, что я, словно во сне, едва соображая, что надо ориентироваться на спину идущего впереди меня со своим и Флавиановым рюкзаками Игоря, едва добрался до автобусно-таксишной стоянки. Подойдя к какой-то скамейке, на которую заботливый Игорь уже усадил Флавиана, словно бруствером, обложив его багажом, я остановился, сбросил с плеча рюкзак, поставил рядом спортивную сумку, распрямил спину и прислушался.

Что-то со мной произошло, чего-то мне явно не хватало, что-то я потерял... Внезапно, с ужаснувшей меня ледяной ясностью, я понял — во мне прекратилась молитва! Закрыв лицо руками, я заплакал.

ГЛАВА 15. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наверное, на меня смотрели, как на душевнобольного, — меня это не волновало. Я стоял посреди движущейся вокруг, шумящей, зовущей, галдящей на иностранном языке толпы народа и горько-горько плакал. Последний раз я плакал с такой горечью потери в десятилетнем возрасте, на дачах в Челюскинской, когда великовозрастные хулиганы с соседней улицы отобрали у меня дедов фронтовой офицерский ремень, который я очень любил и носил как святыню в память о геройской боевой биографии деда. Но сейчас я потерял нечто, неизмеримо большее любого земного сокровища, я потерял Рай. Я плакал и Флавиан не останавливал меня.

Прошло сколько-то времени. Игорь подогнал навороченный «Мерседес» с таксишным рыже-шахматным фонарём за лобовым стеклом и маленьким самодовольным греком-водителем. Всхлипывая, я помог Игорю загрузить вещи в багажник и залез вслед за

ним на заднее сиденье. Привалившись виском к оконному стеклу, борясь с желанием зарыдать в голос, я всю дорогу до Салоник пытался вернуть ушедшее от меня молитвенное состояние. Не получалось. В голове всплыла тщательно разученная мною год назад вместе с певчими стихира, поющаяся «на славу» в «сырную неделю» перед началом Великого Поста: «Седе Адам прямо Рая, и свою наготу рыдая плакаше: увы мне, прелестию лукавою увещанну бывшу и окрадену и славы удалену! Увы мне, простотою нагу, ныне же недоуменну! Но, о Раю! Ктому твоея сладости не наслаждуся: ктому не узрю Господа и Бога моего и Создателя: в землю бо пойду, от неяже и взят бых. Милостиве Щедрый, вопию Ти: помилуй мя падшего!»

Приехали в Салоники. Разместились в отельчике. Поужинали в уличном кафе. Флавиан с Игорем отправились искать магазин церковных принадлежностей какого-то Хазакиса. Я вернулся в отель, с трудом прочитал вечерние молитвы и уснул.

Утром мы собрались в маленьком холле отельчика, выпили кофе с печеньем, погрузились в вызванное гостиничным администратором такси, прибыли в аэропорт. Прошли таможенно-паспортный контроль, сдали багаж, прошли в зал для вылетающих. В дьюти-фри я купил детям по игрушке, что-то полезное Ирине, что-то ещё на подарки для близких, пару носовых платков

себе и мороженого всем нам троим с Флавианом и Игорем. Съели мороженое, сели в самолёт, взлетели. Приземлились, прошли паспортный контроль, получили багаж, вышли на улицу. Игорь позвонил по мобильнику и через пару минут блестящий черный «Лэнд круизер» с Мишиным водителем за рулём плавно затормозил у наших рюкзаков. Весь путь до Покровского я дремал, очнувшись вполне лишь при съезде на последний перед селом отрезок грунтовки.

Выгрузив меня у дома, Флавиан благословил меня и, задержав свою лапищу в моей руке, с крепким пожатием сказал:

— Всё вернётся, Лёша! Молись!

— Помолись и ты, отче!

Сложно долго оставаться «во грустях», будучи облепленным со всех сторон пятью маленькими, радостно вопящими созданиями, поверх которых до тебя пытается дотянуться чтобы поцеловать, невысокого роста любящая жена. Я начал оттаивать. Получив от папы «откупные» в виде купленных в греческом аэропорту игрушек, вся команда с криками помчалась на веранду разбираться в новоприобретённом имуществе. Иришка погладила мою бородатую с проседью щёку.

— Лешка! Ты как-то повзрослел, что ли? Ну, что там, на Афоне?

— На Афоне, Ирочка, — Рай! Там Бог живёт, и Матерь Божья, и Небо вокруг тебя и внутри тебя!

— Здорово, Лёшка! А интересно, есть какой-нибудь женский «Афон», куда женщин пускают?

— Не знаю, милая, надо спросить у Флавиана.

— А чего ты, Лёшка, грустный какой-то? Устал с дороги?

Слёзы навернулись мне на глаза, я еле сдержался.

— От тебя не скроешь, Ириша, да я и не собираюсь скрывать... Я там такую молитву имел, такую благодать! Чудо, Божий дар, неземное счастье какое-то! Настоящее Небесное счастье!

Здесь молитву, чтоб хоть чуть-чуть пошла, просто — «из-под земли выкапывать нужно», таких трудов стоит! А там, на Афоне, молитва в воздухе разлита, ты ею просто дышишь, только приоткрой душу! Как теперь жить, не знаю! Знаю только, что по той молитве, по тому общению с Господом, моя душа тосковать всегда будет, уже сейчас тоскует...

Как только мы сошли с парома на берег, на пляж курортный, меня земным миром так ошарашило, словно в кошмарный сон попал, или в преисподнюю. И молитву отрезало! Ох, Иришка, Иришка! Как тоскует душа по Господу!

— Лёшка! Не грусти! Бог и здесь живёт, и везде, ну, ты же знаешь! И Матерь Божья тоже! А здесь ещё и батюшка наш Сергий преподобный, Радонежский!

Лёшка! Может, Господь тебе на Афоне такую благодать показал, чтобы ты понял, чего здесь на земле достичь можно, к чему стремиться надо?

— Быть может, умница ты моя, быть может! Наверное, что так... Мне надо теперь всё «переварить», осмыслить, с Флавианом перетолковать, глядишь — пойму чего-нибудь! Давай, корми, что ли, мужа-то с дороги!

— Пошли скорей, — засуетилась жена, — твои любимые тефтели остывают!

— Тефтели?! О! Евхаристо поли!

— Чего, чего, Лёша?

— Потом объясню! Просто скажи — «паракало»!

— Паракало, Лёшка!

— «Не выходи из кельи вон, и будет в келье у тебя Афон» —вот так, брат Алексий, раньше на Руси монахи говорили, — улыбнулся Флавиан, в очередной раз выслушав моё нытьё относительно потерянной афонской молитвы.

— Так у них, батюшка, келья была, жизнь монастырская, отсутствие попечений мирских, им было — откуда не выходить! А у меня — стандартная жизнь семейного, кстати, многодетного, мирянина, со всеми вытекающими внешними обстоятельствами...

— Лёша! Ты как думаешь, про что вот это сказано в Евангелии: «Ты же, когда молишься, войди в комнату

твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»?

— Как, про что? Там же перед этим говорится о фарисеях, которые молятся на людях, чтобы показать себя молящимися! Господь и говорит, что надо молиться не на показ, а наедине, не ради славы от людей, а ради общения с Богом! Так?

— Так, брат Алексий, так! Это первый, внешний шаг к обретению молитвы. Но Святые Отцы говорят, что Господь, говоря про комнату, в которую надо затвориться для тайной молитвы, угодной Богу, имел в виду не только затвор внешний, от окружающего мира, но и затвор внутренний, в «комнате» сердца. Затвор от всех земных эмоций, пристрастий, чувственных впечатлений, производящих в сердце страстные движения, препятствующие чистой молитве. Можно сказать, затвор — от самого себя, себя плотского, суетного, греховного.

Эту же «келью» — сердце — имеют в виду и монахи, придумавшие поговорку про Афон. Причём важно не только «войти в комнату твою», но и «затворить дверь твою», то есть, пребывая в молитве, не пускать в сердце никаких посторонних чувств, могущих вытеснить собою молитвенное состояние, как, собственно, и произошло с тобою.

Твоя беда, Лёша, в твоей повышенной эмоциональности, восприимчивости к внешним впечатлениям.

Образно говоря, дверь «кельи» твоего сердца всегда — нараспашку! Пришло чувство правильное, духовное, созидательное — свободно входит в твоё сердце, производит в нём преображающее, очищающее действие, и ты способен ощущать благодать, вместить в себя любовь, радоваться о Господе.

Но приходит чувство плотское, страстное, пусть даже по видимости — благородное: гнев, возмущение обезбоженностью мира, осуждение его порядков. И эти эмоции, врываясь беспрепятственно в сердце, тут же изгоняют из него благодать, которая, сама не будучи агрессивной, смиренно удаляется, оставляя место «агрессору».

— Ну что же делать, отче? Как защитить сердце от ненужных эмоций, как не терять благодатного молитвенного состояния?

— Как и в миру делается, Лёша, поставить у дверей охранника, который кого надо — впустит, а кого надо — прогонит.

— Что это за охранник, батюшка?

— Ум, Лёша! Вооружённый неослабевающим вниманием ум! Только он, как бдительный таможенник, способен не пропустить в сердце никакой разрушительной бесовской «контрабанды».

— А как, отче, ум настроить, чтобы он эту работу хорошо выполнял?

— Усилием воли, Лёша!

— Трудно это, отче!

— Трудно! Но не невозможно! Вспомни, как ты прошлой зимой сюда из Москвы на старой «Волге» ехал, когда дети гриппом заболели, ты сам мне рассказывал!

— Да уж! Поездочка была — век не забудешь! Тормоза плохие, резина «лысая», дорога обледенелая, а скорость меньше пятидесяти держать нельзя, иначе двигатель глохнет, плюс мороз, темнота и одна фара не работает! На одной Божьей милости доехал! Но лекарства же детям надо было привезти!

— А с каким вниманием ты за руль держался, помнишь?

— Да, как сапер за старую бомбу! Одно неверное движение и — улетел! Всю силу воли в кулак собрал, чтобы внимание не расслаблялось, так и ехал!

— Вот с таким подходом и молиться надо, Лёша! Да и жить тоже! Силу воли напрягать, чтобы внимание ума не расслаблялось, чтобы ум все приходящие помыслы контролировал, вредные сразу опознавал и отбрасывал, а полезным в сердце допускал пройти и чувствами становиться.

— Это сложно, отче! Иногда и видишь, что помысел греховный, а отогнать его сразу не получается.

— Это несложно, Лёша, нужно только в себе правильный страх выработать, как на войне. Мне тут один дед-фронтовик как-то рассказывал, как на

фронте бывало, что окопы немецкие так близко располагались, что броском гранаты их легко достать можно было. Вот, говорил, бывало — в «волейбол» и играли. У немцев гранаты были с длинной ручкой, а в ней бикфордов шнур, тоже длинный. Потому время до взрыва у немецких гранат было дольше. Вот немец, бывало, бросит гранату в наш окоп, а наш солдат — хвать её и сразу обратно швыряет, и она в немецком окопе взрывается. Тут главное не медлить, поднял и — сразу бросай! А замедлил — полетели клочки по закоулочкам!

Так и с помыслами, брат Алексий! Обнаружил «бесовскую гранату» — сразу отбрасывай, отгоняй молитвой! А замедлил, помысел — нырь в сердце и давай в нём страсти раздувать, а страсть уже в реальные грехи норовит реализоваться!

Бояться надо греха и его разрушительных последствий — как гранаты! Тогда и медлить не будешь с отбрасыванием.

— Отче! А ведь я тогда, в Уранополисе, на этом и попался! На помысле! Я ведь всю эту пляжную публику тогда осудил! Принял помысел осуждения и самовозношения, мол, я-то «...не таков, как этот мытарь»! Я, мол, — благочестивый паломник, на Святой Горе «подвизался» и даже «за праведность» Божьим даром отмечен — сердечной молитвой! Забыл, что сам — свинья-свиньёй и только по милости Божьей и чужим мо-

литвам в своём свинстве ещё пока не погиб! Молитвенник великий! Вот меня Господь поделом и наказал — отнял то, что не заработал и чем кичился! Так мне и надо! Слава Богу за всё!

— Ну вот, Лёша! Слава Богу, разобрался!

— А дальше-то, что теперь делать, отче? Я ведь по той молитве теперь знаешь, как тоскую!? Как мне вернуть её!

— Покаянием и трудом, Лёша, тяжёлым трудом понуждения себя к постоянному вниманию ума, к очищению сердца, к нерассеянности помыслов, к непрестанному призыванию Имени Божьего, к активной деятельной любви к ближним твоим!

То, что тебе Господь дал ощутить на Афоне как благодатный дар Его любви, теперь зарабатывай подвигом, переходя от состояния раба к состоянию наемника, а потом и — сына. А уж какую радость имеет сын, пребывающий в любви Отца Небесного, ты теперь знаешь. Возвращайся в дом Отца твоего, чадо!

— Помолись обо мне, отче!

— Молюсь, Лёша...

Вокресная всенощная шла своим чередом, после Евангелия православный люд шёл к помазанию. Мои «гаврики» вместе с другими приходскими детьми подходили помазываться в числе первых, смиренно сложив ручонки на груди и глядя на батюшку Флавиана

такими чистыми наивными глазами, словно это не они расколотили утром три стекла в соседской теплице футбольным мячом!

Мать Евлампия подошла ко мне на клирос, где мы с Юрой делили каноны — кому читать Октоих, кому Минею.

— Лёшенька! Мы пойдём с детками домой, я Ироньку тоже заберу, ей всё равно к святыне по-женски нельзя, поможет мне детонек уложить!

— Пусть идёт, мать Евлампия, конечно! Только пусть не забудет у этих футболистов над кроватью мой ремень повесить!

— Уж сразу и ремень, Алексей! Они нечаянно!

— Хорошо, хорошо! Раз нечаянно, пусть Иришка их начмокает за меня перед сном!

Внезапно из северной двери алтаря вышел только что приехавший наш бывший алтарник, а ныне семинарист Серёженька, в аккуратном чёрном подрясничке, сияющий радостными глазами.

— Брат Алексий! Христос посреди нас!

— И есть и будет, брат Сергий, здравствуй!

Мы обнялись.

— Ну, ты и вырос, Серёжка!

— Стараюсь, кушаю семинарскую кашку! — засмеялся он. — Брат Алексий, не уступишь мне свой канон почитать, по старой памяти?

— Не вопрос, брат Сергий! Я тогда пойду в пономарке присяду, а то стопа разболелась, я её третьего дня подвернул.

В пономарке, в уголочке, стоял стульчик, на котором благословлялось посидеть уставшим алтарникам. Я устроился на нём, вытянув вперёд ногу и скинув мокасин со своей всё ещё слегка распухшей стопы. Помазание закончилось, Флавиан унёс Святое Евангелие в алтарь, свет в храме погас. Хор запел ирмос первой песни канона. Сидеть в полумраке пономарки было уютно и спокойно, рядом, за шторкой, молился в алтаре Флавиан, с клиросов раздавалось поочерёдное чтение Юры и Серёжи, на душе было мирно и спокойно.

Вытащив из кармана афонские чётки, я тихонько начал перебирать узелки:

— Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй мя грешного! Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий...

Молитовка потекла тихонько-тихонько, постепенно отогревая пространство в груди, подбираясь к сердцу, чуть-чуть утесняя его... В закрытых глазах промелькнули образы высоких стасидий в темноте Покровского храма в Пантелеимоне, тёмные фигуры в склонённых клобуках, ковчег с главой старца Силуана...

— Батюшка Силуан! Помоги мне молиться! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя... Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя! Иисусе, Сыне Божий...

Вдруг... Или это мне только показалось? Нет! И вправду! Она вернулась! У меня радостно заколотилось сердце: «Господи! Слава Тебе! Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий...»

Она вернулась. Та самая афонская молитва, без которой так тосковало моё слабое от страстей сердце.

Она вернулась намного тише, не так ярко и сильно, как это было на Святой Горе, когда от радости взрывалось всё моё существо, она затеплилась в сердце кроткой лампадкой, но это была она, та самая афонская молитва — молитва общения, молитва взаимной любви, молитва, вводящая в душу Царство Божие, молитва вновь обретённого блудным сыном, вернувшимся в дом любящего Отца, Небесного счастья...

Флавиан, слегка отодвинув шторку, заглянул в пономарку, посмотрел на меня, улыбнулся и задвинул шторку на место.

ГЛАВА 16. ЭПИЛОГ

Два месяца спустя сижу я в подполе под домом, горожу, согласно указаниям матери Евлампии, поступающим сверху, через открытый люк, некое подобие короба для грядущего урожая картошки, как вдруг Иринин голос возглашает:

— Лёша! Вылезай! К тебе гость!

Вылезаю, отряхиваюсь, иду к дверям, смотрю — Игорь!

— Здорово, Игорище! Христос посреди нас!

— И есть и будет, Лёха!

Мы обнялись.

— Давай, собрат афонит, заходи! Сейчас кофе с «нером» организуем, только лукума нет, весь гостевой запас мои разбойники слопали!

— Спаси тебя Господь! Прости, брат, некогда, машина ждёт. Я попрощаться заехал, уезжаю.

— Надолго?

— Возможно, насовсем, Лёха, какова воля Божья будет!

— А куда?

— На Агион Орос, Лёха, в Пантелеимон!

— Монахом станешь?

— Как Бог благословит...

— А Флавиан?

— Благословил ехать.

— А Семёныч?

— Я ему Сашку привёл, боевого друга по Афгану, командира разведгруппы, майора в отставке. Он меня дважды от смерти спасал, пусть теперь Семёныча стережёт, я ему как себе доверяю.

— А... Даже и не знаю, что и спросить... Ну, ты меня, Игорёк, огорошил! Позавидовать только могу, но — «не положено по уставу»! Ты там молись за меня и Иришку со чадами!

И если найдёшь там, на Афоне, где-нибудь под стасидией, завалившийся кусок моего сердца, где-то я его там оставил... Так ты его протри тряпочкой, убери куда-нибудь до моего следующего приезда, ладно?

— Ладно, балагур! — засмеялся Игорь. — Уберу! Ну, давай! Счастливо вам тут!

— Тебе счастливо! Ангела в путь! Спасайся о Господе!

Иришка подошла ко мне:

— Он куда, Лёша?

— В Рай земной, солнышко моё, на Афон!

— А мы что?

— «Не выходи из кельи вон, и будет в келье у тебя Афон»!

— Это как, Лёша?

— Я тебе сейчас всё объясню, радость моя!

Покровское. Март 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

Торик Александр, протоиерей

ФЛАВИАН. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
Повесть

Верстка Н. Поленов

Подписано в печать 20.06.2011.
Формат 70x100/32. Печ. л. 9,5.
Гарнитура Академическая.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 8 000 экз. Заказ 7864.

АГИОН ОРОС
agion-oros-press@mail.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал **«УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»**
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

– Отец Александр! Скажите, события, описанные в ваших книгах, подлинные?

– Подлинные, насколько бы они ни казались фантастичными; реальность, в которой действует Бог, становится подчас удивительнее любого вымысла! Хотя, конечно, они в той или иной степени художественно обработаны – заменены имена, обстоятельства и время, отдельные детали. Но суть каждого события осталась неизменной, так как именно в этом и прослеживаются удивительные пути действия в мире спасительного Промысла Божьего.

– Отец Александр! А Вы были участником каких-либо из описанных Вами событий или всё это узнали от других людей?

– Участником некоторых довелось быть самому.

– Отец Александр! Какой девиз Вы бы избрали для своего творчества?

– “Какое счастье, что у нас есть такой Любящий Отец – Господь”!

ISBN 978-5-905462-02-3